

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

TAYLOR
INSTITUTION
LIBRARY

ST. GILES · OXFORD

c. Vet. PG 707. R9. 08. 79

542.

Лув. 1860
Лув. 1968.

0

ВЛІЯННЯ

ХРИСТІАНСТВА

НА СЛВВАНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

А: ...
К. Т. У. 23.

49564

0

ВЛІЯНІИ
ХРИСТІАНСТВА
НА СЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.
ОПЫТЪ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

ПО ОСТРОМИРОВУ ЕВАНГЕЛІЮ,

написанный

НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА

Кандидатомъ О. Буслаевымъ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Совѣта Московскаго Университета, Марта
31 дня 1848 года.

Секретарь Совѣта В. Спекторскій.

1115 620986

Ограниченное только древнѣйшимъ текстомъ славянскаго Евангелія, предлагаемое публикѣ сочиненіе не имѣетъ притязанія на окончательное рѣшеніе самаго важнаго въ исторіи славянскаго языка вопроса,

Палеографическая и собственно грамматическая части Остромирова текста должны были остаться внѣ предѣловъ сочиненія, по самой сущности его предмета, определяемаго исключительно корнесловомъ и изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ приставокъ и образующихъ окончаній. Вліяніе греческаго словосочиненія на славянское есть уже не прямое вліяніе Христіанства на языкъ, и можетъ быть опредѣлено только сличеніемъ Остромирова текста со всеми древнѣйшими переводами и сочиненіями оригинальными.

Въ самомъ лексикологическомъ запасѣ славянскаго Евангелія многое остается не рѣшеннымъ до тѣхъ

поръ , пока не приведется въ ясность корнесловъ прочихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Избравъ древнѣйшій текстъ славянскаго перевода Св. Писанія, авторъ имѣлъ въ виду первоначальный способъ начертанія словъ , дающій историческому изслѣдованію твердую опору.

Для того, чтобы опредѣлить степень вліянія Христіанства на славянскій языкъ слѣдовало сначала рассмотреть оный внѣ Христіанства , показавъ въ немъ слѣды язычества , и потомъ уже обозначить , что внесено въ него Христіанствомъ. Такимъ образомъ древнѣйшая исторія языка раздѣлилась на два періода: мифологическій и Христіанскій.

Ограниченный объемъ матеріала не позволялъ дать изслѣдованію надлежащей системы, недостатокъ которой старался авторъ восполнить единствомъ воззрѣнія.

I.

ПЕРІОДЪ

ИСТОЛОГИЧЕСКІЙ.

По мѣрѣ развитія образованности и сближенія съ чуждыми народами, теряется сознательное употребленіе роднаго языка. Лѣтописцы, составители грамотъ и другіе старинные писатели были чувствительнѣе насъ къ значенію словъ, свободнѣе ими пользовались и были смѣлѣе въ словопроизводствѣ. Мы даемъ слову свое собственное значеніе, соответственное степени нашего умственного образованія: наши предки, еще не утративъ въ своемъ сознаніи первоначальнаго впечатлѣнія, словомъ выражаемаго, не могли на слово налагать чуждое ему значеніе, и примѣняли свою мысль къ основному корню слова, естественно развивая такимъ образомъ его смыслъ. Привычка обращаться только къ извѣстнымъ, литературною усвоеннымъ выраженіямъ, заключаетъ насъ со всѣмъ богатствомъ современнаго мышленія въ

тѣсномъ кругу, изъ котораго иногда извлекаеть только высокое дарованіе писателя, воспитаннаго воззрѣніями и смысломъ роднаго языка: ибо языкъ пока живеть въ народѣ, никогда не утратитъ своей животворной силы; и всякое замѣчательное въ литературѣ явленіе есть какъ бы новая попытка творчества въ языкѣ, есть возрожденіе той же самой силы, которая первоначально двинула языкъ къ образованію. Потому-то писатели классическіе бывають создателями новыхъ словъ и оборотовъ, которые однако всѣмъ понятны: они намъ нравятся не потому, что они новы, а потому что мы ради найти въ насъ самихъ, въ родномъ языкѣ, столь для насъ извѣстномъ — незамѣченное нами. Такимъ образомъ всякое гениальное нововведеніе въ языкъ скорѣе можно назвать находкою утраченнаго, нежели пріобрѣтеніемъ новаго: и наша радость въ этомъ случаѣ объясняется временнымъ пробужденіемъ въ насъ сознанія къ творческой силѣ нашего собственнаго слова.

Напрасно стали бы мы въ исторіи языка искать того древнѣйшаго періода, когда человекъ вполне сознавалъ свое слово: въ старину онъ только менѣе отдѣлялъ отъ него свою мысль. Потому слово, какъ вѣрное выраженіе преданій и обрядовъ, событій и предметовъ, понималось въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что выражаетъ: названіемъ запечатлѣвалось вѣрованіе или событіе, и изъ названія вновь возникали сказаніе или мнѣ; изобразительнымъ воз-

зрѣніемъ слово живописало страсти и духовныя способности челоуѣка, и своей изобразительностью пораждало въру въ вещественное явленіе духовнаго. Затерянное въ отдаленныхъ вѣкахъ върованіе удерживало свое бытіе въ сохранившемся названіи, намекавшемъ на утраченное. Простосердечное мышленіе не понимало въ языкъ суетной прикрасы, и изобразительность языка, въ древнѣйшемъ его періодѣ, казалась естественнымъ, прямымъ выраженіемъ мысли: ибо мысль не могла еще во всей отвлеченности отрѣшиться отъ тѣхъ жизненныхъ образовъ, отъ тѣхъ върованій и наивныхъ убѣжденій, которыя собственно выражались словомъ. Этотъ древнѣйшій періодъ языка, по внутреннему значенію, можно назвать миеологическимъ, по способу же воззрѣнія — эпическимъ. Не смотря на свободу, съ какой въ старину пользовались языкомъ, нельзя не замѣтить эпической обрядности въ повтореніи известныхъ обычныхъ выраженій: сказанное однажды о какомъ либо предметѣ казалось столь удачнымъ, что уже не нужно было видоизмѣнять оное. Это свойство древнѣйшаго языка было существеннымъ основаніемъ, почему языкъ становился вѣрнымъ орудіемъ преданія. Каждое слово, возбуждалъ живое впечатлѣніе, имъ выражаемое, останавливало на себѣ вниманіе; точно такъ, какъ эпическій поэтъ до малѣйшей подробности любитъ описывать каждый встрѣчающійся ему предметъ: и какъ свободная мысль эпическаго поэта какъ бы неволью увлекается созерцаніемъ разнообразія видимой природы; такъ и

языкъ сковывалъ развитіе мысли , поглощая ея отвлеченность изобразительнымъ впечатлѣніемъ , выражаемымъ въ словѣ.

Богатыя уподобленія и блестящія картины, столь свойственныя эпическому воодушевленію , живутъ той же творческой силой и въ древнѣйшемъ языкѣ, въ отдѣльныхъ реченіяхъ: и не удивляютъ говорящаго своей мѣткой изобразительностью, подобно тому какъ все истинно прекрасное въ природѣ чуждо изысканности, и плѣняетъ другихъ , въ своей простотѣ не разумѣя само, какъ оно прекрасно. Наконецъ языкъ, въ древнѣйшемъ періодѣ своего образованія, уже и потому является неразлучнымъ спутникомъ народной эпической поэзіи , что вмѣстѣ съ ней является сокровищницей вѣрованій и преданій , имъ запечатлѣнныхъ въ памяти народа.

Въ эпическихъ формахъ, даже и доселѣ удержанныхъ народною рѣчью, открываются слѣды глубокой древности. Слово, какъ звукъ, выражающій движенія потрясенной души , тронутой впечатлѣніемъ вѣшнимъ въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью , означаетъ предметы по тѣмъ свойствамъ, какія ярче бросаются въ глаза и затрогиваютъ воображеніе. Ежедневное употребленіе въ послѣдствіи возводитъ впечатлѣніе до общаго понятія : но сила начальнаго впечатлѣнія возникаетъ вновь и остается на память народу въ постоянномъ эпитетѣ , который какъ бы подновляетъ употребленіемъ сглаженную съ слова

краску, придавая ему свѣжесть перваго впечатлѣнія. Родство происхожденія постоянного эпитета и названія предмета убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ послѣдствіи изъ первоначальнаго впечатлѣнія и постоянного эпитета развивается цѣлое повѣріе. Для исторіи языка весьма важно обратить вниманіе на такой переходъ слова отъ значенія просто нагляднаго къ мифологическому, глубоко коренящемуся въ нравахъ и обычаяхъ народа. Впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ предмета, есть самое естественное: и эпитеты, означающіе сіянье, блескъ, стоятъ въ ближайшей связи съ поклоненіемъ огню и свѣту небесному. Преимущественно замѣчательны въ исторіи языка эпитеты сербской народной поэзіи, столь обильной эпическимъ воодушевленіемъ; начнемъ ими. Такъ золото называется сухое, серебро бѣлое: од суха злата, од сухога злата, од бијела сребра: говорится также и: чисто сребро, какъ у насъ.

Сухое золото. Сначала объяснимъ значеніе слова золото, въ О. Е. злато. Нашъ звукъ з соответствуетъ въ Санскритѣ звуку г, который, какъ и у Славянъ, переходитъ въ знд. з: скр. агам, знд. азѣм, азъ; скр. вагати, знд. вазаити, везеть; скр. гима, знд. зіао, зима; скр. гѣм (гѣ), знд. зѣо, зѣм, винит. занм, земля. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ г, измѣненный какъ у насъ, такъ и въ знд. въ з.—Касательно втораго звука, именно л, тоже должно замѣтить, что ему соответствуетъ р, и притомъ слово съ звукомъ р первобытце: такъ знд.

гара (гор-ло) ближе къ основному корню, нежели скр. гала, ибо происходитъ отъ скр. grû (гл-отать), хотя есть и другой глаголъ гал (тоже глотать), но уже образованный смягченіемъ перваго: у насъ и горло, жерло и глотка: равно какъ и въ лат. gula и gurgis. Слѣд. въ словѣ злато можемъ предполагать древнѣйшій звукъ р. вм. л. — Въ энд. зара ближайшая форма къ нашему зла-то, и какъ образуется это слово у насъ съ суф.-то, такъ въ энд. съ суф.-ня: зара-ня: слич. скр. гира-ня: а оба эти суфф. равнозначительны, что видно изъ словъ: вьши-на и висо-та, глуби-на, и глубо-та, скр. джѣви-та живо-тъ и джѣв-ана, чеш. živ-ана. Можетъ быть злато въ его энд. формѣ: зара, въ славянскомъ языкѣ сроднилось съ словами: заря свѣтъ и зрѣти не только видѣть, но и свѣтить, откуда срб. зрак, зрака солнечный лучъ. Но въ отношеніи къ аналогіи съ другими языками весьма важно указать на древнѣйшую скр. форму: гаура flavus, съ звукомъ г, соответствующимъ нашему з: и какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ мы замѣчаемъ слѣдующій переходъ понятій: gelb, срд. нѣм. gilwe (flavor), galle (bilis), гот. gulþ, скан. gull золото: такъ и скр. гаура, лит. geltas, geltonas (flavus) переходитъ въ жолчь, въ О. Е. зльчь, зльчь (слѣд. желтый, чеш. žlutý = златый) и въ злато: сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото“ Лавр. 31. Теперь обратимся къ срб. эпитету: сухо злато. Нынѣшнее зна-

ченіе словъ: сухой, сушить, никоимъ образомъ не объясняетъ этого эпитета. Золото по своему значенію предполагаетъ при себѣ эпитеты: свѣтлый, горящій, красный, желтый. Такъ въ нѣм. нарѣчіяхъ эпитеты золоту: красное: въ Эддѣ *gull gaut*, въ *Nibelung. geben rotez golt*, въ нашей народной поэзіи также: красно золото. Даже въ Санскритѣ корень *суш* значить только *agescere, siccare*: но, утраченное въ глаголь, первобытное, миеологическое значеніе сохранилось намъ въ скр. производномъ: сушма (-ма суф., корень *суш*) въ смыслѣ *sol, ignis, lumen, splendor, vis, robur*. Слѣд. сухой, въ его миеологическомъ, древнѣйшемъ значеніи силы огня и солнца, какъ нельзя лучше могло быть эпитетомъ злату: чему соответствуетъ другой эпитетъ въ серб. пѣсняхъ: чистим серебромъ и жеженымъ златомъ, Вук. 2. 217. Если это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ: и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: да будемъ золоти, т. е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня.

Бѣлое серебро. Въ Санскритѣ и этотъ эпитетъ и самый предметъ выражаются однимъ словомъ: *раджата*, откуда лат. *argentum*, гр. *ἀργυρος*, подобно Санскриту раздѣляющее свое значеніе и для предмета, и для эпитета: *ἀργός* свѣтлый, ясный, бѣлый. Славяне выразили свое сознаніе о первоначальномъ воззрѣніи эпитетомъ: бѣлый. Какъ быстрый, у Сербовъ: *бистар* значить *klar, limpidus*, и бистрина *klarheit, limpidudo*, такъ и у Гомера *χύμης ἀργοί* не только бѣлыя

собаки, но быстрыя: ибо съ понятіемъ о свѣтѣ соединяется представленіе о быстромъ впечатлѣніи, мгновенно поражающемъ зрѣніе. *) — Касательно производства слова серебро, въ О. Е. серебро, лит. *sidábrgas*, лтш. *szudgrabs*, др. пр. *sigablan* (въ косв. пад.), гот. *silubr* — мнѣнія различны: Юнгманъ, слѣдуя Потту, сближаетъ его съ скр. *субра splendidus, albus*; отъ *суб splendere*; Миклошичъ, слѣдуя Бенфею, разлагаетъ его на два слова: скр. *свѣта бѣлый и абрас золото*. Оба мнѣнія сходятся по крайней мѣрѣ въ томъ, что понятіе о бѣлизнѣ заключается въ смыслѣ слова серебро. Производство Потта менѣе натянуто. **)

Понятіе о свѣтѣ заключается въ древнѣйшемъ славянскомъ наименованіи драгоценнаго камня: въ О. Е. бисеръ *μαργαρίτης*. Добровскій замѣчаетъ объ этомъ словѣ только: *peregrina vox est.* ***) Но самостоятельное употребленіе его въ языкѣ Св. Писанія свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ его существованіи у Славянъ: у Ул. ему соответствуетъ грецизмъ: *μαργεϊτις*. Наше бисеръ употреблялось въ Санскритѣ въ формѣ прилагательнаго *б'асура lucidus, splendidus*; *б'асвара luminosus*, отъ глаг. *б'ас*, или съ краткимъ *а*:

*) Другое объясненіе см. въ *Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr.* herausg. v. Höfer, 1847, 1, 99.

**) *Etym. Forsch.* 2, 414.

***) *inst. l. sl.* 295.

бас *lucere, splendere*; слѣд. скр. эпитетъ сохранился у насъ въ названіи предмета. Потому-то понятіе о свѣтѣ и сіяніи постоянно соединяють наши старинные писатели съ словомъ бисеръ: „въ невѣрныхъ чело-
вѣцѣхъ *свѣтлящися* аки бисеръ *) въ камѣ“, говоритъ Несторъ объ Ольгѣ, Лавр. 29. — Въ одной мѣологической сербской пѣснѣ (Вук. Ст. Кар. I, № 226) Вида строить: „*једна врата сва од злата, друга врата од бисера.*“ Въ Словарѣ 1282 бисеръ приченъ къ словамъ жидовскимъ, т. е. иностраннымъ, съ объясненіемъ: камень чештьръ, Кал. I. Е. Б. 194.

Въ названіяхъ мѣологическихъ эпитетъ достигаетъ высшаго значенія. Понятіе о свѣтѣ глубоко лежитъ въ названіи Русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа. Хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ начальною ихъ стихіею. Рѣчное названіе Руса, откуда Русалка черезъ форму рус-ло, ведетъ свое происхожденіе отъ слова: русый, распространившагося не только на сѣверъ, гдѣ находимъ фин. *rus* **) красный, рыжий, но и на югъ, такъ что у сербовъ руса постоянный эпитетъ головы: „и русу му осижече главу.“

*) Рейсъ, не взявъ въ расчетъ древняго и слѣдовательно настоящаго значенія слова бисеръ, объясняетъ его по теперешнему значенію арабскимъ: *bouzer, bouzra—grain de verre.*

**) Бутковъ ограничиваетъ названіе Русы финскимъ происхожденіемъ, см. о Финск. слов. въ V части Труд. Рос. Ак. 1842.

Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: па rotoku Rusawě, но и въ келт. rus, ros озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ языка санскритскаго, именно въ языкѣ Ведъ, находимъ русат gutilans, глаголъ же русъ остался и въ послѣдствіи, но только въ значеніи ferire, occidere, съ переменною же небнаго с въ ч, перешелъ въ руч lucere, splendere.—Сначала покажемъ связь огня съ водою въ языкѣ, и потомъ въ повѣрїяхъ.

а) По скр. pât'a вода, pâ'tis море, (гр. πόταμος, πόντος;) и вмѣстѣ огонь, солнце: первое значеніе обыкновенно производятъ отъ pâ пить, а второе отъ pâ servare, sustentare. Въ др. нѣм. названія источниковъ также стоятъ въ связи съ огнемъ: rrunno отъ rpinpan ardere, sôt отъ siodan fervere; точно такъ, какъ др. нѣм. velle fluctus относится къ vallon fervere, и sual subfrigidus къ suëlan ardere: такъ и скр. вâри вода къ нашимъ варъ (вообще жаръ), варити, врьти; и чух. wari aestas: такъ что время точно также происходитъ отъ врьти, и означаетъ сначала жаркое время года и потомъ вообще время, какъ лат. tempus отъ скр. тап, откуда наше топ-ить, лат. ter-eo. У Индійцевъ время происходитъ отъ дождя: скр. варша дождь и абда дающій дождь (т. е. облако), собственно дождливое время года, а потомъ и время или годъ вообще. У Нѣмцевъ время и годъ происходятъ отъ холода: изъ слѣдующихъ сличеній увидимъ, что Нѣмцы жили въ климатѣ болѣе холодномъ, нежели Славяне. Зима въ О. Е. не только χαλιών, но и ψύχος, Иоан. 18, 18 яко

зима бѣ δπ ψύχος ἤν, у Ул. kalds, т. е. холодъ; Ясные слѣды находимъ мы, что зима значить у насъ не только холодъ, но даже и сѣверъ, на пр: въ Юрид. Акт. а у сосны верхъ кривъ взиму, 168, или еще яснѣе: Къргоозерце полуденная сторона къ Липнику, а зимняя сторона къ Шубачу, 163. По-литовски žiemys — сѣверный вѣтеръ; въ чшс. нарѣчїи зима также значить холодъ, что видно изъ Чеш. отр. X в: zima bese, въ томъ же выше-означенномъ мѣстѣ Евангелїа. Для χειμών же Ул. употребляетъ собственно vintrus, которое значить у него и вообще годъ, въ исчисленїи времени, ἔτος; точно также и въ скн. языкѣ годы считаются зимами, уже въ Эддѣ: rau bioggo siau vetr, они жили семь зимъ, т. е. годовъ. *) Напротивъ того въ О. Е. годы считаются уже лѣтами: двѣнадцате лѣтъ имащи, у Ул. же vintruns duatgaggandei, Mat. 9. 20.

б) Преданїя и вѣрованїя, подобно языку, сблизаютъ воду съ огнемъ. По нѣмецкому вѣрованїю Ostara, Еастре была божествомъ свѣтлаго утра и восхода солнечнаго, а со введенїемъ Христіанства перешла въ значенїе Пасхи (хотя у Ул. еще только паска); ибо, по преданїю, въ первый день Пасхи по утра солнце скачетъ съ три прыжка, и играетъ и пляшетъ. Это преданїе было и у Славянъ, что видно изъ эпическихъ формъ Крамѣдв. ркиси: slunce postúpi wterým krokem „i krokem třetiem nad wršiny lesné“ (Čestm. a Wlasl.); у Лужичанъ это преданїе о

*) Grimm, Lied. d. alt. Edda. 2.

солнцѣ осталось и досель. На рунич. надписяхъ *) находимъ форму *austr*, сходную съ ски. *austr*—поднимающаяся вверхъ вода, на пр. на корабль, отъ глагола *ausa* поднимать, *ösa* въ томъ же значеніи, но преимущественно о водѣ. Для сближенія этого слова съ обрядомъ любопытно ски. языческое выраженіе: *at ausa vatni*, т. е. облить водою, ксему соответствуетъ Христіанское: *at skiga* — очистить: по языческому ски. обряду новорожденныхъ дѣтей орошали и освящали водою. У Лужичанъ и досель спрыскиваютъ и поливаютъ скотину на Пасху. Проповѣдники Слова Божьяго, примѣняясь къ древнимъ обычаямъ, крестили около Пасхи; а вода воскресенская, по нѣмецкому и славянскому (у Лужичанъ) суевѣрію, молодить и красить лицо, такъ какъ у насъ вода съ перваго вешняго грома. Согласно съ этимъ повѣрьемъ находимъ въ Густ. лѣт. XVII в. не только: „поливая водою на великъ день“, но и подробное описаніе языческаго обряда на Пасху: „отъ сихъ единому нѣкому богу на жертву людей топаху, ему же и донинѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять: въ день пресвѣтлаго Воскресенія Христова, собравшеса юни и играюще, вметають челоуѣка въ воду..... по иныхъ же странахъ не вкидають въ воду, но токмо водою обливають, но одиначе тому же бѣсу жертву сотворяють.“ Ипат. въ прибавл. 257. Нѣмецкую Остару Лужичане осмыслили себѣ словомъ,

---

*) Dieterich, Runen-Wörterb. Stockholm, 1844, стр. 229.

намекающимъ на утро, для означенія Пасхи, а именно: jutry, witry, jatry, jatschy, watschy и даже jastry, что всего ближе къ нѣмецкому. Конечно *утренняя пляска* солнца могла бы какъ не лъзя лучше согласоваться съ понятіемъ объ утрѣ, но jutro, утро во множ. jutra, а не jutry. Самое множественное число въ луж. названіи Пасхи согласуется съ множ. нѣм. ôstarûn; вышедшее изъ употребленія нижн. луж. названіе мѣсяца Апрѣля jatschman есть др. нѣм. и др. сакс. ôstar-mânôth, eâster-mônadh, получившее происхожденіе отъ Остары *), о чемъ свидѣтельствуетъ и Беда (de temp. ratione 13) слѣдующими словами: „eostur-mônâth, qui nunc paschalis mensis interpretatur, quondam a dea illorum, quae Eostra vocabatur et cui in illo festa celebrabant, nomen habuit, a cujus nomine nunc paschale tempus cognominant, consueto antiquae observationis vocabulo gaudia novae solemnitatis vocantes.“ Подобное же поклоненіе свѣту и огню, соединенное съ поклоненіемъ водѣ, находимъ и въ обрядѣ Весталь: что особенно важно потому, что нѣкоторые сличаютъ нѣмецкую Остару съ лат. Вестою **). Служеніе Весталь состояло между прочимъ въ почерпаніи очистительной воды въ священные сосуды; и anclore почерпать есть вѣроятно сокращенная форма глагола anculare ***), отъ коего Фестъ производитъ

---

*) v. d. Hagen, Neues Jahrb. d. Berlin. Gesellsch. f. deutsch. Spr. u. Alterth. 1846, стр. 132.

**) Id. 1844, стр. 244—250.

***) Pfund, Altitalische Rechtsalterth. 1847, 2.

слово ancilla: „ancillae— sic appellantur quod antiqui anculare dicebant pro ministrare.“ Отъ глагола anculare произошло ancilabris, такъ объясняемое Фестомъ: „ancilabris ea (т. е. mensa), quæ in sacrificando diis ancilatur, quod est hauritur ministraturque.“ Здѣсь кстати замѣтимъ, что лат. ancilabris соответствуетъ нашему точило, коимъ въ словарь 1282 г. объясняется алтарь, Кал. I. Е. Б. 194; въ О. Е. оно употребляется только въ смыслѣ ὑπολύμιον, Мат. 21, 33. Ул. своимъ переводомъ этого слова, Мр. 12, 1, объясняетъ связь того и другаго значенія нашего точило; именно: dal. ul. mesa, слово въ слово: углубленіе, яма въ столѣ или доскѣ.

Итакъ ни языкъ, ни повѣрія не препятствуютъ признать въ нашей русалкѣ значеніе не только существа, живущаго въ водѣ, но и свѣтлаго, яснаго: не одна *быстрога* (и въ смыслѣ сербск. нарѣчія) воды допускала такое сближеніе, но и самое поклоненіе этой стихіи. Даже, судя по Санскриту, можно допустить, что понятіе о свѣтѣ было первоначальнымъ.

Соответственное Русалкѣ божество, Вила сопровождается постояннымъ эпитетомъ, означающимъ свѣтъ, красоту, бѣлизну: бѣла вила, въ Серб. пѣсн.; ибо бѣлый значитъ первоначально и прекрасный, ясный, свѣтлый: у Славянъ и доселѣ сохранилось это значеніе. Какъ важенъ при имени этой богини эпитетъ, свидѣтельствуютъ Словаки, которые ее называютъ только по эпитету: bjle ranj. Слич. крн. węł bęłь, węłina, węłust—бѣлизна.—Въ старину вѣроят-

но далѣе было распространено между славянскими племенами вѣрованіе въ Вилы. Въ одной болгарской сказкѣ, ркпсѣ XIV в., греческія богини названы: вилы пророчица, Вост. Оп. Рум. Муз. 387. Онѣ были и у насъ, чему свидѣтельствомъ служить Слово нѣкоего Христолюбца 1525 г.: «вѣрующе—въ вилы нхже чі-словъ тридевятъ сестрениць», *ibid* 228. — Какъ Русалка, живя въ водѣ, любитъ выходить и на сушу, и, сидя на деревѣ, расчесываетъ свои длинныя косы: такъ и Вилы, хотя живутъ на горахъ, но около воды. Какъ Русалки, такъ и Вилы почитаются душами усопшихъ младенцевъ: это вѣрованіе роднитъ Вилу съ лит. *wélės* души умершихъ, и съ латыш. *wels* первоначально богъ усопшихъ, а въ послѣдствіи чортъ, равно какъ и лит. *wélnas*. Сличая вилу съ лит. и латыш. формами, мы должны остановиться во первыхъ на измѣненіи *и* въ *e*, и во вторыхъ на приставномъ звукѣ *з*. Уже Шафарикъ *), сблизивъ вилу съ скн. *völa*, допускаетъ измѣненіе звука *i* въ *ö*: а надобно замѣтить, что скн. *völa* колдунья, въ отношеніи гласной предполагаетъ древнѣйшую форму *vala*, которая дѣйствительно и употребляется, и въ томъ же значеніи **); слич. у Славянъ: *vilenik* чернокожничекъ, колдунъ, *vilenisctuo*—чернокожничіе, *vilensztvo*—колдовство; въ отношеніи же окончанія замѣчательна болѣе полная форма: скн. *vólva* тоже колдунья, но

*) Slow. Staroz. 51.

**) Fr. Dietrich, *altnord. Leseb.* 282.

первоначально мифологическое существо, о козмъ говорить одна изъ древнѣйшихъ пѣсень Эдды, именно Völuspá. Слѣдовательно изъ сличенія нашей вльбъ съ лит. и нѣм. формами выводится древнѣйшій видъ этого слова: валес, валс, велс, валь, велв. Конечные звуки *с, в*, утративъ значеніе, становятся придыханіями, равно какъ *х, г*: потому скн. vólva колдунья есть женская форма фин-го vólho, velho колдунъ: и какъ скн. vólva ходить и въ сжатой формѣ: völa, такъ и фин. vólho измѣняется въ vóllo. По свойству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. helm шлемъ: потому vólva, vólho является въ О. Е. въ древ. слав. формѣ вльхвъ, т. е. влѣхвъ или влѣхвъ, влѣхвъ; а русскій языкъ ставитъ гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. шеломъ: слѣдовательно волхвъ или волховъ *), и особенно у Нестора: вольсви, Лавр. 16, собственно русская форма. Въ отношеніи окончаніи

*) Бутковъ Волховъ производитъ отъ финскаго vuolla стремительный потокъ, о Фин. слов. Но это слово есть общее достояніе европейскихъ народовъ: уже въ древнихъ агс. законахъ vullas—ручьи причисляются къ предметамъ языческаго поклоненія. Вообще производство слав. словъ изъ фин. языка требуетъ большой осторожности: Бутковъ наше древн. серенъ производитъ отъ фин. siegaun, siegeun—земля, покрытая зимою твердою корою. Но въ Ипат. стр. 185 читаемъ: «падшу снѣгу и серену». Какимъ же образомъ можетъ падать съ неба мерзлая земля? Еще Памва Берында толкуетъ: «Слана: *серенъ*—роса змерзлая, слотá. слань: слотá.»

это слово весьма важно для истории славянских звуковъ : ибо не только производныя слова , на пр. въ Вологодской губерніи волхатъ—колдунъ, въ Малороссіи волштити хитрить , но и въ народныхъ пѣсняхъ извѣстное собственное имя Волхъ—показываютъ, что конечнымъ звукомъ *в* замѣняется утраченный гласный заключительный звукъ : слѣдовательно древнѣйшая форма могла быть: вълху, вълхо, вълхъ: что будетъ совершенно согласно съ формами: *völho*, *völva*. — Какъ жрецъ, жертва , пол. *żarzyzna* произошли отъ поклоненія огню , будучи произведены отъ жрѣти, горѣти, лит. *gargas* дымъ: такъ и волхвъ, вълхъ , *völho*, согласно съ вѣрованіемъ въ высшую свѣтящую силу солнца, является въ первоначальной формѣ въ скр. глаголь: валгъ свѣтить, блистать. Слѣдовательно волхвъ есть не только синонимъ жрецу но и его древнѣйшее индоевропейское именованіе, жрецъ же есть уже позднѣйшая, въ языкѣ славянскомъ созданная форма; волхвъ носить въ себѣ память о поклоненіи свѣту , жрецъ прямо указываетъ на жертву и огонь. Слѣдовательно въ древнѣйшемъ образованіи слова волхвъ заключается причина тому, что это слово въ послѣдствіи потеряло свой опредѣленный смыслъ, смѣшавъ понятіе о жрецѣ съ понятіемъ о божествѣ и существѣ сверхъестественномъ, что видно изъ скн. *völva* и нашего Волха Всеславича. Такъ какъ въ племени чудскомъ сохранилось въ болѣе чистой формѣ это слово , то въ немъ же нужно указать и оправданіе нашему производству : у Мадьяровъ или Уральской Чуди дѣйствительно на-

ходимъ скр. глаголь валг въ существительныхъ : világ сiяніе, свѣтъ, и villám молнія.—Кромѣ понятія о свѣтъ, скр. валг, по закону являющееся въ формахъ : балг и барг, значить ferire, occidere, точно такъ какъ и рус означаетъ и то, и другое. Следовательно въ самомъ Санскритѣ находимъ оправданіе родству Вилъ и Русалокъ: и сербская Вила, согласно съ своимъ производствомъ, обыкновенно стрѣляетъ по врагамъ своимъ въ руку, въ ногу, или въ сердце. Эпическое представленіе оружія также сближаетъ понятія о пораженіи съ понятіемъ о свѣтъ, какъ въ нѣм. преданіяхъ, такъ и нашихъ. У Славянъ стрѣла значить и zagilla и лучъ, что видно изъ glos. Mat. verb: strel se vrsene (стрѣль же верженіе) radiorum autem ictus; равно какъ и у Нѣмцевъ strâl radius, муж. род., а др. нѣм. strâla жен. рода—наша стрѣла, впрочемъ въ arg. stroel хотя и муж. род., но въ значеніи стрѣлы. Согласно съ представленіями въ языкъ, преданія говорятъ о свѣтъ, выступающемъ на концѣ оружія : въ пѣсняхъ Эдды находимъ эпическое выраженіе: на копьяхъ лучи стоятъ *); въ другихъ мѣстахъ говорится яснѣе; „это зовется огонь, но онъ долго (lengi, высоко?) трепещетъ на острьѣ копья“; или : „смертное пламя (hraelog) горитъ на копьяхъ“. Оддо такъ ослѣпилъ Норвежцевъ въ одномъ сраженіи, что въ сусвѣрiи видѣли, какъ пламя стремится изъ мечей вражескихъ. Слич. Tacit. ann. XV,

*) Brüd. Grimm, Lieder d, alt, Edda, 1815, стр. 64—66.

7 pila militum arsere, XII, 64 signa militum arsere. Вѣроятно тоже представленіе лежитъ въ основаніи темнаго въ Сл. о П. И. выраженія: „смагу мычючи въ пламянъ розѣ.“ Не стоятъ ли въ связи съ словомъ рогъ—рожанецъ?—въ Ипат. 186 читаемъ: „срълцемъ же обаполь идушимъ, и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ.“

Примѣч. Для полноты сближенія эпическихъ представленій нѣмецкихъ съ нашими, укажемъ на другое свойство оружія; оно поетъ. Въ древней скн. клятвѣ говорится: да не кусаетъ мечъ, тобою обнаженный, хотя бы и *льль* онъ у твоей головы, *Völsunga*. Скандинавская поэзія богата подобными выраженіями: мечъ кусаетъ и звенить о ихъ черепы, *saga Hrolfs konungs Kraka*; топоръ *высоко запль*, отрубивъ ему голову, *saga Ketils Naengs* *). Этими эпическими формами объясняется темное мѣсто въ Сл. о П. И. „копіа поють на Дунай.“ Подобно оружію, и знамена одарены тою же человѣческою способностью: въ Сл. о П. И: „стязи глаголютъ;“ Вольфрамъ въ Парц. говоритъ: *ein Trühendingaer pfanne mit krapfen selten dà erschrei*, слич. также *Helmbrecht 1398: sô schriet mir min pfanne.* Вообще взгляды нѣмца и славянина на оружіе и воинскіе доспѣхи во многомъ сходятся: такъ въ Сл. о П. И. щиты червленныя, въ нѣмецкихъ памятникахъ энитеть щиты

*) *Philologus*, изд. Schneidewin. 1846, N° 2, стр. 340—343.

ту: красный *). Выраженіе въ С. о П. И. „конецъ копія въскрѣмлени“ — согласуется съ представленіемъ въ Эддѣ: „копьями кормилъ гадовъ змѣиныхъ“, т. е. трупами падшихъ отъ копій. Заимствованія одного народа отъ другаго здѣсь никакъ не лзя предположить: воображеніе и одинаковый взглядъ на вещи — источникъ этимъ представленіямъ. Какъ естественно, на пр., преданіе о слѣпомъ Вермундѣ, отличающемъ свой мечъ по звуку. Уже у Гомера, какъ и въ нашихъ пѣсняхъ, поеть тетива, спѣла тетивка, Од. 21, 411:

δεξιτερῆ δ' ἄρα χεὶρὶ λαβῶν παρήσατο νευρῆς.
ἢ δ' ὑπὸ χαλὸν ἄσιε, χελιδόνι ἐκέλεη αὐδῆν.

Согласіе эпическихъ представлений въ языкѣ съ эпическими формами народной поэзіи опредѣляетъ древнѣйшую эпоху образованія и исторіи языка.

Дальнѣйшее развитіе того же воззрѣнія, которое лежитъ въ основѣ върваній въ Русалку и Вилу, находимъ въ нѣмецкихъ преданіяхъ объ Эльфахъ и Валькиріяхъ. Вотъ главнѣйшія черты, опредѣляющія родство славянскихъ повѣрій съ нѣмецкими:

- а) Какъ Вилы и Русалки почитаются душами некрещенныхъ младенцевъ, такъ и Эльфы **) не только души умершихъ — потому-то они и пляшутъ на кладбищѣ и празднуютъ смерть человека —, но и падшіе съ неба ангелы, однако не погибшіе въ аду, а въ печали и мукѣ ожи-

*) Grimm. D. R. A. 35, 74.

**) Jrische Elfenmärch., von d. Brüd. Grimm, 1826.

дающіе рѣшенія своей участи : подобно тому , какъ страдаетъ душа некрещенаго младенца , по нашимъ преданіямъ , и летаетъ безпріютная , прося крещенія . Самая внѣшность Эльфа согласуется съ нашимъ преданіемъ о младенцахъ : въ настоящемъ своемъ видѣ онъ является прекраснымъ дитятею . Какъ съ одной стороны существа водныя олицетворяютъ души некрещенныхъ младенцевъ , такъ съ другой стороны огонь , а именно блудящій , есть тоже душа умершаго безъ крещенія младенца , на пр. у Лужичанъ .

- б) Эдда различаетъ два рода Эльфовъ: *бѣлые* Эльфы, или Эльфы свѣта, и *черные*, или Эльфы тьмы. Не только эпитетъ Вилы, но и самое названіе ея, равно какъ и Русалки, указываютъ на то, что наши мифологическія существа относятся къ первому разряду , какъ древнѣйшему : ибо низверженіе божества во тьму относится уже къ тому времени , когда Христіанство оказало вліяніе на древнѣйшія народныя вѣрованія : потому - то бѣсъ, первоначально существо свѣтлое, отъ скр. бѣс свѣтитъ, въ вѣрованія Христіанскомъ перешелъ въ духа тьмы. *) Точно такъ и Дивъ первоначально божество, что видно изъ слѣдующей

---

*) Согласно съ представленіемъ въ языкѣ ; Христіанскіе живописцы, по древнему преданію, изображали змія прельстителя съ прекраснымъ лицомъ .

приписки въ переводъ Григор. Богосл., ркпс. XI в., по Кеппену (Библ. лист. 1825, № 7): „*Овъ дью жъреть, а друугьи дивии*“ — происходитъ отъ скр. див splendere, и собственно божество небесное, ибо скр. див, дива небо. Въ послѣдствіи, въ серб. поэзіи Дивы имѣють своего старшину, и являются существами враждебными, см. Вук. Ст. Серб. пѣсн. 2, № 8. Въ Сл. о П. Иг.: „дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ“. Гримм *) приводитъ подобное же мѣсто изъ одного др. нѣм. произведенія, гдѣ является бѣда, какъ бы нѣкій демонъ, сидящій на деревѣ. Подобное вышеупомянутому дѣленію въ Эддѣ, мы находимъ и у насъ, такъ въ Лавр. 77 читаемъ: „то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ? онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходятъ же и подѣ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну“. — Это сказаніе отличается отъ преданій нѣмецкихъ только тѣмъ, что приписываетъ бѣсамъ (и ангеламъ?) крылья, тогда какъ Эльфы безъ крыльевъ, подобно Виламъ и Русалкамъ. Хотя представленіе о крылатомъ духѣ могло образоваться отъ вліянія Христіанства: однако замѣчательно въ древнѣй-

*) D. M. 66.

шихъ славянскихъ памятникахъ употребленіе крылатца вмѣсто ангела: такъ въ Фрейзинг. ркпс. *uizem crilatcem bosiem*, всѣмъ крылатцемъ божиемъ, т. е. ангеламъ; и потомъ удержаніе этого представленія въ народной поэзіи: такъ въ сербскихъ пѣсняхъ: Реля крилатица; а въ Сл. о П. Иг. „все три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрильци“; у Сербовъ употребляется въ Христіанскомъ значеніи: свети шестокрили Арандіеле!

- в) Согласно съ дѣленіемъ на бѣлыхъ и черныхъ, Эльфы раздѣлили себѣ день и ночь. Одни являются только днемъ, и именно въ полдень, въ образъ прекрасныхъ *бѣлыхъ дѣвъ*; и особенно замѣчательно для насъ явленіе такой дѣвы въ Мейссенѣ, предъ городомъ на *Piel — Berg* *), т. е. на *бѣлой* горѣ. Этому преданію соответствуютъ наши полудницы, о коихъ говоритъ уже Вацерадь: *poludnice dryades, deae silvarum*. У насъ много преданій о явленіи сверхъестественныхъ существъ въ полдень. Особенно отличается чертами древности полудница у Лужичанъ, *pręzrołnica, pręrołnica*: ровно въ полдень является она на поляхъ съ серпомъ въ рукахъ—почему называется также *sserpyschuja*—передъ тѣми, кто замѣшкался въ полдень идти

---

*) Deutsche Sagen, von d. Brüd. Grimm. N° 11.

домой съ поля; въ подробности начинается спрашивать ихъ о томъ, какъ обрабатывать и пряхъ ленъ, и кто не устоитъ противъ ея распросовъ, тому срубаетъ голову серпомъ. Согласно съ этимъ преданіемъ, и на Руси искони почиталось вредно въ полдень работать: „Спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птицы и челоуѣци“— говоритъ Владимиръ Мономахъ, оправдывая набожнымъ убъжденіемъ народный обычай, Лавр. 103. Пристрастіемъ къ пряденью льна лужицкая рѣзропѣса напоминаетъ Валькирій.— Ночные же Эльфы избѣгаютъ солнца, которое потому называется въ Эддѣ *заботою Эльфовъ*. Если оно ихъ застигнетъ, то они превращаются отъ его лучей въ камень. Подобное повѣствуется у Сербовъ о миѣическомъ царѣ Троянѣ, который выѣзжалъ только по ночамъ, боясь солнца, которое наконецъ его застигло и растопило.

- г) Какъ Русалки любятъ расчесывать свои длинныя косы, такъ и Эльфы. И тѣ и другіе отличаются этимъ украшеніемъ. Одна колдунья, по нѣмецкому преданію *), засадила дѣвицу въ теремъ, въ которомъ не было выхода, и лазила къ ней въ окно по ея прекрасной косѣ, которую спускала заключенная изъ окна на двѣнадцать локтей: Въ Бретани нѣмецкій Эльфъ извѣстенъ подъ именемъ Korr, а женская форма:

*) Kind. u. hausmärch v. d. Brüd. Grimm, 1843, 1. 76.

Korrigan, т. е. наша Русалка: подобно сей послѣдней, она сидитъ при источникѣ, расчесывая свои косы; кто ее застигнетъ, долженъ на ней жениться, или черезъ три дня умереть *). Прекрасная коса есть всеобщее индоевропейское достояніе мифологическихъ существъ. Наша коса ведетъ свое происхожденіе отъ скр. *keśa* — *śoma*, *śaśarīes*: отсюда *keśara* грива льва, и потомъ *keśarīn* гривистый, т. е. левъ. И какъ Греки думали видѣть въ прическѣ Зевса подобіе львиной гривѣ, такъ въ Санскритѣ Кришна прозывается *Keśava*, т. е. имѣющій большую и красивую косу. Такимъ образомъ пластическое представленіе, основанное на эпической формѣ, ведетъ свое начало отъ языка. — Такъ какъ многіе народныя ботаническіе термины имѣютъ свое происхожденіе въ періодѣ мифологическомъ: то любопытно обратить вниманіе на серб. *вилаина коса*, *cuscuta europa*.

- д) Въ Эддѣ Валькирія ѣздитъ на сѣромъ конѣ, а грива труситъ холодную росу по глубокой долинѣ — т. е. она летаетъ по воздуху, гоня облака, *fra Helga oc Svavu*; о самой героинѣ этой пѣсни Эдда говоритъ: „она называлась Свава, была Валькирія, и летала по воздуху и черезъ море“; отсюда эпическая форма для моря въ агс. поэзи: *svanrād*, т. е. лебединый путь. Чехи лег-

*) Villemarqué, 1, 17. Grim. D. M. 416.

кія облака называють *hawku*. О Вилахъ въ сербскихъ пѣсняхъ читаемъ, Вук. 1, № 226.

Град градилъ бѣла вила
ни на небо ни на землю,
но на грану од облака.

Любопытно соотношеніе воздушнаго коня Валькириі съ быстрыми конями сербскихъ пѣсень. Конь Крамевитя Марка Шарац *видовит*, и потому можетъ видѣть Вилу, высоко прыгнуть и достигъ ее, Вук. 2, № 38 :

Вила лети по врѣу планине,
Шарац ѣзди по среди планине,
ни где виле чути ни видети.
Кад је Шарац сагледао вилу,
по стри копла у висину скаче,
по с четири добре у напредак,
брзо Шарац достигао вилу.

Потому-то конь называется *вилован*: на джогату коню *виловноме*.

- е) Кромѣ воздуха и облаковъ, вода есть стихія этихъ сверхъестественныхъ существъ, и у Нѣмцевъ, и у насъ. Такъ какъ вода прозрачна и свѣтла, то Эльфы, обитающіе въ водѣ, причисляются къ свѣтлымъ. Чтобы скрыть свои ноги, они одѣваются, по нѣмецкому преданію, въ длинныя одѣянія: одинъ любопытный, желая узнать, какія у нихъ ноги, насыпалъ золы, и на ней обозначились гусиныя лапы. Къ дополненію олице-

творенія, нѣмецкое преданіе, какъ Эльфамъ, такъ и Валькиріямъ приписываетъ лебединныя сорочки: „рано по утру, говоритъ Эдда: увидѣли они на берегу морскомъ трехъ женщинъ, онѣ прляли, при нихъ были лебединныя сорочки, это были Валькири, fra Völundi. Одна изъ нихъ называлась Svanhvit, т. е. была, какъ лебедь, или бѣлая лебедь, и носила на себѣ лебединныя перья: var Svanhvit, svanfiarag dró, говоритъ пѣсня. Эти обычныя эпическія выраженія ясно указываютъ на самую тѣсную связь существа валькирии съ лебедемъ. Если возьмемъ въ соображеніе, что эти божества по преимуществу вели жизнь воинственную, и вмѣстѣ съ собой приносили воину; то нѣтъ никакого препятствія видѣть подобное же существо въ слѣдующемъ мѣстѣ Сл. о П. И.: „встала обида въ силахъ Дажь-божа внука. вступилъ дьвою на землю Трояню, въплескала лебединными крыльми на синьмъ море, у Дону плещучи.“ Въ одной болгарской пѣснѣ *) являются какія-то сверхъестественныя существа, соединяющія въ себѣ вилу, божество воздушное, съ водяною русалкою: „Ночью я всталъ, сонный, пасмурный, говоритъ эта пѣсня: и пыталъ мать мою мачеху: пѣли ли первые пѣтухи и вторые? Кричалъ ли Селимъ Ходжа на минаретъ? Не послушалъ я мать мою мачеху, и пошелъ въ свою темную

*) Сообщенной мнѣ покойнымъ Болгарцемъ Бусилипымъ.

конюшню, вывелъ своего береженаго коня, осѣдлалъ, обуздавъ его (замѣчательны музыкальностью эти стихи: „Оседлахъ го, обуздахъ го азъ него, „восседнахъ го, пропустихъ го азъ него“): прискакалъ на студеный колодезь, и увидѣлъ трехъ взрослыхъ дѣвицъ, и спрашивалъ я ихъ: нельзя ли бродомъ перейти ту студеную воду, нельзя ли сломать этой красной калины? Ответъ держали три взрослые дѣвицы: не перейдешь той воды студеной, не ломается красная калина“.

ж) Пляска, пѣнье и музыка—любимая забава и Эльфовъ, и Виль, и Русалокъ. Эльфы всю ночь проводятъ въ пляскѣ, и только лучи солнца прогоняютъ ихъ: Русалки также грѣются и пляшутъ на лунномъ свѣтѣ. Кто увидитъ помятую кругами росистую траву, въ Шотландіи, Скандинавіи, въ сѣверной Германіи, обыкновенно говоритъ: здѣсь плясали Эльфы. Одна сербская пѣсня такъ описываетъ хороводъ Виль, Вук. 1, N 183:

ој вишніо, вишнице!
 дигни горе гране,
 испод тебе виле
 дивно коло воде,
 пред њима Радиша
 бичем росу тресе,
 до две виле води,
 а третиој беседи.

Празднества Эльфовъ всегда сопровождаются музыкой, столь необыкновенной, что она очаровы-

ваеть всѣхъ. Въ южной Швеціи есть преданіе объ одной пѣснѣ Эльфовъ, которую никто не можетъ слышать, что бы не плясать: даже тотъ, кто ее играетъ, до тѣхъ поръ не можетъ удержаться отъ пляски, пока не проиграетъ всю пѣсню наизворотъ, т. е. съ конца до начала. Впрочемъ Эльфы любятъ слушать и пѣсни людей, и щедро награждаютъ пѣвцовъ. — Сербская Вила также любитъ музыку, и въ пѣніи соревнуеть людямъ. Вотъ замѣчательное въ этомъ отношеніи мѣсто, Вук. 2, N. 38 :

Одна Милош поче да попева,
а красну је песму започео
од сви наши болѣи и старији,
како ј' који држ'о кралиевину
по честитој по Матіедонији,
како себе има задужбину;
а Марку је песма омилила,
наслони се седлу на облучје,
Марко спава, Милош попијева;
зачула га вила Равијојла,
па Милошу поче да отпева,
Милош пева, вила му отпева,
лепше грло у Милоша царско,
јесте лепше него је у виле;
расрди се вила Равијојла,
пак одскочи у Мироч планину,
запе лука и две беле стреле,
једна уд'ри у грло Милоша,
друга уд'ри у срце јуначко.

Любятъ музыку и пляску и существа водныя, и русское преданіе волненіе моря и рѣкъ объясняетъ

пляскою водяныхъ божествъ. Святитель Николай говорить Садкѣ, явившись ему во снѣ (Др. р. ст. 341):

Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!
 а рви ты свои струны золоты,
 и бросай ты гусли звончаты,
 расплясался у тебя царь морской:
 а сине море всколебалоса,
 а и быстры рѣки разливалися,
 топать много бусы, корабли,
 топать души напрасныя
 того народу православнаго.

Также прекрасно измѣнено по Христіанскимъ идеямъ лужицкое преданіе о музыкальныхъ существахъ, совершенно соответствующихъ Эльфамъ: Лужицкіе *ludki* пропали съ тѣхъ поръ, какъ завелись колокола, звону которыхъ они не могутъ терпѣть.

- з) Эльфы знаютъ будущее и все, гдѣ что ни дѣлается: карликъ *Alvis* (всезнающій), въ Эддѣ, умѣетъ отвѣтить на всѣ вопросы бога Тора; онъ вездѣ бывалъ, все видывалъ и все знаетъ. Въ Нибелунгахъ водныя Эльфы предсказали Бургундамъ ихъ судьбу. Вила предсказала Кралевицію Марку, что онъ скоро умретъ „од Бога, од старогъ крвника“, Вук. 2, 440. Валькирія Брингильдръ сообщила Сигурдру: „всѣ руны, какія только челоувѣкъ желаетъ знать, и говорить на всякомъ челоувѣческомъ языкѣ, и исцѣлять мазиами“, *Gripis språ*. Замѣтимъ кстати,

что темныя изобразительныя выраженія въ Эддѣ называются *рунами*: Сигрунъ говоритъ Гельги: „ты рассказываешь о битвѣ воинскими рунами (val-gíþom)“: такая руна, на пр.: кормить орловъ копьями, вм. поражать. Сл. о П. И. предлагаетъ много выраженій, подобныхъ скн. рунамъ. Особенно любопытно обратить вниманіе на одинъ эпическій мотивъ: существа сверхъестественныя, какъ все знающія, любятъ предлагать смертнымъ загадки, которыя безъ сомнѣнія тѣ же руны. Въ одной малорусской пѣснѣ Русалка загадываетъ одной дѣвицѣ слѣдующія загадки (Макс. Мал. Пѣсн. 162):

Ой що росте безъ кореня,
а що бѣжить безъ пѣвода,
а що цвѣте безъ всякого цвѣту?
Камень росте безъ кореня,
вода бѣжить да безъ пѣвода,
папороть цвѣте безъ всякого цвѣту.

Разрѣшеніе высшихъ вопросовъ также представляется существамъ сверхъестественнымъ, какимъ является въ одной сербской пѣснѣ рыба, не только соответствующая водянымъ Русалкамъ, но и напоминающая божественную рыбу въ индійскомъ эпизодѣ о потопѣ, Вук. I, N 285:

Дјевојка сједи крај мора,
цак сама себи говори:
„ах, мили Боже и драги!
има л'што шире од мора?“

има л'што дуже од поля?
 има л'што брже од коня?
 има л'што сладје од меда?
 има л'што драже од брата?«

Говори риба из воде:
 „дјевојко, луда будало!
 шире је небо од мора,
 дуже је море од поля,
 брже су очи од коня,
 сладји је шегјер од меда,
 дражи је драги од брата.“

Въ шотландскихъ и древне-английскихъ балладахъ любовь выражается подобными же загадками, на пр.: „что длиннѣе дороги, глубже глубокаго моря, громче громкаго рога, вострѣе востраго терну, зеленѣе зеленой травы?—Любовь длиннѣе дороги, адъ глубже глубокаго моря, громъ громче громкаго рога, голодъ вострѣе востраго терна, зелье зеленѣе зеленой травы“, и проч. *). Сметливость въ разрѣшеніи трудныхъ загадокъ, приписываемая преданіями Эльфамъ, Виламъ, Валькириямъ и Русалкамъ, становится вообще достояніемъ эпической поэзіи, которая любитъ опредѣлять мудрость рѣшеніемъ загадокъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ мотивовъ изъ одной древне-датской пѣсни о героѣ Вонведъ: „что круглѣе колеса? гдѣ всего веселье пьютъ на

*) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nation. 1840, стр. 136.

святки? гдѣ садится солнце, и гдѣ покоятся ноги мертвеца? чѣмъ наполняются всѣ долины? что всего лучше украшаетъ царскій чертогъ? кто громче журавля и бѣлѣ лебедя? у кого борода на затылкѣ? что чернѣе засова? *) и что быстрѣе серны? гдѣ самый широкій мостъ? что всего противнѣе глазамъ человѣка? куда всѣхъ выше дорога? и гдѣ пьютъ самое холодное пойло?—Солнце круглѣ колеса, на небѣ всего веселѣ святки, къ западу садится солнце, и къ востоку ложатся ноги мертвеца. Снѣгъ наполняетъ всѣ долины. Человѣкъ самое благородное украшеніе царскаго чертога, громъ громче журавля, и Ангелъ бѣлѣ лебедя. У пеголицы борода на затылкѣ, грѣхъ чернѣе засова, и мысль быстрѣе серны. По льду самый широкій мостъ, жаба всего противнѣе глазамъ человѣка, въ рай самая высокая дорога, и въ преисподней пьютъ самое холодное пойло“. **) Любопытнѣе обратить вниманіе на то, какъ миеологическіе намеки скрываются за Христіанскія идеи и переищиваются съ наивными воззрѣніями на окружающую природу.

---

*) Для уразумѣнія этого страннаго выраженія надобно припомнить средне-вѣковое представленіе дьявола не только подъ символомъ молота, но и запора, дубины, засова. Grim. D. M. стр. 951, 952.

**) *Altdänische Heldenlieder*, v. W. Grimm, 1811, стр. 234—235.

и) Въ нѣмецкихъ преданіяхъ лебедь—предвѣщающая птица; остаткомъ этого вѣрованія въ языкѣ сохраняется глаголь: es schwant mir—предчувствуется. Слѣдовательно лебязій образъ Валькирій имѣеть символическій смыслъ. Въ одной украинской пѣснѣ (Макс. Укр. нар. пѣсн. 1834, 116) бѣлая лебедка рассказываетъ сизоперому орлу всю *щирую правдоньку* о битвѣ при Кистринѣ. Между древними русскими стихотвореніями мы имѣемъ драгоценную пѣсню, подъ названіемъ: Потокъ Михайло Ивановичъ, служащую доказательствомъ, что преданіе, выразившееся въ Эддѣ въ образъ лебединыхъ Валькирій, было туземнымъ и на Руся, и притомъ въ русской пѣснѣ оно сохранилось первобытнѣе, нежели въ нѣмецкомъ сказаніи, которое можно признать норчею и подновленіемъ древнѣйшаго мифа, сохранившагося у насъ. Потокъ Михайло Ивановичъ на синемъ морѣ увидѣлъ бѣлую лебедушку, она черезъ перо была вся золотая, а голова у ней увита краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена. Онъ прицѣливается въ нее, и поэтъ входитъ въ малѣйшія подробности стрѣльбы, какъ Гомеръ *) въ опи-

---

*) С. П. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ о рус. сл. обратилъ вниманіе на это мѣсто въ доказательство сходства эпической настроенности Гомера съ представленіями славянскихъ пѣвцовъ. Выпускъ 1, стр. 104.

саніи стрѣльбы Пандара (Ил. 4, 105 и слѣд.): мѣсто, въ высшей степени проникнутое эпическимъ воодушевленіемъ, свидѣтельствующее о самородности всей басни. Чуть было спустить Потоку каменную стрѣлу, провѣщится бѣлая лебедь человѣчьимъ голосомъ, выходила на крутой берегъ, обернулась красной дѣвицей, Авдотьей Лиховидьевной. Тутъ была у нихъ и помолвка. Авдотья Лиховидьевна предложила условіе: кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ живому въ гробъ идти. Потокъ поѣхалъ въ Кіевъ, а невѣста его прежде него успѣла прилетѣть туда: тамъ они и вѣнчались. Молодая искала мудрости надъ мужемъ своимъ, и черезъ полтора года скончалась. Вмѣстѣ съ покойницей посадили въ глубокую могилу и Потока Михайла Ивановича, съ конемъ и со всею зброєю ратною. Въ могилу собирались гады змѣиные, а потомъ приползъ и большой змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ сбѣгаетъ ему голову и мажетъ ей свою жену, отъ чего она и воскресаетъ; и оба выходятъ на бѣлый свѣтъ. Жена-еретница должна была поплатиться за свои мудрости тѣмъ, что пошла живая въ могилу вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, когда уже онъ состарѣлся и переставился. — Нѣмецкая сказка *) сверхъестествен-

---

*) Brüd. Grimm, Kind. u. Hausmärch., 1843, 1, N 16.

ную женщину-оборотня низвела до обыкновенной, хитрой и невѣрной царевны, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и русская еретница, выходящей замужъ за храбраго воина. Когда она умираетъ, мужъ ея также вмѣстѣ съ ней опускается въ могилу, но уже не съ конемъ, а со столомъ, на которомъ было четыре коровя хлѣба и бутылка вина. Явившаяся въ могилѣ змѣя уже не жжетъ ни палитъ, а только ползетъ къ мертвому тѣлу; онъ ея разскаетъ на три части, но только тогда воскрешаетъ свою жену, когда другая змѣя, приложивъ какіе то три листика къ суставамъ мертвой змѣи, воскресила ее. И уже оставшимися отъ змѣй листиками воскрешаетъ онъ свою жену. Въ смерти ея не было никакой съ ея стороны *мудрости*: и потому, чтобы удержать къ концу нравоученіе древнѣйшаго сказанія, нужно было по воскресеніи представить ее порочною: именно тутъ то какъ нарочно она становится невѣрна мужу, ищетъ его погибели; но правда торжествуетъ, и она погибаетъ съ своимъ любовникомъ: а мужъ остается въ живыхъ. Следовательно условіе: быть погребеннымъ вмѣстѣ, не состоялось; и именно потому, что оно въ нѣмецкомъ сказаніи является уже случайностью, а не существеннымъ обрядомъ, какъ у насъ. Нѣмецкая царица оправдываетъ это условіе нѣжностью: если онъ меня любитъ, что ему за жизнь безъ меня! Потокъ Михайло Ивановичъ

безъ всякаго принужденія пошелъ къ мертвой жени въ могилу, ибо признавалъ законность условія: мужа нѣмецкой царевны принудили къ тому, оцѣпивъ всѣ ворота стражею. Мы видимъ, что нѣмецкое преданіе идетъ по слѣдамъ русскаго шагъ за шагомъ, но постоянно подновляетъ его и почти сглаживаетъ слѣды миеологическіе. Можно сказать, что эта русская пѣсня служитъ какъ бы переходомъ отъ преданія о Валькиріяхъ въ Эддѣ къ нѣмецкому сказанію. Въ Авдотѣ Лиховидьевнѣ видно еще существо сверхъестественное, являющееся въ образъ лебедя, а палящій змѣй, воскрешающій своей головой, восходить до глубокой древности. Полнота эпическаго представленія согласуется въ этой пѣснѣ съ древнѣйшимъ миеологическимъ содержаніемъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ вѣрованій и преданій, столь общихъ у Славянъ съ Нѣмцами, лежитъ единство воззрѣнія и тѣхъ и другихъ на природу, слѣды котораго открываются въ языкѣ. Эльфъ проходитъ слѣдующія діалектическія измѣненія: др. и средн. нѣм. alp, elb; агс. älf, скн. älf, по свойству гот. языка предполагается гот. форма: albs. Такъ какъ Эльфы, по темному преданію, имѣютъ символическую связь съ образомъ лебедя: потому въ языкѣ мы находимъ сродство между тѣмъ и другимъ названіемъ: лебедь по др. и средн. нѣм. albiz, alpiz, elbiz, elbez; агс. elfet, ylfet; скн. älf; суффиксъ въ образованіи этого слова, проходящій

по всемъ нѣмецкимъ нарѣчїямъ: z, t, указываетъ на коренную форму, заключающуюся въ имени Эльфовъ. Горы и воды, какъ жилище этихъ сверхъестественныхъ существъ, и по названію имъ соотвѣтствуютъ: покрытыя снѣгомъ, высокія горы называются *alpes*, а прозрачная рѣка—*albis*, *elbe*, такъ что по-скн. *elf* есть нарицательное имя для всякой рѣки, точно также, какъ шв. *elf*, дат. *elv*. Какое же начальное впечатлѣніе зародило въ народной фантазіи такую связь между этими предметами, породивъ ихъ между собою и въ языкъ, и въ преданїяхъ? Языки древніе, удерживая коренной звукъ *a*, являютъ намъ такой же, соотвѣтственно нѣмецкимъ нарѣчїямъ, переходъ согласныхъ губныхъ, т. е. *b*, *p*, *f*; а именно: лат. *albus*, сабинск., по Фесту, *alpus*, и греч. *ἀλφός* (*vitiligo*), *ἀλφά*. Слѣдовательно впечатлѣніе свѣта и блеска сопровождало вѣру въ Эльфовъ, какъ и въ нашихъ Вилъ и Русалокъ; то же впечатлѣніе породило и названїя водъ и снѣжныхъ далекихъ горъ, и наконецъ названіе баснословной птицы, живущей на водахъ. Славяне начинаютъ слово плавнымъ звукомъ, проводя его звукомъ *a*, который въ другихъ языкахъ выступаетъ впередъ: и потому *alba* или *elba* живетъ у Славянъ въ формъ: лаба, лабе, означающей не только Ельбу,—въ Сербїи Лаб, Лаба въ Книгѣ, глаг. больш. черт.: а въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ горъ, *)—но и вообще всякую рѣку, какъ имя нарицательное. И какъ у Нѣмцевъ является язычный суффиксъ: z, t,

*) Изд. Спасскимъ, 1846, стр. 57.

такъ и у насъ: д, т, ц: сръб. лабуд., рус. лебедь, чеш. labuť, пол. łabędź, łabęć. Согласно съ первоначальнымъ впечатлѣніемъ, лебедь получилъ у насъ эпитетъ: бѣлая: бѣлая лебедь; а согласно съ женскими божествами, Русалкою и Вилою, какъ эпическая форма, лебедь употребляется въ женскомъ родѣ, какъ постоянный эпитетъ женщины; въ др. и ср. нѣм. albiz, eibez родъ еще колеблется между мужскимъ и женскимъ, какъ наше лебедь; но, что весьма замѣчательно, въ ски. álft, álft пересиливаетъ уже форма женская, вполне согласуясь съ тѣмъ божествомъ, для котораго служить символомъ. Въ этомъ отношеніи грамматическій женскій родъ этого слова и въ нѣм. эпическихъ формахъ болѣе соответствуетъ нашимъ женскимъ божествамъ, нежели Эльфамъ того и другаго рода. У насъ Лыбедь не только рѣка, но и названіе женщины, какъ древнѣйшее, можетъ быть, олицетвореніе лебеда, намекающее на существо мифологическое.

И такъ не только преданія, и нѣмецкія и славянскія, но и самыя названія въ языкѣ развились самостоятельно. Ибо нѣтъ ни какой возможности предположить вліяніе нѣмецкой формы на образованіе нашихъ: лаба, лабуд, удержавшихъ первобытные звуки а, б; такъ что затерянная готская форма albs является исторически только въ нашемъ лаб.

Теперь обратимся къ исторіи эпитета: *бѣлый*. Сначала замѣтимъ, что собственное значеніе этого слова тоже, что слова красный: т. е. прекрасный, свѣтлый; и ограниченіе того и другаго слова названіемъ из-

вѣснаго цвѣта есть позднѣйшее. Въ мѣологическомъ имени божества: Бѣль - богъ, хотя и видно первоначальное значеніе и древность этого прилагательнаго: однако это имя могло быть только частнымъ, не распространившимся между всѣми Славянами: между богами языческой Руси его не находимъ. Бѣль - богъ, какъ и Черно - богъ сохранились у Славянъ въ названіяхъ урочищъ, на пр. двухъ горъ въ Лужицахъ около Будешина: но преданіе о значеніи ихъ почти изгладилось. Наше бѣл, билъ находимъ въ двухъ древнѣйшихъ формахъ: 1) въ кельтскихъ нарѣчіяхъ: *beul, beil, beal, beli* и древне-кельт. *belenus, belinus* (у Авзонія, Тертуліана и на многихъ надписяхъ), означаетъ бога свѣта и огня. И доселѣ еще въ первыхъ числахъ Мая совершаются въ кельтскихъ племенахъ обряды въ честь этому божеству, зажигаютъ огни и черезъ нихъ прыгаютъ, какъ у насъ на Ивана Купалу. Этотъ день называется *la bealtine, beiltine, beltein*: *la* значитъ день, *teine, tine* — огонь, а *beal, beil, bel* — богъ *belenus*. 2) у Литовцевъ и Латышей въ формѣ *baltas, balts*, именно въ собственномъ, т. е. обширномъ значеніи нашего прилагательнаго бѣль. Что Литовцы были старожителями на Балтійскомъ морѣ, между прочимъ, свидѣтельствуется латышское названіе янтара: *sihtars, sihters*; означающее также и вообще кристаллъ: это имя было извѣстно и древнимъ, какъ скиѣское: *sacrium* или *satrium*; *) слѣдственно *mare balticum*;

*) Slow. Staroź. Шафарика, стр. 365.

insula baltia, еще задолго до Р. X. известныя древнимъ писателямъ, безо всякаго сомнѣнiя могутъ быть произведены отъ лит. baltas, balts, и слѣдовательно море балтiйское значить: море бѣлое. Бѣлый, baltas, какъ названiе для воды, есть синонимъ словамъ: бiстрый, русый, лаб.

Какъ наша, или кельтская форма, такъ и литовская, означая только впечатлѣнiе, производимое свѣтомъ, не только естественнымъ, но и божественнымъ, являются въ болѣе опредѣленномъ образѣ въ мiеологiи нѣмецкой *), какъ божество Phol, Paltar, а въ древнѣйшемъ видѣ въ Эддѣ: Baldr. чистое и невинное божество Бальдръ, по сказанiю Эдды, побѣжденный слѣпымъ Гѣдромъ, нисходитъ въ адъ, всѣми оплакиваемый, ничто не можетъ оттуда его извлечь, и вѣрная супруга его Нанна слѣдуетъ за нимъ. По агс. сказанiю Bãldæg, какъ нашъ Бѣль-богъ, есть богъ свѣта: потому-то его сынъ называется Brond, о комъ Эдда умалчиваетъ; а brond, brand, скн. brandr значить jubar, fax, titio.

Еще у Готѣевъ эти мiеологическiя представлениа низопли уже до названiя обыкновенныхъ понятiй: и скн. baldr является въ гот. формѣ: balps храбрый, смѣлый: ordinant super se regem Alaricum, cui erat ex Baltharum genere origo mirifica, qui dudum ob

*) D. M. стр. 201 и слѣд.

audaciam virtutis, *balīha*, id. est audax, nomen inter suos acceperat, Jornand. Hist. Goth. — Отсюда агс. bealdor, baldor господинъ, князь.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ вѣрованія въ свѣтъ, воду и огонь, въ связи съ народными преданіями и эпическими формами, и показавъ прямое отношеніе преданія и вѣрованія къ языку, обратимся къ основному, древнѣйшему представленію божества свѣта и огня, для того, чтобы опредѣлить исторически предѣлы славянскимъ повѣрьямъ и мифологическимъ формамъ языка.

Шфарикъ *) сравниваетъ скр. *сварга coelum Jp-dri, aeter*, съ слав. Сварогъ, неоднократно встрѣчающимся въ Ипат. сп., на пр., на стр. 5: „Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажь-Богъ.“ Следовательно солнце, или Дажь-Богъ есть сынъ Сварога, т. е. Сварожичъ, а Сварожичемъ въ одной рус. ркси 1523 г. называется огонь: „огневи молятся зовутъ его Сварожіцемъ,“ Вост. Опис. Рум. Муз. 228. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ словѣ, именно свидѣтельство Дитмара (+ 1018) не опредѣляетъ на-

*) О Сварогъ, въ Чтен. Общ. истор. и древн. рос. Прохожу молчаніемъ другое божество свѣта, известное подъ именемъ Хорса, отсылая читателя къ прекрасному изслѣдованію О. М. Бодянского: О тожествѣ славянскихъ божествъ, Хорса и Дажьбога, напечатанному въ 2 N Чтеній Общ. истор. и древн. 1846 года.

стоящаго его смысла: говоря о богахъ Славянъ Сѣверной Германіи, онъ прибавляетъ: *quorum primus Zuarasici dicitur et prae ceteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur*. Отсюда скорѣе можно заключить, что Сварожиць есть солнце, или Дажь-Богъ: ибо это божество по преимуществу было уважаемо Славянами, что видно изъ Сл. о П. Иг., гдѣ Русь названа внукомъ Дажь-Бога: слѣдовательно Дажь-Богъ былъ дѣдомъ Руси, что совершенно согласуется съ слѣдующимъ объясненіемъ въ словарь Памвы Беринды: „Дѣдъ: старецъ. умалительнъ же, дядко. старчикъ, а не дѣдко. сще бо нѣции обыкоша діавола именовати“. Изъ сличенія Ипат. списка, въ коемъ говорится о Сварогѣ, съ двумя другими свидѣтельствами о Сварожиць, непременно должны мы вывести слѣдующіе результаты: славянская мифологія отдѣляетъ Сварога отъ Сварожица: Сварогъ не только *ἤφαιστος*, но и отецъ огню и солнцу, индійское небо Индры, Сварга; Сварожиць есть дитя неба, рожденный отъ неба: слѣдовательно и огонь и солнце—оба Сварожици: согласно съ этимъ производствомъ, въ сербскихъ пѣсняхъ солнце—чадо бога, а въ Малороссіи богачь—огонь, сынъ бога *). Слѣдовательно языкъ славянскій отдѣляетъ въ вѣрованіи въ Сварога два періода: древнѣйшій, индоевропейскій, представителемъ коего былъ Сварогъ, и позднѣйшій, собственно славянскій, когда уже это

*) Срезневскаго Святилища и обряды азмч. Слав. 1846. 27.

слово осмыслилось у Славянъ отечною формою -иць, -ичь. Теперь обратимся къ самому слову сварга, и покажемъ слѣды его составныхъ частей въ формахъ славянскаго языка. Сначала разберемъ индѣйское *сварга*: оно сложено изъ двухъ элементовъ: изъ *свар* — небо, свѣтъ, и изъ окончанія *-га*, означающаго хожденіе; слѣдовательно *сварга* имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ, или хожденія по небу, т. е. жилища бога. Скр. *свар* является въ древнечешскомъ *zuor*, *svog*, которое объясняется въ *Mat. verb.* : *zodiacus*. Но этого мало; можно найти еще болѣе глубокие слѣды этого слова въ языкѣ славянскомъ, и именно, разобравши происхожденіе скр-го *свар*: оно происходитъ отъ глагола *сур* свѣтитъ, откуда *сура* богъ: отъ этого глагола производятъ скр. *сурис*, лат. *sol*, гр. *σῆριος*, гот. *sauil*, наше солнце. Что же касается до суффикса *-га* въ скр. *сварга* и въ сл. *сварогъ*, то онъ въ первобытномъ индоевропейскомъ значеніи остался у насъ и досель въ нѣкоторыхъ словахъ, равно какъ и образовалъ изъ себя слова и въ другихъ родственныхъ нашему языкахъ.

1) *пра-гъ*, *поро-гъ* образуется изъ скр. *пѣра* онъ поле, та сторона, съ приставкою *-га*, скр. *пѣра-га* значить переходящій, переступающій: у насъ *порогъ* ведетъ смыслъ отъ глагола не въ действительномъ залогѣ, а въ страдательномъ: такое перенесеніе значенія не должно казаться страннымъ, ибо оно свойственно нашему языку, напр. въ др. р. ст. „а стань ты подь башню *пропъзжю*“ 267, „а навхаль Дунай *бродучій* слѣдъ“, 93. Впрочемъ, *порогъ* на рѣкѣ не столько

препятствіе теченію, сколько быстрѣйшій переливъ, и по значенію приближается къ скр. пѣра-га. Можетъ быть къ этому же скр. пѣра-га слѣдуетъ отнести и названіе города: Прага. Древнѣйшее преданіе такъ объясняетъ происхожденіе имени этого города: Любуша велѣла построить замокъ, и по отвѣту работника, что онъ работаетъ на порогъ, дала ему имя: Прага *). — Юнгманъ объясняетъ это слово порогами, т. е. водопадами на рѣкѣ Влетавъ и горныхъ потокахъ **). Чтобы подкрѣпить производство нашего слова поро-гъ, обращаю вниманіе на другое наше слово, стоящее въ родствѣ съ скр. пѣра—другой берегъ, та сторона: отъ винительнаго падежа скр. пѣрамъ производятъ гр. πέραιν ***); отъ скр. глагола пѣр—переходить, сроднаго съ пѣра, причастіе пѣрамъ — переходящій: этимъ окончаніемъ -мъ, флексією скр. слова, объясняется суффиксъ или образующее окончаніе нашего слова паро-мъ, чеш. pŕám, пол. pŕom, pŕam, pŕim, даже нѣм. pŕahm: по Юнгману это слово происходитъ отъ прямой, въ отличіе отъ ладьи, чешск. pŕímú: но переходъ звуковъ не допускаетъ такого производства.

2) доро-га или дра-га, имѣющее смыслъ не только via, но и толпа, собирающаяся куда нибудь, множество, свита, за кѣмъ-либо слѣдующая, на пр. въ

*) Palacky, Gesch. v. Böhmen. 1, стр. 88.

**) Slown. Česko-něm.

***) Burnouf, comment. sur le Yaçna.

чешск: откуда наше подражать: Юнгманъ это послѣднее значеніе дороги отдѣляетъ отъ перваго, производя его отъ дорогой: но единство того и другаго, и согласіе въ значеніи открываются въ ихъ происхожденіи отъ скр. дру—бѣжать, откуда и гр. *δρομος* не только бѣгъ, но и самое мѣсто для бѣга, ристалище; къ соображенію при объясненіи этого слова припомнимъ гот. *ga-rvō* улица, отъ га—идти; только у насъ скр. га осталось суффиксомъ, у Готеовъ же оно корень. Что скр. дру, потерявшее свое значеніе въ словѣ доро-га, было извѣстно Славянамъ, свидѣтельствуется имя рѣки: Драва, по-скр. драва, отъ дру, значить бѣгущій, текущій.

3) колыма-га. Павскій *) производитъ это слово отъ скн. *hvēl* колесо и *vagn* возъ. Гораздо своеземнѣе и проще объясняется колымага приставкою -га и колыма, твор. множ. отъ коло, какъ сербск. ономадне, вмѣсто оными дни, откуда наше намедни; слѣдовательно колымага значить: идущая, двигающаяся колесами или на колесахъ: это слово сравнительно объясняется латинскимъ *navi-gage*, которое Боппъ **) остроумно производитъ отъ га—идти и существительнаго *navis*.—Шафарикъ ***) производитъ колымага отъ

*) Филолог. наблюд. 2, ст. 61.

**) Vergl. Gram.

***) Статя о гортан. звук. *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1, стр. 43.

коло и мага, латыш. mahja—domus, tabernaculum;
мал. рус. маза (currus opertus).

4) другое древнѣйшее названіе для повозки пользуется тѣмъ же суффиксомъ: крѣк-ы-га. Миклошичъ *) производитъ это слово отъ сред. лат. sagcare (opus vehere). Но у Славянъ есть и свой ему корень: крокъ шагъ, крочитъ шагать, идти шагомъ; слѣдовательно крѣкы-га—идущая шагомъ.

5) съ тѣмъ же суффиксомъ и третье подобозначащее слово: тель-га; уже въ Сл. о П. И. „Кричать тѣлѣгы полунощы“. Что же значить теле или тель? Это слово въ исторіи славянскаго языка весьма важно для опредѣленія давности діалектическихъ измѣненій въ звукахъ: отъ Финновъ до Полабцевъ мы видимъ въ этомъ словѣ измѣненіе к въ т, и наше коло является и въ фин. tela цилиндрической желѣзный катокъ, по объясненію Буткова, и въ полаб. tgele коло, колесница, возъ; слич. tesa коза, и у насъ квѣтъ, твять. Слѣдовательно тель-га есть тоже слово, что и колыма-га, т. е. идущая колесами, или на колесахъ: есть діалектическое измѣненіе колыма-ги. Тельга есть и у другихъ Славянъ, на пр. у Иллирійцевъ талига, въ чичѣвск. нарѣчій **) taljuga; мадьяр. taliga ~~не имѣетъ собою корня въ мадьяр-~~

*) Radic. lingu. Slov.

**) Коллапа Cestopis, 1843, стр. 47.

скомъ языкѣ, и потому происходитъ изъ славянскаго *).

6) для исторіи суффикса -га весьма любопытно слово лежя-га, встрѣчающееся въ переводѣ Дамаскина Іоанномъ Екс. Болг., какъ вставка въ слѣдующемъ мѣстѣ: „изведе животы великы и малы, киты, смокы, лежягы морскыя, рыбы въ водахъ“; ибо этого слова нѣтъ ни въ подлинникѣ: εἰρήγαγε δὲ ζῶα μικρά τε καὶ μεγάλα, κήτη, δράκοντας, ἰχθύας ἐν τοῖς ὕδασι, — ни въ текстѣ Епифанія, ни Амвросія, см. Калайд. Іоан. Екс. Бол. 44—45. По смыслу видно, что лежя-га означаетъ гада, и какъ глосса, или же какъ прибавка, скорѣе можетъ относиться къ предъидущему, т. е. къ смокы, нежели къ слѣдующему, т. е. рыбы. Смокъ, чешск. zmek первоначально крылатый змій, также духъ въ видѣ мокрой птицы: лежяга, какъ показываетъ первая часть слова—лежя—отъ лежать, не летаетъ. Змій по-скр. называется урага отъ ура грудь и га идущій, слѣдовательно собственно: идущій, или ползующій на груди, грудью; лежя, кромѣ того, стоитъ въ связи съ ложесна μῆτρα, uterus, отъ глагола лежать: слѣдовательно лежя-га значить: чревомъ идущій, или въ лежачемъ положеніи двигающійся: въ этихъ двухъ описательныхъ эпитетическихъ формахъ—урага и лежяга, Индійцы и Славяне раздѣлили между собою въ сво-

*) Dankovszky, Magyaricae linguae lexicon, стр. 871, 938.

ихъ языкахъ первобытное еврейское преданіе о проклятіи змія: „проклять ты отъ всѣхъ скотовъ, и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ: *на перстьхъ твоихъ и чревь ходити будещи*“, Быт. 3, 14.—Въ подтвержденіе этого производства, для сравненія, приведемъ два скр. слова: джалосая рыба, отъ джала холодъ, вода, и сая лежащій, спящій;—и джигма-га змій отъ джигма кривой, извивающійся, и га идущій: наше змій, въ О. Е. змлии, вѣроятно, отъ этого скр. прилагательнаго джигма, очевидно образовавшагося редупликаціею.

Примѣч. Если вѣрно производство *) словъ праха и прахъ отъ скр. пата-га и пара-га, то ха и хъ будутъ уже искаженіемъ суф. га — идущій: ибо пата-га производятъ отъ пата полеть, а парага отъ пара назадъ, назади; ж въ словъ прахъ измѣняется въ с въ словъ персть.

Выврочаніе въ огонь и небесный свѣтъ являетъ замѣчательное видоизмѣненіе въ преданіяхъ о пламенномъ змій и молніи: и тотъ и другая предполагають между собою нѣкоторую доисторическую, въ отдаленныхъ вѣкахъ затерянную связь, открываемую только въ языкѣ и немногихъ темныхъ преданіяхъ. Древнѣйшее славянское сказаніе о змій находимъ въ судѣ Любуши (IX в.): „ot gor creconosi, „ide se trut pogubi san lutu“ — отъ горъ крьконоши,

*) Максимов. Ист. др. Рус. слов. 1, стр. 135, 136.

идеже трутъ погуби самъ люту. Отсюда видимъ, что горы были жилищемъ змію въ баснословномъ преданіи чешскомъ. Въ др. рус. ст. змій называется горынчище, т. е. горынничъ, или сынъ горы. Не одно только мѣсто жительства могло быть причиною такому наименованію: надобно предполагать какое либо внутреннее соотношеніе, основанное на вѣрованіи. Готескій языкъ даетъ поводъ заключить, что въ IV в. у Славянъ горы олицетворялись наименованіями мифологическихъ существъ: Ульфила гр. *ѳрос*, гора переводитъ *fairguni*, т. е. перунъ или лит. *perkunas* (гот. *f* соответствуетъ нашему *п*); средній родъ этого гот. слова олицетворяется мужескимъ и женскимъ въ божествахъ Эдды: *fiörgun* отецъ Фригги, жены Одина, и *fiörgun* мать Тора, богиня земли *). Въ отдаленныя среднія времена *Sanct Bernhard* назывался *mons jovis*, вѣроятно, по понятіямъ народовъ сѣверныхъ, ибо у классическихъ писателей такого названія этой горы не находимъ. Гриммъ приводитъ нѣсколько названій горъ, получившихъ оныя отъ *Donner* и *Thor* **). Остатками этого древнѣйшаго обоготворенія горъ можно назвать: *buskahm* (бужь-камень, божій камень), скалу у Горенскаго мыса, близъ Руяны; горы *Согну*

*) *Боппъ* въ своемъ скр. Глосс. предлагаетъ другое объясненіе, нѣсколько усиленное, сближая гот. *fairguni* съ сербск. *брдо* и скр. *парвата* гора, отъ *парв* *implere*.

**) D. M. 154—155.

b6h и hjeŭ b6h близъ Будешина, и др. Слѣдова-
 тельно если горы первоначально посвящались Пе-
 руну, то весьма естественно огненному змию быть сы-
 номъ горы, или горынничемъ. Эдда предлагаетъ много
 поэтическихъ образовъ окаменѣлыхъ вѣдьмъ: въ видѣ
 огромныхъ скалъ ложатся онѣ въ устьѣ рѣки, и,
 запружая ее, производятъ наводненія. — По сла-
 вянскимъ преданіямъ, змій весь вооруженъ и одѣтъ
 огнемъ, потому Лужичане называютъ его рѣпъ: такъ
 что можно сказать, что эпическая форма сербскихъ
 пѣсень: *живи огань*—какъ бы олицетворяется въ обра-
 зѣ огненного змія, и нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ
 мифологическаго представленія лежитъ наглядное впе-
 чатлѣніе, производимое силою огня: какъ естественно,
 напр., слѣдующее описаніе огня въ одной нѣмецкой
 народной сказкѣ: „огонь сталъ уже *лизать* ихъ
 платья *своими красными языками*“: *) Золото, какъ
 блестящій металлъ, лежитъ во владѣніи огненного
 змія, и составляетъ какъ бы частицу его собствен-
 наго существа: потому-то въ одной русской пѣснѣ
 оно названо: *зминое крылице*; по-серб. змајеве отрѣ-
 сине значитъ блестякъ, и составляетъ предметъ суе-
 вѣрій. Змій лежитъ на золотѣ и хранитъ его: по-
 тому-то въ нѣм. поэзіи вмѣсто золота употребляется
 эпическое выраженіе: *зминое ложе*. — Добрыня
 Никитѣвичъ

Нашелъ въ пещерахъ блококаменныхъ
 у лютаго змѣица Горынчица,
 нашелъ опъ много злата, серебра.

*) Grimm, Kind. u. hausmärch. 1, стр. 61.

Связь преданий о золотѣ съ преданіями объ Эльфахъ выражается скн-мъ *álfröðull*—золото, собственно же солнце Эльфовъ.

Исторія слова молнія, въ О. Е. мльнія, восходитъ къ IV в. Молнія по-гот. *lauhmuni*, *lauhmoni*, слово сложное изъ *liuhan* свѣтитъ, блистать, и *muni*, т. е. наше молнія: ибо въ гот. языкѣ нашему л соответствуетъ у, напр. *diups* глубокъ, по-серб. дубок.; въ серб. нарѣчій нашъ л также замѣняется гласнымъ у, потому гот. *muni* совершенно созвучно сербскому муня. Здѣсь почитаю нужнымъ упомянуть о другомъ производствѣ гот. *lauhmuni*, принадлежащемъ Боппу *). Онъ производитъ это слово отъ глагола *liuhan* посредствомъ формы причастія: скр. - *mānas*, гр. - *μενος*, лат. - *minus*; какъ напр. отъ скр. кри дѣлать кар - ман дѣло; лат. *se - men*, скр. *nā - man*, наши съ-ма, и - ма, т. е. съ - мен, и - мен. Дѣйствительно это начало плодovито примѣняется во многихъ случаяхъ, напр. въ лат. языкѣ: такъ *amini* есть нечто иное, какъ причастіе *страдаг.* муж. рода именит. множ. числа, вмѣсто: *amini estis*, какъ гр. *τεταμμένοι ἐστέ*; отъ причастія же образовались: *alumnus*, *vertumnus*, утративъ *i*; такъ *fe - mina* отъ *fē*, откуда *fetus*, *fetura*, *fecundus*, съ этой же формою причастія *ge - mini*; *terminus* отъ скр. три, таг переходить, сохранившагося въ лат. *in - tra - re*, *pen -*

*) *Vocalismus*, стр. 131—132.

iga-ge. Но едва ли это производство можетъ быть допущено въ гот. laihmunī: кромѣ этого слова въ гот. языкѣ есть еще глаголь, въ коемъ также является munī, муня, и значить тоже свѣтить, блистать, именно: glitmunjan, состоятъ изъ glit, скн. glita, и munjan отъ munī. Странно предположить, чтобы форма причастія страдательнаго дѣликомъ вошла въ образование дѣйствительной формы глагола. И почему же именно только *молнія* и *блистать* удерживаютъ въ гот. языкѣ суффиксъ munī? Если бы это было не наше муня, то этотъ звукъ, какъ суффиксъ, образовалъ бы и многія другія слова. Самый родъ готескаго laihmunī совпадаетъ съ женскою формою молнія.

Допустивъ въ гот. laihmunī (ags leoma, скн. liomi) наше муня, надобно предположить, что въ начальномъ впечатлѣннн, выражаемомъ словомъ молнія, нѣтъ намека на свѣтъ, или блескъ: въ противномъ случаѣ не нужно бы прибавлять laih-, glit-: а laihmunī значить собственно блистающая молнія. И дѣйствительно наше молнія, мльнія, въ glos. mat. verb: miln—fulgur, quod conditur, si cadat de coelo, у Лужичанъ milina сѣверное сіяніе, — первоначально сходится съ значеніемъ молота, и вмѣстѣ съ этимъ словомъ происходитъ отъ мльти, молоть, скн. mala, гот. malan; и является олицетвореннымъ въ скн. miölnir, означающемъ вмѣстѣ и молнію, и млатъ, и стоящемъ съ обоими въ родствѣ по происхожденію. Богъ Торъ держитъ въ рукахъ чудесный молотъ miölnir, и бросаетъ имъ въ великановъ: этотъ miölnir имѣетъ то

свойство, что самъ собою возвращается въ руки богу. *Mjölnir* имѣлъ форму креста, точно также какъ и громовая стрѣла, которую держитъ Индійскій Индра *). У Нѣмцевъ млатъ былъ священнымъ орудіемъ, имъ освящали невѣсту, мертвеца; бросаніемъ молота узаконивалось и освящалось право на владѣніе землею. У Литовцевъ былъ святой молотъ, коимъ нѣкоторый исполинъ освободилъ солнце изъ заточенія **). Вѣрованія согласуются не только съ воззрѣніями народа на природу, но и коренятся въ обычаяхъ, даже иногда и въ домашней утвари, или какомъ либо орудіи; такъ съ вѣрованіемъ въ молнію, *mjölnir*, согласуется древнѣйшее употребленіе молота вмѣсто всякаго оружія: въ Краледв. ркѣси герои дерутся молотами. Въ Чешскомъ Музѣ сохраняется одинъ такой старобытнѣйшій каменный молотъ. Такимъ образомъ находимъ новое свидѣтельство о связи оружія съ огнемъ и свѣтомъ.

Старобытнѣйшій эпитетъ молніи: *синяя*, какъ у насъ, такъ и у Нѣмцевъ: у Сербовъ даже громъ называется синимъ: „пуче као сини громъ“; въ сл. о П. Иг.: „трепещуть синіи мльніи.“ Въ одной прусской народной сказкѣ гроза „гонитъ дьявола синимъ бичемъ.“ Синимъ пламенемъ клянутся.

Изъ всѣхъ Славянъ преимущественно у Сербовъ сохранилось во всемъ величій представленіе о силѣ

*) Höfer, Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1847, 1, 176—177.

**) Нарбут. Dziejе staroz. narod. litewsk. 1, 472.

и власти божественной молнии : она господствует
надо всѣмъ въ мѣрѣ, ею все устроено и приведено въ
порядокъ. Такъ одна сербская пѣсня говорить, Вук.
1, N 230:

Стаде муна даре дѣлѣти:
даде Богу небесне висине,
свѣтом Петру петровске вругине,
а Јовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији мунѣ и страјеле.

Самыя существенныя и важнѣйшія явленія нрав-
ственной жизни и природы вышней народъ возводилъ
до предметовъ своего поклоненія, увлекался врожден-
нымъ стремленіемъ къ сознанію существа безконеч-
наго. Наименованія предметовъ священныхъ были
дороги для народа, и онъ охотно любилъ припоминать
ихъ, называя ими и горы, и урочища, и дру-
гіе предметы, съ которыми стоялъ въ близкомъ со-
отношеніи. Все непонятное въ природѣ казалось ему
чудомъ, и переходило въ область вѣрованія. Самая
жизнь и смерть, какъ предметы величайшей важно-
сти для человѣка, стояли въ ближайшей связи съ
Мифологіею. Отъ скр. *джив живу*, *джива живой*
образуются два слова, одно съ суффиксомъ *т*: *дживи-
та*, наше животь; а другое съ суффиксомъ *н*: *джив-
ана*, жизнь : слогъ *-ана* собственно имѣетъ смыслъ
Лат-го *-ficus*, что видно изъ скр. прилагательнаго
джив-ана vivificus; слѣдовательно чешск. *živ-ena Ceres*,

краткая форма котораго есть жива, объясняемая Бацерадомъ въ glos. mat. verb (1202) по-латинъ : dea frumenti, ceges,—значитъ *дающая жизнь*; на краинскомъ нарѣчїи планета Венера называется жива. Съ тѣмъ же суффиксомъ -ана отъ скр. мри умираю образуется скр. мар-ана, смерть, а въ краледвор. рук. дѣйстви-тельно попадается имя божества: морана—т. е. *дающая смерть*, въ слѣдующемъ выраженїи: з Wesny ро Могапи, т. е. въ продолженїи всей жизни. Весна, съ тѣмъ же суффиксомъ н, имѣетъ корнемъ скр. вас свѣтитъ, скр. васанта—весна, и соотвѣтствуетъ богинѣ живѣ, или живенѣ, которой, какъ извѣстно изъ старинныхъ преданїй, Славяне праздновали въ первыхъ числахъ Мая, т. е. весною. Еще до настоящаго времени Славяне, на пр. въ Чехахъ, имѣютъ обычай встрѣчать лѣто съ соломенной чучелой, которая называется маѣпа: ее сожигаютъ, припѣвая привѣтствїя веснѣ и лѣту. Такимъ образомъ времена года, теплое и холодное — соединяются въ наивномъ чувствѣ народа съ представленїями о жизни и смерти. Съ помощїю того же суффикса н, отъ скр. див блистать, играть, образуется див-ан, день, *подающій*, или *дѣлающій свѣтъ*, сокращенно: дина, откуда наше день; лат. Ju-по, по мнѣнїю филологовъ, отъ Djov-ipo, стоитъ въ родствѣ съ Diana (дающая свѣтъ), и содержитъ въ себѣ тотъ же суффиксъ н, которымъ образовалось наше день: даже согласно съ родомъ женскихъ божествъ по-лит. день diena женск. рода.—

Есть какая-то особая движущая сила въ языкѣ, соотвѣтствующая силѣ суевѣрїя, посредствомъ которой

слово древнѣйшее, имѣющее смыслъ обыкновенный, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію по разнымъ странамъ и народамъ, теряетъ свое обыкновенное, простое значеніе и принимаетъ мифологическое, соединяясь съ повѣрьемъ. Таково др. рус. *navie*. Скр. насъ умирать перешло въ гот. *paus* (мн. *paveis*) мертвецъ, *pavis* мертвый, образовавшія отъ себя рядъ словъ общаго съ мертвымъ тѣломъ значенія, каковы: *pavistr* могила, *ganavistron* погребать. Даже въ Испанію зашло это слово, вѣроятно съ сѣвера, и именно въ языкъ мошениковъ, конечно не безъ основанія носящій имя *germania*: на этомъ языкѣ мертвое тѣло называется *pavio*. Такъ какъ это слово было общимъ достояніемъ сѣверныхъ народовъ индоевропейской отрасли, то его находимъ и въ древ. сканд. *pā* мертвое тѣло; и въ латыш. *paŭwe* смерть, *paŭwigs* смертельный, ядовитый; *paŭweht* убивать. И такъ во всѣхъ языкахъ это слово имѣетъ простое понятіе о смерти: въ древнерусскомъ же языкѣ, это слово, будучи древнѣйшаго происхожденія, какъ остатокъ періода временъ темныхъ, исполненнаго преданій и сказаній, получило смыслъ только мертвеца, являющагося между людьми, какъ привидѣніе. Это доказывается двумя мѣстами изъ лѣтописи по Лавр. списку: когда Янка, дочь Всеволода, привела изъ Греки Митрополита Іоанна Скопчина, объ немъ говорили: „се навье пришелъ;“ — „отъ года бо до года пребывъ, умре“ — замѣчаетъ лѣтописецъ, стр. 89. — Въ другомъ мѣстѣ, когда Полочане умирали отъ какого-то демонскаго рыска бѣсовъ, народъ го-

ворилъ : „яко навье бьютъ Полочанъ“, стр. 92. Надобно обратить вниманіе на странную организацію слова навье: оно хотя означаетъ мертвеца, имѣющаго сверхъестественную способность ходить между людьми; однако употребляется какъ сущ. собирательное, средн. рода : такимъ противорѣчіемъ значенія грамматической формъ опредѣляется необходимость предположить древнѣйшій періодъ этому слову, указанный нами въ языкахъ отрасли индоевропейской. Полное олицетвореніе навья находимъ въ скн. имени карлика: *nâr*, *nâinn*, т. е. мертвецъ. У Чеховъ въ XIV в. еще употреблялось *naw* въ смыслъ могилы, на пр. у Далемилы: *potom krok jide do nawu*; въ отрывкѣ Александр. *ustlaw jinum w nâwi bydlo*. У Славянъ сохранилось даже *nav* мертвецъ и *naviti* убивать. Прослѣдивъ такимъ образомъ исторію этого слова, увидимъ односторонность слѣдующаго мнѣнія Г. Касторскаго *): „наконецъ что мы наши върванія заимствовали отъ Литовцевъ, неоспоримымъ доказательствомъ служитъ суевѣрный слухъ, распространившійся при Всеволодѣ I во всей Руси, будто при семъ Великомъ Князѣ, въ Полоцкѣ, бѣси на коняхъ скакали по улицамъ и убивали гражданъ; такихъ оборотней народъ называлъ, по сказанію Нестора, навье. *Navhe* значитъ у Леттовъ смерть.“ Авторъ опустилъ изъ виду то важное обстоятельство, что это слово и у Славянъ, и у другихъ род-

---

*) Начерт. Слав. Мив. стр. 66.

ственныхъ имъ народовъ употреблялось въ томъ же смыслѣ.

Безсознательная, первобытная жизнь народа, выражаемая въ языкѣ, по преимуществу отличается наивнымъ согласіемъ природы духовной человека съ силами природы физической. Свою собственную душу человекъ понимаетъ первоначально иначе, какъ въ связи съ явлениями міра внѣшняго: онъ догадывается о ней, какъ о силѣ, только по тѣмъ проявленіямъ творческой силы, какія замѣчаетъ въ окружающемъ его воздухѣ, въ водѣ и въ другихъ вещественныхъ элементахъ. Не по риторическому тропу составляетъ языкъ метафорическія выраженія, заимствованныя изъ воззрѣній на природу внѣшнюю, для означенія душевныхъ качествъ и способностей: а по глубоко коренящемуся въ народѣ вѣрованію, что повсюду въ природѣ распространена одна высшая сила, вездѣ дѣйствующая съ одинаковыми правами, и что тѣ душевныя движенія, которыя человекъ сознаетъ въ себѣ, присутствуютъ и въ окружающей природѣ, но до времени остаются нѣмы, выжидая своего чудеснаго явленія въ какомъ либо сверхъестественномъ существѣ. Божество, нѣкогда воочию представлявшееся смертнымъ, скрывается за явлениями природы, которыя потому и казались способными заключать въ себѣ такую же нравственную жизнь, какова и въ человекѣ. Самая Мифологія есть не иное что, какъ народное сознание природы и духа, выразившееся въ определен-

ныхъ образахъ : потому - то она такъ глубоко входитъ въ образованіе языка , какъ первоначальнаго проявленія сознанія народнаго. Слово понимается каждымъ согласно съ его образомъ мыслей : а народъ , образуя языкъ , находится въ періодъ безсознательнаго обоготворенія силъ природы : слѣдовательно весь языкъ , прошедши этотъ періодъ , удерживаетъ на себѣ слѣды первоначальнаго мышленія. Изобразительность въ наименованіи духовныхъ способностей произошла не отъ недостатка въ словахъ и не отъ ограниченности самосознанія : но отъ свѣжести воззрѣній на природу и отъ вѣры въ тайное съ нею общеніе человѣческой души. Въ слогъ украшенномъ есть тропы только потому , что источникъ ихъ глубоко проникаетъ въ образованіе самаго языка : и только то украшеніе въ слогъ хорошо , которое согласно съ первобытною , безыскусственною красотою формъ языка. Когда яснѣе сознавалось представленіе , выражаемое словомъ ; тогда поэтическое украшеніе не только ближе подходило къ воззрѣніямъ языка , но даже какъ бы развилось изъ нихъ : потому - то древнѣйшая эпическая форма стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ слова.

Переводомъ Св. Писанія установилось болѣе определенное нравственное понятіе словъ , означающихъ способности душевныя. Такъ въ О. Е. ψυχή переводится : душа , а τρεῖς духъ ; но это уже позднѣйшее , литературное примѣненіе этихъ словъ , собственное же ихъ значеніе открывается въ томъ воззрѣніи ,

какое съ ними соединяли первоначально, и въ тѣхъ преданіяхъ, съ какими эти понятія стояли въ связи. Вѣроятно наши предки ясно сознавали значеніе этихъ понятій, когда такъ мѣтко умѣли ихъ употреблять, на пр. въ Ипат. 220: „позна въ себѣ духъ изнемогающъ ко исходу души.“

Словами душа, духъ чловѣкъ роднилъ себя со всею окружающею себя природою, какъ бы для того, чтобы повсюду въ природѣ чувствовать свое присутствіе, и быть въ ея нѣдрахъ, какъ въ родной своей семьѣ. Вотъ главнѣйшіе образы, въ коихъ представляли себѣ душу и духъ языки индоевропейскіе *):

1. вѣтръ, дуновеніе. Какъ наше душа отъ ду-ть, черезъ ду-хъ, такъ лат. *animus*, *anima*, черезъ греч. *ἄνεμος*, происходитъ отъ глагола *ан*, затеряннаго въ лат. и греч., но сохранившагося въ скр. *ан* дуть, откуда *анила* вѣтеръ, и въ гот. *ана*, удержавшемся въ сложной формѣ *uz-ana exspiro*, какъ наше издыхаю; отъ гот. *ана* происходитъ др. нѣм. *unsi pro-cella*. Слѣдовательно не только легкое дуновеніе и воздухъ, но и вѣтръ, и даже гроза и вьюга, по языку роднясь съ душею, выражаютъ какъ бы различныя степени напряженности душевныхъ силъ: по-

*) W. Humboldt, über Bhagavad-Gita, въ *Gesam. Werke*, I, стр. 158.

добно тому какъ скн. *ōdr* означаетъ и духъ, умъ, и ярость, гнѣвъ.

2. дымъ, парь. Отъ скр. *dū agitare, commovere, concutere*, образуется существ. *dūmas*, въ лит. и у насъ безъ придыханія: *dūmai*, дымъ; въ лат. же только съ измѣненнымъ придыхательнымъ, но безъ твердаго согласнаго звука: *fumus*, вмѣсто *humus*: *h* измѣнилось въ *f* по свойству сабинск. нарѣчія, въ которомъ *fedus* вмѣсто *hædus*, *fircus*—*hircus*, *traferere*—*trahere*, *veferere*—*vehere* *); въ греч. же совершенно согласная съ Санскритомъ форма, но только въ значеніи нравственномъ: *θῦμός*. Этимъ воззрѣніемъ въ языкъ объясняется слѣдующее изобразительное выраженіе въ Соф. вр. 2, 333, о смерти В. К. Василья Іоанновича: „и видѣ Шигона духъ его отшедше аки дымець малъ.“

3. огонь. Въ преданіи о блудящихъ огняхъ, какъ душахъ некрещеныхъ младенцевъ, видна связь души съ огнемъ: но подъ огнемъ болѣе разумѣется жизнь, которая впрочемъ принималась за синонимъ духа и души. Старинное уподобленіе жизни зажженной свѣчѣ получаетъ въ народныхъ преданіяхъ необыкновенную свѣжесть повѣрія: такъ въ одномъ нѣмецкомъ сказаніи **), отличающемся чертами древ-

*) De lingua Sabina, scr. Henop, 1837, стр. 53, 54.

**) Grimm, Kind. u. hausmärch. 1, 258.

ности, смерть ведетъ своего любимца врача въ подземный адъ: „и горѣли тамъ тысячи свѣтильниковъ, видимо не видимо, были и большіе, и средніе, и малые. Не проходило ни минуты, чтобы одни не погасали, и другіе не вспыхивали вновь, такъ что пламя безпрестанно трепетало. „Смотри, говорила смерть: „это свѣтильники человѣческой жизни: большіе у дѣтей, средніе у взрослыхъ, а малые у стариковъ. Но бываютъ и у дѣтей, и у взрослыхъ малые.“ Согласно съ этимъ сказаніемъ нашъ глаголь воскресать, въ О. Е. въскрѣснѣти, ἀναστῆναι, не грецизмъ, но происходитъ отъ крес, не только огонь, но и день Ивана Купала; кресати, кресити, откуда кресникъ июнь, т. е. мѣсяць огня, какъ кельт. mí-па-bealtine май.

4. вода, кровь. Не только огонь и воздухъ, но и вещества текуція являются образомъ души человѣческой. Согласно съ вѣрованіемъ въ воды гот. saívala душа, агс. sávl, скн. sál, др. нѣм. séola, родственно съ гот. saívs море, вода: слѣдовательно душа, по этому представленію, имѣетъ силу переливаться и волноваться, струиться: потому она и можетъ изливаться вмѣстѣ съ кровію, какъ, напр., видимъ въ слѣдующемъ выраженіи Ипат. 193: „и летящу ему до землѣ изыде душа его съ кровью во адъ.“

5. сила. Душа, какъ внутренняя сила, въ языкѣ эпическомъ приписывается и предметамъ неодуше-

вленнымъ , или означаетъ силу физическую: такъ у Гомера находимъ: μένος χειρῶν, Ил. 5,506, πῦρὸς χρατερὸν μένος, Од. 11,220: въ этомъ смыслѣ гомерическому μένος соответствуетъ въ Эддѣ auðr обиліе, богатство: auðr fuga vis rínoðum *). Съ гр. μένος, лат. mens родственна Minerva, по-сабинск. Menerva **), откуда въ пѣсняхъ салич. глаголь про-menervat вмѣсто менет ***): точно такъ и въ санскритѣ одного и того же происхожденія и манас animus, mens, и Ману богъ, т. е. возведенный до обоготворенія разумъ: отъ глагола ман cogitare, putare, credere, откуда лат. memini, мопео, наши мню, па-мать, лит. менù воспоминаю, pri-manus разумный, въ ближайшей формѣ къ санскриту; столь же первобытно и гот. maþ думаю, ga-maþ воспоминаю: отсюда др. нѣм. mînnа любовь, mînnôn любить, воспоминать любезное; въ ски. же глаголь mînna только въ значеніи воспоминанія. Замѣчательно, что питье въ память умершихъ по ски. называлось mînni, совершенно согласно съ нашимъ обрядомъ по усопшихъ, называемымъ: поминки, словомъ, родственнымъ ски-у mînni. Производство Боппа нѣм-го mînna и нашего миль, лит. myliu, miélas отъ скр. мид, минд pinguet, adiposum, unctum esse, чрезъ ассимиляцію изъ mînda въ mînna, и чрезъ измѣненіе d въ л, въ миль, —кажется усиленнымъ.

*) Lieder d. alt. Edda, изд. Grimm. стр. 8.

***) De lingua Sabin. стр. 12.

***) Hartung, die Relig. d. Römer. 2, 78.

И такъ въ языкѣ народъ созналъ душу, согласно съ своими преданіями, въ тѣхъ элементахъ и силахъ, которымъ поклонялся, олицетворяя ихъ въ образѣ божества. Конечно божество должно было имѣть душу, духъ или жизнь, и потому не было ничего естественнѣе сознать духовную силу въ обоготворенномъ веществѣ. Человѣкъ раздѣлялъ свою духовную природу на двѣ области: частію возводилъ ее до обоготворенія, частію низводилъ до вещественной природы: и такимъ образомъ безсознательно чувствовалъ въ себѣ два противоположныя начала — вѣчное и тѣльное, осязательно совокупивъ ихъ въ образѣ своего божества.

Переселеніе душъ, столь всеобщее признаемое древними, было необходимымъ убѣжденіемъ народной вѣры. вмѣстѣ съ вѣрою съ чудеса природы, мы потеряли къ ней и ту искреннюю любовь, какую питали создатели нашего языка. Заодно съ языкомъ европейскихъ народы наследовали вѣру въ исхожденіе души изъ человѣка въ предметы окружающей природы. Обычныя міеологическія выраженія древней эпической поэзіи, напр. въ Крам. ркпс. (jelen):

Wyrazi z junosze dušu, dušicu,
sie wyletę pěkným tahlým hrdlem,
z hrdla krásným rtoma.

aj tu ležie!

teplà kréw za dušicu teče, za otletlú,
sygà země wrelú krew piže.

Душу, по древнему выраженію, можно выронить изъ тѣла, какъ нечто вещественное: „единъ же

изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожерелье“, Сл. о П. И. Эпическія выраженія: *жемчужная душа*, и *выронить душу*, какъ *жемчужину*, совершенно согласуются съ древнеиндійскимъ представленіемъ душъ въ видѣ жемчужинъ: всѣ души, отдѣляясь каждая другъ отъ дружки своимъ тѣломъ, какъбы нанизаны на одной ниткѣ, ибо подлежать общему имъ всемъ вліянію *). Хотя тоже въ духъ древности, но свободнѣе и своеземнѣе слѣдующее эпическое выраженіе въ Сл. о П. И.: „вѣютъ душу отъ тѣла.“

Согласно съ воздушнымъ образомъ души, суевѣрія эпическія изображаютъ ее летающею вмѣстѣ съ птицами, на пр. въ Крам. ркнс. Забой и Славой:

tamo i wële duš tĕkà sĕmo tamo po dřewech,
jich bojie sĕ ptactwo i plachý swĕř,
jedno sowu nebojã sĕ.

Онѣ летаютъ по деревьямъ до тѣхъ поръ, пока не сожгутся тѣла, имъ принадлежавшія. Финны и Литовцы млечный путь называютъ *дорогою птицъ*, т. е. душъ. На древнѣйшихъ надгробныхъ камняхъ обыкновенно изображался голубь, въ знакъ отлетѣвшей души. Душа усопшаго, подобно сѣмени, коренится въ землѣ, и всходитъ деревомъ на могилъ, на которой обыкновенно воркуетъ голубь:

*) Bohlen, das alte Indien, 1, 176.

na tei mogile wyrósł ci dąbeczek,
na niej bieluchny siada gołąbeczek,

говорить одна подольская пѣсня. (Войциц. *piesn.* lud. 1, 73). На могилѣ убитаго брата, по русскому сказанію, выросъ тростникъ: пастухъ сръзалъ тростинку, сдѣлалъ изъ нея дудку, и она человѣческимъ голосомъ пронѣла, какъ и кто убилъ несчастнаго: душа, переселившаяся въ растеніе, даетъ знать о себѣ печальною пѣснейю. Этотъ мотивъ является уже подновленнымъ въ народномъ нѣмецкомъ сказаніи о поющихъ костяхъ: пастухъ поднималъ кость убитаго, приставилъ ее къ своему рогу, и она запѣла *): это уже не такъ складно, и нѣсколько натянуто.

Представленіе о переселеніи душъ глубоко проникло въ языки индоевропейскіе: индійское правосудіе опредѣляло миѣческую казнь переселенія душъ за воровство; виновный переселялся въ такое животное, которое по своему названію могло напоминать украденный предметъ: такъ по закону Ману укравшій корову—*го*, переселялся въ ящерицу *год'а'*, похитившій огонь—*навака*—въ птицу *вака* **). Большая часть метаморфозъ классическихкихъ основывается также на языкѣ: это заставляетъ думать, что въ періодъ образованія языка многія слова должны бы-

*) Grimm, *kind. u. hausermärch.* 1, 175.

**) *Deutsch. Rechtsalterth.* Grimm. 1828, XIV.

ли составиться по убѣжденію въ переселеніе душъ. Остаткомъ этого древнѣйшаго періода языка надобно почестъ наше областное названіе бабочки: *душички*, напр. въ Яросл. губ. На другомъ концѣ Европы, именно въ языкѣ баскск., находимъ подобное же представленіе, но опредѣлительнѣе: бабочка по-баскск. *astoaren arima*, собственно *ослиная душа*, отъ *astoa* осель и *arima* душа *). Это старобытное представленіе души въ видѣ бабочки—можетъ быть, первоначально основанное на такомъ же поэтическомъ воззрѣніи, по которому и теперь поэты сравниваютъ душу съ бабочкою—осталось досель въ сербскомъ преданіи о колдуньѣ **): *вѣштица одаржима злымъ духомъ, излетающимъ изъ нея во время ея сна въ видѣ бабочки*: потому по-слов. *vesha* называется и колдунья, и бабочка, и даже блудящій огонь, въ который также любятъ переселяться душа.

И такъ коренящееся въ языкѣ преданіе о переселеніи душъ переходитъ въ вѣрованіе въ оборотней: „се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ“—Калайд. Иоан. Екс. Бол. 211. Народная по-

*) W. Humboldt, über die cantabr. oder baskisch. spr. 1817, въ прибавленіи ко 2-й части Аделунгова Митридата.

**) Вук. Српски рјечник, 1818, стр. 74.

эзія являеть намъ постепенность въ сохраненіи преданія объ оборотняхъ: она или изображаетъ своихъ героевъ дѣйствительными оборотнями, какъ напр. въ др. рус. ст. 47 :

втапоры поучилса Волхъ ко премудростямъ :
 а и первой мудрости училса
 обертываться яснымъ сокомомъ ,
 ко другой-то мудрости училса онъ Волхъ
 обертываться сѣрымъ волкомъ ,
 ко третей-то мудрости училса Волхъ
 обертываться гнѣдымъ туромъ —золотые рога—

или же употребляетъ эпическія формы, уподобленія, творительный сравненія, эпитеты, вѣсновѣ коихъ лежитъ повѣріе, какъ напр. въ Сл. о П. Иг. (Боянъ растѣкашеться) „сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакъ“; онъ называется соловьемъ стараго времени, а соловей, славій происходитъ отъ *слово*, *слава*, соответственно средн. лат. *bardaea*, *bardala*, которое наоборотъ, означая жаворонка (по Дюканжу), происходитъ отъ названія поэта: кельт. *bard*, уже у Феста: *bardus gallice cantor*. Далѣе въ Сл. о П. Иг. особенно замѣчательно описаніе подвиговъ Всеслава, все проникнутое представленіемъ объ оборотнѣ : „скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи изъ Бѣла-града—скочи вѣлкомъ до Немиги—самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше—великому Хрѣсови вѣлкомъ путь прерыскаше“: потому-то поэтъ, совершенно согласуясь съ преданіями южныхъ Славянъ о вѣщицахъ, называетъ его душу *вѣщею*: „аще и вѣща душа въ

друзь тьлѣ, нѣ часто бѣды страдаше“. Слѣдующія эпическія выраженія: (Князь Игорь) „връжесе на брѣзь комонь, и скочи съ него босымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца, и полеть соколомъ подь мьглами избивая гуси и лебеди, завтраку и обьду и ужинь“ — совершенно соотвѣтствуютъ чудесамъ Волха :

Дружина спить, такъ Волхъ не спить :
онъ обернется яснымъ соколомъ,
 полетѣлъ онъ далече на сине море,
а бьетъ онъ гусей, бьмхъ лебедей ,
 а и сьрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ ;
а поилъ, кормилъ дружинишку хорабрую

Пѣсня Ярославны, столь глубоко проникнутая миеологическими представленіями, начинается эпической формою, основанной на метаморфозѣ: „полечю, рече, зегзицею по Дунаеви“. Не нужно упоминать о всеобщности славянскихъ преданій о превращеніи несчастныхъ женщинъ въ кукушку: замѣтимъ только, что у Нѣмцевъ съ этой птицей соединяется память о древнѣйшемъ возмездіи за воровство: по нѣмецкому преданію, въ кукушку превратился хлѣбникъ, воровавшій у бѣдныхъ тѣсто.

Древнѣйшее понятіе объ отношеніи чловѣка къ природѣ во всей ясности выразилось въ народныхъ преданіяхъ о сотвореніи міра. Или изъ частей чловѣческаго тѣла преданіе творить весь міръ, или наоборотъ, важнѣйшія и существенныя составныя ча-

сти природы входятъ въ составъ челоуька. Уже индйскй мнѣ смѣшиваетъ и то , и другое начало : небо произошло отъ черепа Браны , и наоборотъ глаза челоуька отъ солнца , волосы отъ растенія , кости отъ камня , кровь отъ воды. Нѣмецкя преданя примѣняютъ микрокосмосъ къ макрокосмосу , и Эдда всю природу создаетъ изъ трупа убитаго Имира : отъ крови его моря и воды , отъ тѣла земля отъ костей горы , отъ зубовъ и размноженныхъ костей утесы и скалы , изъ черепа небо , отъ мозга облака , и изъ бровей его мидгардъ или вселенная. Для полноты преданя слѣдуетъ присоединить сюда слѣдующую латинскую приписку съ агс. переводомъ *) , вставленную переписчикомъ въ рукопись X вѣка : *acto pondera de quibus factus est Adam. pondus limi, inde factus (sic) est caro; pondus ignis, inde rubens est sanguis et calidus; pondus salis, inde sunt salsae lacrimae; pondus roris, inde factus est sudor; pondus floris, inde est varietas oculorum; pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhe-la frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.*“
Наконецъ къ этому надобно прибавить еще древнѣйшя преданя о созданіи жилъ изъ корней , волосъ изъ травы , ума отъ облака и глазъ отъ солнца , въ нѣм. поэмѣ о Четвероевангеліи XII в.

von den wrcen gab er ime (Богъ челоуьку) di adren
von dem grase gab er ime daz har ,

*) *Rituale ecclesiae dunelmensis, London, 1839.*

von den wolchen das müt,
 dü habet er ime begunnen
 der ougen von der sunnen.

Это разсыянное по нѣмецкимъ племенамъ сказаніе о сотвореніи міра глубоко проникло въ преданія русскія, и долго удерживалось въ народѣ, будучи освящено христіанскими попятіями, въ такъ называемомъ стихѣ о Голубиной книгѣ *). Оно такъ срослось съ убѣжденіемъ и кругомъ воззрѣнія народа русскаго, что могло быть заимствовано только изъ общаго индоевропейскаго источника. Сличеніе этого стиха съ нѣмецкими и другими сказаніями можетъ предложить, такъ сказать, варианты для возсозданія первобытнаго преданія.

Изъ стиха о Голубиной книгѣ :

- у насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа
 самого Христа, Царя небеснаго;
 солнце красное отъ лица Божьяго
 самого Христа, Царя небеснаго;
5. младъ свѣтель мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ,
 самого Христа, Царя небеснаго;
 звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ,
 самого Христа, Царя небеснаго
 ночи темныя отъ думъ Господнихъ,
10. самого Христа, Царя небеснаго;
 зѣри утренни отъ очей Господнихъ,

---

*) С. П. Шевырева Исторія Русской Словесности, 1846, выпускъ 1, стр. 237.

- самого Христа, Царя небснаго ;
 у насъ умъ-разумъ самого Христа,
 сомого Христа, Царя небснаго ;
15. наши помыслы отъ облакъ небсныхъ ;
 у насъ мѣръ-народъ отъ Адамія,
 кости крѣпкія отъ камени,
 тѣлеса наши отъ сырой земли,
 кровь-руда наша отъ черна моря.

Варианты изъ чужеземныхъ сказаній и объясненія:

И до сихъ поръ еще думаютъ видѣть въ солнцѣ образъ лица, что совершенно согласно съ древне-христіанскимъ представленіемъ этого свѣтила *). Но всего вѣроятнѣе предполагать, что первоначальный образъ солнца *око*, равно какъ и звѣзды и мѣсяць—очи Божія; хотя нашъ стихъ и отдѣляетъ каждое изъ свѣтилъ для полнѣйшаго соотношенія природы съ представленіями древне-христіанскими. Скъ. поэты называютъ солнце, мѣсяць и звѣзды *очами неба*, а глазъ человѣка—солнцемъ, черепъ мѣсяцемъ, брови звѣздами; солнце по крайней мѣрѣ на десяти языкахъ восточнаго Архипелага называется *окомъ дня* **). Какъ великаны, такъ и богъ Wuotan (т. е. небо) имѣютъ только одинъ глазъ, который вмѣстѣ есть и колесо, и щитъ. Замѣчательно, что у Сербовъ глубо-

*) Maszmann, der Egsterstein in Westfalen, 1846.

***) Talvj, Versuch einer geschichtl. Charakt. d. Volkslied. germ. Nat. 1840, 3.

чайшее мѣсто въ морѣ называется око *). Съ этимъ мѣтологическимъ представленіемъ вѣроятно стоятъ въ связи прекрасное, поэтическое выраженіе въ сербск. пѣсн.: *моје чарне очи*—два бистра кладенца, Вук. 1, 252. Восходъ солнца называется у Сербовъ окномъ Божиимъ :

од божиег прозора ,
од сунчевог истока ,

Вук. Серб. пѣсн. 1, 207. Какъ прозор происходитъ отъ зор—свѣтъ, и срб. зрак, зрака значить солнечный лучъ : что согласно съ стихомъ : зори утренни отъ очей господнихъ; такъ окно происходитъ отъ око, чему аналогическимъ доказательствомъ можетъ служить гот. *auga-daugo*, окно, собственно *дверь оку*. Наблюдательный взглядъ на природу, выражающійся къ языкъ, и самому лицу даетъ значеніе отъ глазъ, и какъ бы изъ впечатлѣнія, производимаго глазами, развиваетъ для себя представленіе о цѣломъ лицѣ : такъ лице по-баск. *beguitartea*, собственно *между глазъ*, или, если позволено такъ выразиться, *междуглазіе* **), отъ *beguia*—глазь. Такое художественное чувство, проникающее языкъ, встрѣчается съ пластическимъ воззрѣніемъ скульптуры греческой, возсоздавшей типъ Юноны, взявъ за основаніе глаза

*) Вук. Монтенегро, 62.

**) W. Humboldt, über d. cant. oder bask. Spr.

ея, по гомерическому эпитету: βωίτις *). Блескъ и зеркальное отраженіе глазъ не могли не произвести сильного впечатлѣнія на составителей языка: любопытно слѣдующее толкованіе Памвы Берынды: „Зѣница, зѣнка, чомольчокъ, зреница.“

Представленіе груди въ мѣсяцъ являетъ весьма замѣчательное отклоненіе отъ преданій другихъ народовъ. Грудь вѣроятно означаютъ пятна на лунѣ. Индійскій богъ луны, Чандрас, носитъ зайца, потому и луна называется по-скр., отъ *са*са зайца: *са*са-д'ара носящій зайца, *са*с-аика имѣющій знакъ зайца, *са*с-ин зайчій. Ипат. св. 188 стр., упоминаетъ о поклоненіи Литовцевъ „заячому богу“, соединенномъ съ слѣдующимъ повѣріемъ: „егда выѣхаше на поле и выбѣгнаше заяцъ на поле, въ лѣсъ рощенія не вохожаше вну и не смѣяше ни розгы уломити.“ Это суевѣріе, столь распространенное у насъ, есть и у Финновъ: такъ описываетъ финская поэма **) поѣздъ жениха и невесты: „пробѣхавъ немножко съ женихомъ своимъ, взглянула она на чистое поле, и говорила: кто это скочилъ поперекъ дороги? Ильмариненъ отвѣтъ держалъ: заяцъ скакалъ поперекъ дороги, зайчикъ перескакивалъ. Кабы знала вѣдала, говорила невеста, лучше бы я прыгнула изъ саней, и сама топтала тропу заячью.“

*) С. А. Böttiger, *Ideen zur Kunst-Mythologie*, 1836, 2, стр. 311—312.

**) Höfer, *Zeitschr. f. d. Wissesch. d. Spr.* 1845, 1, стр. 34.

Согласно съ индійскимъ мифомъ, у насъ до сихъ поръ объясняютъ колеблющееся отраженіе свѣта на стѣнѣ игрою зайчика. И можетъ быть, заступленіе дороги тьмою померкнувшаго свѣтила ведетъ свое начало оттуда же. — Скандинавское преданіе объясняетъ пятна на лунѣ двумя дѣтьми; которыхъ взялъ къ себѣ мѣсяць, когда они несли ведро воды на коромыслѣ: ихъ видятъ и теперь. Согласно съ этимъ, наши предки въ лунныхъ пятнахъ видѣли также двѣ фигуры человѣческія, что явствуетъ изъ слѣдующаго описанія луннаго затменія: „въ то же время бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ вѣстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудно, черно (замѣчательный вариантъ въ Воскр. сп. 2, 59: яко сукно черно), и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица имуци, одно зелено, а другое желто, и посреде ея яко два ратьная съкущеса мечема, и одному ея яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи людіе „не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть“ — еже бысть.“ Ипат. 90.

Происхожденіе помысловъ отъ облакъ небесныхъ является въ Эддѣ въ изобразительномъ представленіи сотворенія облаковъ изъ мозга Имира. Латинскій писецъ X в. мысль нашего стиха выражаетъ такъ: „*pondus nubis, inde est instabilitas mentium*“, а нѣм. поэтъ XII в. говорить:

von den wolchen daz müt.

Происхожденіе крѣпкихъ костей отъ камня согласно съ индійскимъ преданіемъ о созданіи костей чело-
вѣка изъ камня, выразившемся въ скн. миеѣ о со-
зданіи горъ и скалъ изъ костей и зубовъ Имира.
Др. нѣм. поэтъ XII в. говоритъ:

von dem steine gab er ime daz rein.

Сотвореніе тѣла изъ земли есть общее всѣмъ на-
родамъ преданіе, изобразительно выраженное въ Эддѣ
въ представленіи тѣла убитаго Имира.

Уже Индійцы производили кровь отъ воды; въ
скн. преданіяхъ не только всѣ воды отъ крови Ими-
ра, но и самый потопъ произошелъ отъ того же: и
въ крови Имира потонули всѣ великаны. Съ нашимъ
стихомъ согласуется др. нѣм. поэтъ XII в.:

von dem mere gab er ime daz plut;

но писецъ X в. предлагаетъ замѣчательное разнорѣ-
чіе: „*pondus ignis, inde rubens est sanguis est cali-*
dus.“ Можетъ быть это представленіе вышло изъ
вѣрованія въ огонь, какъ источникъ жизни, и въ
исхожденіи души вмѣстѣ съ кровію.

И такъ космогоническое преданіе о сотвореніи чело-
вѣка не только своеземно у насъ, но и являетъ за-
мѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ на-
родовъ. Мало того. Оно такъ вкоренилось въ народ-

ныя вѣрованія, что еще и доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣрїяхъ, и именно такъ догматъ въ расколѣ Духоборцевъ. Вотъ ихъ ученіе о происхожденіи человѣка: человѣкъ созданъ изъ земли, а Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. До паденія онъ имѣлъ тѣло лучшаго, совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ *мирномъ тѣлѣ*. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ кореня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака.—Это замѣчательное суевѣріе особенно важно потому, что служить дополненіемъ къ стиху о глубинѣ книгъ, и совершенно согласуется съ нѣмецкими и другими древнѣйшими преданіями. Нѣм. поэтъ XII в. также производитъ жилы отъ корня:

von den wrcen gab er ime di âdren.

Этимъ объясняется эпическій колоритъ слѣдующаго мѣста у Даніила Заточника: „тѣло основается жилами, и дубъ крѣпится множествомъ коренія.“ Какъ корень есть источникъ жизни растенія, такъ и жила сознается въ языкѣ орудіемъ жизни, будучи произведена отъ жи-ти, точно такъ, какъ отъ скр. бал жить, бала кровь и келт fuil — кровь. Въ суевѣрїи Духоборцевъ о происхожденіи волосъ отъ травы сохраняется преданіе индійское, удержанное и нѣмецкимъ поэтомъ:

von dem grase gab er ime daz hâr.

Какъ эпическая форма, это преданіе и досель осталось въ народной поэзиі, на пр. въ Серб. пѣсн., Вук. 1, 252 :

Моја ситна коса зелена ливада.

Происхожденіе мысли отъ вѣтра и благодати отъ облака напоминаетъ лат. приписку X в: „*pondus nubis, inde est instabilitas mentium; pondus venti, inde est anhela frigida; pondus gratiae, inde est sensus hominis.*“

Самое названіе: голубиная книга, кромѣ Христіанскаго значенія, могло согласоваться съ древнѣйшими преданіями, которыя, встрѣтаясь съ Христіанскими символами, голубямъ приписали твореніе міра. Это замѣчательное преданіе, какъ отрывокъ того же великаго эпоса о сотвореніи міра, сохранилось въ одной колядкѣ Карпатскихъ Руссовъ *). Чтобы видѣть, какъ отдаленное преданіе сохраняется въ памяти народа, хотя и въ неясныхъ, неопредѣленныхъ намекахъ, сообщаемъ ее сполна:

Колись то було зъ початку свѣта,
Подуй же, подуй Господи, зъ Духомъ Святымъ по
земль!

втоды не було неба ни землі,
неба ни земли, нимъ сине море,

---

*) Кастомарова, Объ историч. значеніи русск. народн. поэзиі. 1843. стр. 66—67.

а середь моря та два дубойки:
 съли-упали два глубойци,
 два голубойци на два дубойки,
 почали собь раду радити,
 раду радити и гуркотати:
 якъ мы маемо свѣтъ основати?
 спустиме мы ся на дно до моря:
 вынеме си дрибногo пѣску,
 дрибногo пѣску, синѣго каменьце,
 дрибный пѣсочокъ постѣме мы,
 синій камінець подунеме мы.
 Зъ дрибногo пѣску—чорна земляца,
 студена водица, зелена травица;
 зъ синего каминьца—синѣе небо,
 синѣе небо, свѣтле сонейко,
 свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ,
 ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки.

Сотвореніе земли и неба отъ птицы находимъ также въ финскомъ эпосѣ *) : орелъ свиваетъ гнѣздо на колѣнѣ Вѣйнэмѣйна, и кладетъ въ него яйца: Вѣйнэмейненъ, почувствовавъ на себѣ теплоту, хватается за колѣно: яйца падаютъ въ море, и онъ творить изъ нихъ землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. По финскому эпосу, вначалѣ ничего не было, кромѣ моря. Касательно двухъ дубовъ, упоминаемыхъ въ карпатской колядкѣ, должно замѣтить, что дубъ дерево священное, принадлежавшее по преимуще-

---

*) Uber d. finnische epos, статья Я. Гримма, въ Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr. 1845 N 1., стр. 27.

ству Перуви, а у Римлянъ Юпитеру, такъ что даже жолудь называется по-лат. *juglans*, т. е. *joviglans*, *jovis glans*. Въ ски. сказаніяхъ сохранилось преданіе о всемірномъ деревѣ; простирающемъ свои вѣтви по всему міру и пускающемъ корни не только въ землю, но и въ адъ, и простирающемся до небесъ.

Преданія мало по малу вытѣсняются Христіанствомъ и образованностью; сказанія, не поддерживаясь общимъ интересомъ, предаются забвенію; вѣрованія, отделившись отъ жизненныхъ вопросовъ, превращаются въ суевѣрія и искажаются. Что же остается намъ въ наслѣдство отъ нравственныхъ убѣжденій и вообще отъ духовной жизни нашихъ предковъ? — Отжившихъ повѣрій не воскресить. Народныя сказанія и пѣсни и для тѣхъ, кто ихъ понимаетъ и цѣнитъ, не болѣе, какъ антикварная рѣдкость. Даже простой народъ, по мѣрѣ распространенія грамотности, легко разстается съ своими преданіями и повѣрьями. Мифологія народная видимо гибнетъ, и никакая нравственная сила не можетъ вдвинуть ее въ интересы житейскіе. Едва ли наука должна жалѣть о такой невозвратимой утратѣ, какъ бы ни была увлекательна возникающая изъ древнихъ сказаній первобытная фантазія простосердечнаго народа. Жизнь народа идетъ по своимъ нравственнымъ законамъ движенія, столь же строгимъ, какъ и законы небеснаго механизма, въ силу которыхъ невозможно обратное теченіе планеты вокругъ солнца.

Но сколько бы народъ ни отклонился отъ своего первобытнаго состоянія: пока онъ не утратитъ своего

языка, до тѣхъ поръ не погибнетъ въ немъ духовная жизнь его предковъ. Мысль, извнѣ привитая къ слову, никогда не осилитъ живаго образа, въ немъ впервые воссозданнаго. И если народъ силою своего умственнаго образованія разовьетъ самостоятельно строгую мыслительность въ предѣлахъ своего собственнаго языка: то это возможно иначе, какъ только по глубокому и искреннему сочувствію, хотя и не всегда отчетливому, съ тѣми представленіями, какія лежатъ въ основѣ самаго языка. Вместе съ роднымъ языкомъ мы нечувствительно впитываемъ въ себя всѣ возрѣнія на жизнь, основанныя на вѣрованіяхъ и обычаяхъ, въ которыхъ языкъ образовался: и какъ преданія, донесшіяся до насъ изъ отдаленныхъ вѣковъ только въ звукъ, мифологія народная долго будетъ жить въ языкъ своей яркой изобразительностью и мѣткимъ взглядомъ на природу.

II.

ПЕРІОДЪ

ХРИСТИАНСКИЙ.

Оправданіе и предѣлъ всякому умственному развитію въ формахъ языка опредѣляются введеніемъ Христіанства и переводомъ Св. Писанія. Слово Божіе, оглашаясь на языкѣ необразованномъ, выводитъ его изъ предѣловъ домашняго, односторонняго воззрѣнія на общечеловѣческое поприще отвлеченной, нравственной мысли. Живость начальнаго впечатлѣнія уступаетъ величію влагаемой въ слово идеи, и Христіанство сглаживаетъ съ языка его изобразительность, воспитанную язычествомъ, точно также, какъ ниспровергаетъ мраморныя изображенія видимыхъ божествъ. Слѣдовательно возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго понятія, совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, получаетъ первое и рѣшительное направленіе отъ перевода Св. Писанія: а такъ какъ уясненіе вы-

сокаго ученія Христiянскаго есть окончательное стремленiе мысли ; то языкъ перевода Св. Писанiя , въ продолженiе всего литературнаго движенiя языка , не престаеъ оказывать влiянiе при каждой новой попыткѣ расширить значенiе слова , по мѣрѣ развитiя мыслительности. Какъ исторiя живописи опредѣляется непрестанной борьбой Христiянскаго воодушевленiя съ вещественностiю формы и подражанiемъ природѣ : такъ и исторiя языка предлагаетъ непрестанное колебанiе отмеченной мысли и живаго представленiя, другъ другу оказывающихъ обоюдное противодѣйствiе. Слѣдовательно существенный вопросъ въ исторiи языка во время перевода Св. Писанiя состоитъ въ томъ , чтобы показать , какъ языкъ отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣнiй, глубоко проникнувшихъ и въ жизнь, и въ вѣрованiя, и въ преданiя народныя, мало по малу переходитъ къ ясному выраженiю Христiянскихъ понятiй.

1. ВОЗВЕДЕНIЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА КЪ IV ВѢКУ.

Разсматривая славянскiй переводъ Св. Писанiя съ точки зрѣнiя лингвистической , мы убѣждаемся въ той мысли, что переводчики старались передать слово Божiе и идеи Христiянскiя во всевозможной чистотѣ. Все что только напоминало обрядъ или обычай, противный Христiянству, всякое слово, имѣвшее смыслъ языческаго поклоненiя, они почитали недостойными чистоты Евангельской. Нѣтъ сомнѣнiя, что славянскiй языкъ уже задолго до Кирилла и Меодiя

служилъ органомъ Христіянскихъ понятій: въ противномъ случаѣ никакъ не возможно было бы избѣжать словъ и выраженій, намекающихъ на языческій бытъ, при первой попыткѣ переложить Священное Писаніе. Благочестивые переводчики, Греки по преданію, твердо и основательно знали славянской языкъ; и слѣдовательно, какъ ревностные христіане, могли почерпнуть свое знаніе славянскаго языка только изъ источника Христіянскаго. Христіанъ между Славянами было уже много во время перевода Св. Писанія: *) по свидѣтельству летопис. IX в. Anast. Bibliothecar., Assemani, II, 190: еще въ V вѣкѣ по Р. Х., Болгары, завоевавъ Мизию, застали тамъ Славянъ - Христіанъ, у которыхъ были царградскіе священники. Въ VI в. значительныя должности свѣтскія и духовныя въ Царградѣ занимали Славяне: Доброгость, Всеградъ, Тетимиръ, Оногость. Но обратимся къ свидѣтельствамъ собственно лингвистическимъ. Здѣсь-то особенно важенъ для насъ языкъ готскій. Готы уже въ IV вѣкѣ получили переводъ Св. Писанія, а они по мѣсту жительства и по историческимъ своимъ судьбамъ, постоянно находились въ сношеніяхъ съ Славянами, въ концѣ IV вѣка у нихъ была даже своя особая церковь въ Царградѣ, и училище для

---

*) Мацеёвскаго Истор. первобытн. Христ. Церкви у Славянъ, 20—36.

Шафар. Slov. Starož. 602.

Готевъ, гдѣ учили по-готески. Даже въ X в. у Констант. Багрянородн. de caeremon. aulae byzant. I, 83, упоминается такъ называемый *Готѣжонъ*, драматическое представленіе (*παίζων το γοτθικόν*). Слова припѣва варварскія, и готескимъ языкомъ объяснены быть не могутъ. Видно, что сами Греки подъ Готѣями разумѣли народъ не одного и того же языка, а смѣсь

Вообще строгаго отдѣленія народностей, во время средневѣковаго движенія народовъ, быть не могло. Броженіе и столкновеніе племенъ отразились и въ языкъ. Хотя, по внутреннимъ законамъ своего организма, языкъ отдѣлялся отъ языка, какъ народъ отъ народа: однако, увлекаясь общою судьбою въ историческомъ движеніи, непрестанно сталкиваясь общими интересами, народы передавали другъ другу свою народность и языкъ: или лучше сказать, самая народность племенъ и нарѣчій, будучи общою между варварами, какъ бы кристаллизовалась отъ обоюднаго столкновенія и мѣны словъ и понятій. Преданія и вѣрованія, вмѣстѣ съ звуками ихъ выразившими, связывали между собою варваровъ, замѣняя имъ то общечеловѣческое братство, какимъ роднятся между собою народы образованные. Слово одного племени отзывается часто подобнымъ же словомъ у другаго: потерянное у Славянъ сохраняется въ нарѣчіяхъ сѣверныхъ; иногда непонятная и безсознательно употребляемая форма у Нѣмцевъ живетъ органически и сознательно въ устахъ Славянъ. Историческое движеніе словъ изъ

одного языка въ другой, изъ одного нарѣчія въ другое, свидѣтельствуеть намъ о той братственности народовъ, которая уже является намъ расторгнутою совершеннымъ разрывомъ въ періодъ историческій. Даже самая вражда служила для народовъ и языковъ не маловажнымъ средствомъ къ единенію мыслей, къ общенію духовному, служа проводникомъ словъ и понятій отъ одного народа къ другому. Стройное отдѣленіе одной народности отъ другой условливается порядкомъ общественнымъ, устройствомъ политическимъ: а въ глубокіе средніе вѣка этого между варварами быть не могло. Стремленіемъ сѣверныхъ народовъ къ югу, и распространеніемъ Христіанства между варварами отъ юга къ сѣверу, определяется то направленіе, какимъ влеклись народы и какъ сталкивались въ своемъ броженіи. Христіанство, распространяясь между народами разныхъ языковъ и повѣрій, сглаживало слѣды ихъ отличій, и такимъ образомъ древнія вѣрованія и слова, ихъ выражавшія, — различныя по своей мѣстности, — примѣняясь къ понятіямъ Христіанскимъ, болѣе и болѣе теряли свой первобытный характеръ, и другъ съ другомъ сближались: Христіанство было тѣмъ центромъ, къ которому сходились всѣ разнообразныя вѣрованія и обычаи разнородныхъ племенъ.

Вотъ основанія, по которымъ мы можемъ признать важнѣйшимъ источникомъ для исторіи языка славянскаго переводъ Библии, сдѣланный Ульфилою. Показавъ отношеніе Христіанскихъ понятій къ языку перевода IV в.

и къ языку перевода Кирилла и Меѳодія IX в., мы опредѣлимъ для себя періодъ исторіи языка, отъ языческихъ преданій мало по малу переходящій къ чистотѣ Христіанскихъ идей.

Но сначала обратимъ вниманіе на историческую связь языка готскаго съ славянскимъ. Особенно любопытны для исторіи такія формы, которыя, будучи образованы средствами одного языка, получаютъ право гражданства въ другомъ. Таковы въ славянскихъ нарѣчіяхъ слова, коимъ въ готскомъ языкѣ соответствуютъ образующіяся приставкою га- (нѣмецкое ge-): такъ что въ древнѣйшую эпоху эти слова были равно понятны и Готеамъ и Славянамъ.

1. слово *гораздъ* встрѣчается уже собственнымъ именемъ одного изъ древнѣйшихъ учителей славянскихъ пресвитеровъ, именно Архіепископъ Гораздъ, ученикъ Св. Меѳодія. Не только въ народномъ русскомъ, но и въ языкѣ летописей это слово имѣетъ смыслъ хорошаго, смышленаго; въ этомъ же смыслѣ переписчикъ Остр. Е. употребляетъ это слово въ своей припискѣ: „да иже горазнѣ сего напише“. Даже въ названіяхъ славянскихъ урочищъ встрѣчается это слово, на пр. Гораждіе въ Босніи. Въ гот. языкѣ есть слово *gazda*, употребляемое Ульфилою въ смыслѣ языка, рѣчи: съ приставкою га-, это слово и по звукамъ и по значенію будетъ наше гораздъ. Слѣдовательно славянское *рада* проходитъ черезъ гот. форму *gazda* въ словъ гораздъ.

2. готовъ, коимъ въ О. Е. переводится, хотя и близкое по звукамъ, *étococ*, есть и въ лит. *gatawas*: гот. *gatevjan* приготовить, сдѣлать, образуется изъ *taujan* дѣлать, съ приставкою *ga*.

3. гоньзяти, гоньзати *gōnezoti*, гонозити *gōzeiv*, изъясн. наст. гонезу; употребляется и въ лѣтоп. на пр. Ипат. 193: „одному же Ятвяжину гоньзнувшу изъ весць“ — но уже въ смыслъ тѣснѣйшемъ. Это слово является въ готскомъ *nisap* или *nasjan*, которое съ приставкою *ga*-образуетъ *ganisap*, откуда нѣм. *genesen*.

4. гобъзъ (*uber*) откуда гобъзитиса, гобъзовати: готск. *ga-bigs* (богатый), производимое Боппомъ отъ скр. *bāga* часть, счастье, следовательно *ga-bigs*, съ счастьемъ, какъ наше у-богій, безъ счастья. Впрочемъ у Славянъ былъ уже далеко распространившійся въ старину корень гоб-, не только у насъ въ лѣтописяхъ попадающійся въ формѣ „гобино“, которая, какъ древнѣйшая, уже замѣняется болѣе понятнымъ вариантомъ „обимье“, Лавр. 75; но и въ иллир. *гобино*, и даже въ мадьяр. *gabona* съ тѣмъ же значеніемъ жита: следовательно прилаг. гобъзъ вмѣстѣ съ гот. *gabigs* будетъ уже вторичной формаци.

5. говѣть имѣетъ смыслъ не только поститься, но и почитать: Памва Берында объясняетъ: „говѣинъ учтивый, честный, почтивый; говѣніе венерацио, реверенція: встыденъе сі зъ почтивостью, чченъе“. —

Отсюда благо-говѣть. Согласно съ „говвинъ“ въ старину было говвино вмѣсто говвины, на пр. въ Новгород. лѣт. „въ заговвино Петрово“, 139. По-гот. *ga-veihan*, *εὐλογεῖν*, съ приставкою *ga-* отъ *veihis* святой, скн. *ve*, агс. *wih* святилище, храмъ. — Слич. скр. *gu diis offere*, *sacrificare*; гавья *quod offertur*, *offerendum diis*.

6. котора, слово, въ рус. лѣт. столь часто употребляемое, находимъ въ *Glag. Cloz.* въ глагольной формѣ: „въземла свѣтъ отъ распинающтихъ. по гѣборя ноштыжъ незаконныжъ *котераетъ* дрязость беззаконъ иудѣиска“, (солнце) *adimens lucem a crucifigentibus, pro Domino pugnans, nocte illegitima coarguit audaciam impietatis Judaicae*. Употребляется также и прил. которынъ. Соответственно нашему котора, находимъ гот. *gataura*, *σχιραυ*, отъ глагола *taigan*, сроднаго съ лат. *terere* и нашимъ торить (проторить, проторы). Бутковъ, не обративъ вниманія на распространеніе слова котора между Славянами, и на гот. форму *taigan*, родственную и намъ, ограничиваетъ котору финскимъ происхожденіемъ отъ *toга* *) раздоръ, распря.

7. съ такою же приставкою *ga-* является славянское слово въ готескомъ языкѣ, и именно доба, въ слѣдующей формѣ: *ga-dob ist*. Еф. 5, 3, Тим. 1, 2, 10; въ славянскомъ текстѣ: *подобаетъ*. Габел. и Лѣб. безъ основанія подводятъ это слово къ *daban* — *passen*.

---

*) Труд. Рос. Академ. 1842. ч. V.

Такимъ образомъ исторію многихъ нашихъ словъ, а вмѣстѣ съ ними и понятій, мы легко можемъ возвести къ періоду языка готскаго. Такъ чешск. *strawa* ѣда, иждивеніе; илл. ядъ, сохранившееся и въ лит. *strawa* ѣда, въ IV и V вѣкѣ имѣло значеніе языческаго празднованія похоронъ, что явствуетъ изъ Юрнандова описанія погребенія Атилы (454 г.): *postquam lamentis est defletus Atilla stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant.* Это мѣсто почти слово въ слово объясняется повѣствованіемъ Нестора о тризнѣ на могилѣ Игоря: (Ольга) „*плакася* по мужи своемъ, и повелъ людемъ своимъ *съсутьи* могилу велику, яко соспоша, и повелъ *трызну* творити. Посемъ седоша Деревляне пити“, Лавр. 24. — Чтобы еще болѣе сблизить наши преданія о погребеніи съ бытомъ доисторическимъ, укажемъ на сродство готскихъ и славянскихъ словъ, означающихъ могилу и гробъ. Хотя въ О. Е. гробъ стоитъ на мѣстѣ гр. *τάφος*, однако сродно съ гот. *groba* *φυλέος*, (ложе, язина) напр. Мат. 8, 20: *fauhons grobos aigun*, въ О. Е. лисица ложа имѣтъ, а въ другомъ мѣстѣ: лисица язины имѣтъ, Лук. 9, 58; въ испр. въ обоихъ мѣстахъ: язины. У Памвы Берынды: „язвина: яма, або яскиня дикихъ звѣрятъ.“ Славянскому же гробъ у Ул. соотвѣтствуютъ: *hlaiu*, *hlaiwasna*, и *augahi* или *augahjo*. Какъ гробъ переходитъ въ значеніе ямы, звѣринаго логовища, такъ и *hlaiu*, др. нѣм. *hlewo* или *hlewo* (род. *hléwes*)—*tumulus*, *ascervus*, *agger*, *mausoleum*, соотвѣтствуетъ нашему *хльвъ*, от-

куда хлѣвина δωμάτιον, domicula: гот. ai=нашему ѣ, такъ что hlaiv также созвучно нашему хлѣвъ, какъ hlaibs=хлѣбъ. Производное hlaivasna еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ сближеніи, ибо суф. - asna есть нашъ - изна, имѣющій смыслъ мѣста, напр. въ словѣ отчизна: а hlaivasna именно и означаетъ мѣсто гробовъ, кладбище, пещеру: Лук. 8, 27: въ храмѣ не живѣаше. нѣ въ гробѣхъ, по О. Е., у Ул. in garda ni gavas ak in hlaivasvom. Гот. hlaiv имѣетъ свой глаголь въ скн. hlūa укрѣплять, огораживать, и потому-то агс. hlëov, совершенно согласно съ значеніемъ нашего слова хлѣвъ, имѣетъ смыслъ крыши, укрѣпленія, прибѣжища; а того же корня слово въ сокращенной формѣ: hlaev, hlāv значитъ не только могилу, т. е. насыпь, но и земляной валъ. Следовательно hlaiv, hlëov, hlaev, хлѣвъ собственно значить окруженное валомъ городище, въ которомъ, какъ извѣстно, находятъ сожженные кости людей и животныхъ, доспѣхи и украшенія погребенныхъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что у Славянъ и до сихъ поръ находимъ точно такое же отношеніе городища къ хлѣву, какъ гот. hlaiv къ агс. hlëov: именно хлѣвъ по-ниж. луж. называется groźj, откуда groźischczo. Краледв. ркпсь ясно говоритъ о погребеніи мертвыхъ на горѣ, соединенномъ съ языческимъ обрядомъ приношенія покорма богамъ: „tamo k wrchu pohřebat mrch, „i dat pokrm bogowóm“ (Zaboj a Slaw.). Въ значеніе стравы вѣроятно входилъ и покормъ.— Касательно же слова augahī, augahjo, должно замѣтить, что оно совершенно сближается съ нашимъ оврагъ,

врагъ, еругъ, и стоитъ въ томъ же отношеніи къ славянскому, какъ наше гробъ къ готск гроба. Гот. произношеніе aurgahi свидетельствуетъ, что древнѣйшая, исторически извѣстная намъ форма нашего оврагъ, еругъ была аурегъ: -гъ есть суффиксъ.—Потомъ мы видимъ, что ау сокращается: или въ у, ю: откуда мадьяр. űreg пещера, яма, и űg дыра; или въ я и е: наше яръ, въ значеніи крутой скалы, или берега, а чешск. gaг потокъ, ровъ, пол. iaг, iaгига долина, яма, ровъ; кроат. iaгѣк долина. *) Самое полное развитіе этого слова находимъ въ рус. формахъ: согласно съ готскимъ aurgahi—оврагъ; согласно съ мадьяр. űreg—врагъ и еругъ; потомъ: яръ, еракъ въ сложномъ бу - еракъ. Въ чеш. сохранилось въ этомъ словѣ понятіе о теченіи воды, равно какъ и нашъ оврагъ означаетъ ровъ, промытый водою, засохшее русло: слѣдовательно скр. ира вода съ суффиксомъ га идущій: ира-га—будеть соответствовать нашему еру-гъ, т. е. теченіе воды, спускъ или ходъ для воды; для означенія же ямы, т. е. углубленія земли, языкъ образуетъ сложное бу-еракъ, бу-еругъ; а бу есть скр. б'у земля, сохранившееся какъ приставка и въ другомъ нашемъ словѣ, именно бу-дара-жить, т. е. поднимать вверхъ: скр. б'удага значитъ гора, т. е.

---

*) Дифенбахъ также производитъ гот. aurgahi отъ нашего оврагъ, но запутываетъ изслѣдованіе сличеніемъ съ латыш. rōku рою, и съ рака гробница, т. е. arka. Vergl. Wörterb. d. goth. Spr. часть 1, стр. 62 и часть 2, стр. 123.

несущій землю, отъ б'у и д'ара, означающаго *несущий*; Чехи скр. д'ара перевели *ноша* въ названіи горъ: крькноша; а д'арá по-скр. значить *земля*, какъ все несущая и приносящая плодъ: скр. д'арá сохранилось въ кельт. *daiar, duar, doar*, и въ нашихъ: доръ, дорище, напр. въ Юрид. актахъ: 1490 года: „на дорѣхъ покосы, — судьи велѣли между учинити дору по старой межѣ, куды коса съ косою сходилася — кто тѣ доры косятъ? укажите вы намъ тѣмъ дорищомъ между — которые, господине, дорища и покосы — кому то вѣдомо, что то дорищо роскоси нашихъ деревень.“ 1555: „сосна сухая на дору на заросломъ.“ Слѣдственно доръ значить: земля съ покосомъ: измѣненіе скр-го *a* въ наше *o* и утрата скр-го предыханія при *d'* въ нашемъ *d* — суть явленія самыя обыкновенныя въ исторіи языка, чему доказательствомъ служатъ и кельт. формы. — Производство *) слова бу-горъ отъ па-горъ, па-горекъ, употребляемыхъ у Чеховъ и Поляковъ, вышеизложенному мнѣнію не противорѣчитъ: языкъ всегда любитъ осмысливать для себя понятнымъ древнѣйшее, вышедшее изъ употребленія. Отъ чего же по преимуществу слова, означающія гору, рытвину, пользуются приставкою *бу*?

Для дальнѣйшаго сличенія готескаго языка съ славянскимъ ограничимся указаніемъ на Шафарика, который привелъ цѣлый рядъ славянскихъ словъ, родственныхъ языку готескому, въ своихъ Славянскихъ

---

*) Шамкевича Корнесловъ, I, стр. 48.

Старожитностяхъ *). Въ своемъ мѣстѣ будемъ говорить подробно о многихъ изъ нихъ.

2. ОТВЛЕЧЕННОСТЬ ПОНЯТІЙ, ВЫРАЖЕННЫХЪ СЛАВЯНСКИМИ ПЕРЕВОДОМЪ СВ. ПИСАНІЯ.

Теперь покажемъ, въ какомъ отношеніи и готскій и славянскій языки стоятъ къ Христіанству: участіе наше къ готскому переводу Библии должно непрестанно поддерживаться тою мыслию, что въ этотъ переводъ входили слова и понятія народа славянскаго.—Переводъ Ульфины при первомъ взглядѣ поражаетъ яркостью жизни дѣйствительной, непрестанно выступающей разнообразными намеками, проглядывающими сквозь идеи Христіанскія: отвлеченность ученія Христіанскаго низводится до осязательныхъ образовъ, заимствованныхъ изъ дѣйствительности; чистота христіанскихъ идей омрачается намеками на язычество. Вездѣ очевидно, что Ульфила прямо изъ устъ язычника взялъ еще неочищенный молитвою слова и формы для выраженія ими Св. Писанія.

Обратимся къ фактамъ:

(*δαίμων* переводится въ славянскомъ текстѣ словомъ бѣсъ, болѣе въ отвлеченномъ смыслѣ злаго духа: у Ул. же находимъ еще самыя свѣжіе слѣды преданій языческихъ: нашему бѣсу у Ул. соотвѣтствуютъ два слова *unhulpo* и *skohsl*. Un-

*) Стр. 347.

hulfo отъ hlfran быть ласкову, оказывать пріязнь, есть какъ бы переводъ нашего стариннаго: *непріязнь*. Въ О.Е.: отъ непріязни, *áþd toð þouþroð*, Лук. 11, 4. Мат. 6, 13, вмѣсто нынѣшняго: отъ лукаваго; согласно съ Остром. текстомъ находимъ также: *отъ неприязни* въ Евангеліяхъ 1144, 1270, 1307, 1358 годовъ. Впрочемъ издревле шла и другая редакція, замѣняющая это древнѣйшее выраженіе и нынѣ принятымъ: *отъ лукаваго*, именно въ Еванг. 1132, 1164, 1230 годовъ. Фрейз. ркпсѣ свидѣтельствуетъ, что первое чтеніе первобытнѣе: текстъ Фрейз. ркпси: *zaviztiubui pergriazniuz zavistitk bi nepriazniunoz*, — замѣняется позднѣйшимъ чтеніемъ XV в.: *завистию діаволею*. Glag. Sloz. стр. XXXVII, XLV. — Въ другомъ мѣстѣ Фрейз. ркп.: *pergriaznina uznenavidzsa a boziu uzliubise* — *непріязнина възненавидѣша а божіи възлюбиша*. Особенно заслуживаетъ вниманія жен. родъ нашего *непріязнь* и гот. *unhulfo*: какъ у Ул., такъ и въ др. нѣм. языкѣ, согласно съ древнѣйшимъ вѣрованіемъ въ злое божество женскаго пола, это слово женск. рода; и потомъ уже, по вліянію греческому, переходитъ въ Св. Писаніи въ родъ муж.: вотъ почему *unhulfo* у Ул. попадаетъ и въ томъ, и въ другомъ родѣ: такимъ образомъ языковѣденіе одной только флексіей родовой можетъ вѣрно опредѣлить характеръ вѣрованія народнаго. *Unhulfo* образовалось, вѣроятно, черезъ отрицаніе отъ милостивой богини *Holdâ*, для означенія богини немилостивой. Замѣчательно, что *Діанъ* соответствовали въ нѣмецкой старинѣ и *Holdâ* и *Unholdâ*: въ смыслъ язычес-

комъ она была милостива, въ понятіяхъ Христіанъ переходила въ злое, демоническое существо. — Другое гот. слово для бѣса: skohsl есть чисто славянское, сохранившееся въ чешск. kauzlo, колдовство; въ ниж. луж. kostlař колдунъ; kost переходитъ въ кош, откуда наше кощей, въ значеніи мифологическомъ; см. костить — ругать. Итакъ славянское языческое слово, отвергнутое нашимъ переводомъ Св. Писанія, удерживается въ готскомъ.

ὄγκουμένη въ О. Е. вселенная, у Ул. midjungards, т. е. домъ или жилище въ срединѣ: это слово носить на себѣ колоритъ древности мифологической, ибо по преданіямъ Эдды midgardr созданъ для жилища людей изъ бровей Имира, и окруженъ змеемъ, вѣроятно моремъ. Готск. слово живо отзывается повѣрьемъ и преданьемъ; славянское же — вселенная, какъ прилагательное, образованное для перевода греч. слова, носить на себѣ характеръ чисто отвлеченный; хотя и напоминаетъ обычныя наши выраженія: въ Юрид. акт. „а новые, господине, деревни, что волостели сажали по лѣсамъ“, 1498—1505. „а наши, господине, отцы садились на тѣхъ земляхъ“, 1534. У Нестора постоянно спсти въ значеніи населить.

тайна, μυστήριον, въ О. Е. имѣетъ отвлеченное понятіе о сокритіи, у Ул. же переводится словомъ gupa, означающимъ не только тайну, но и βουλή, συμβούλιον, коему въ О. Е. соответствуетъ также отвлеченное свѣтъ. По-ски. gūp, не только буква, но и тайна, загадка, и дружественный разговоръ; gūni совѣтникъ, gundr колдунъ; а по-фински gupo пѣснь.

Понятія о пѣсни, вѣроужь, письмѣ и таинствѣ въ древнѣйшую эпоху совпадаютъ: что и указываетъ на мифологическій слѣдъ въ Ульф. переводѣ отвлеченныхъ понятій: тайны и совѣта.

Знаменіе *σῆμιον*, собственно понятіе отвлеченное, отъ знанья, Ул. переводитъ словомъ, имѣющимъ смыслъ болѣе изобразительный, стоящимъ въ связи съ дѣйствительностью, а именно: *bandva*, отъ *bidaa* вязать, стягивать, соответственно нашему старинному стягъ, попадающемуся, на пр., въ Сл. о П. И.; гот. *bandva* было уже у Лонгобардовъ въ смыслѣ знамени: *ve-xillum, quod bandum appellant, Paul. Diacon. Histor. Longobard. 1,20*. Чувственный образъ для означенія понятія о знакѣ, знамени, *σῆμιον*, находимъ въ словѣ бѣльгъ, употребляющемся не только въ др. болг. и сербск. памятникахъ; но и въ теперешнемъ срб. *бильга nota, meta, scorpus*, и даже въ мадьяр. *bélyeg, billyeg, belyeg, billeg, bilyog*.

Индивидуальность и частное понятіе всегда изобразительнѣе общаго; и синекдоха получаетъ существенное свое значеніе въ исторіи перехода частныхъ представленій къ общимъ понятіямъ. Эпическое воззрѣніе древнѣйшаго языка любитъ схватывать всякую общность въ осязательномъ, единичномъ образѣ: позднѣйшее умственное развитіе возводитъ частности къ общему. У Ул. болѣе изобразительныхъ вы-выраженій: пѣтица въ О. Е. означаетъ и *πτερόν*, и *στρούθιον*, тогда какъ Ул. отличаетъ общее понятіе *fugls*, переводя имъ первое, и частное понятіе *sparva* (*sperling*), переводя имъ послѣднее. — гърли-

чищъ, трупъ, у Ул. переводится сложнымъ словомъ, имѣющимъ не только специальное значеніе, но и стоящимъ въ связи съ преданіемъ, именно: hraiva-dubo, т. е. надгробный голубь, отъ hraiv трупъ, скн. hrae; въ скн. есть и hraelundir надгробное дерево. Славянское преданіе о душахъ усопшихъ, летающихъ по священнымъ деревьямъ, подобно птичкамъ, вполне согласуется съ готск. hraiva-dubo и скн. hraelundir: преданіе о сѣтующихъ на могилахъ голубяхъ есть общее и Славянамъ и Нѣмцамъ.

3. ДРЕВНѢЙШІЯ СЛАВЯНСКІЯ СЛОВА ЗНАЧЕНІЯ ЧИСТО ХРИСТИАНСКАГО.

Не одними общими, отвлеченными понятіями, славянскіе переводчики передавали Христіанскія идеи; но уже и готовыми словами Христіанскаго значенія, задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ. Эти Христіанскія слова вошли въ переводъ Св. Писанія какъ бы по преданію уже Христіанскому. Таковы: крестъ, алтарь, церковь. Онѣ были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, задолго до перевода Св. Писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соответствующія. Копитаръ въ своемъ сочиненіи: Glagolita Clozianus *) эти и другія имъ подобныя слова объясняетъ вліяніемъ нѣмецкимъ и именно баварскимъ: цркъы kirche, алтарь altar, хрѣтъ и хрѣстити (будто бы уже позднѣе: крѣтъ и крѣстити) christ и christen, постъ fas-

*) Стр. IX и XXXII предисловія.

ten, погъ rharph, пекль и пекло rēch, употреблявшееся у Нѣмцевъ въ IX в. вмѣсто ада; среда, вмѣсто dies Mercurii, mittwoch; цѣсарь caesar, оцъгъ aseptum, крамола carmula, слово попадающее въ баварскомъ правѣ средн. время, и проч. — Шафарикъ *) объясняетъ исторически возможность внесенія латинскаго элемента въ языкъ Славянъ: Болгары, сѣвши на Дунаѣ, нашли тамъ племена, говорящія болѣе по-латинъ, нежели по-гречески, а въ Дакии и Мезии Славяне могли внести къ себѣ вліяніе Готевъ, въ началѣ IX в. сосѣдили съ Франками, были въ сношеніяхъ съ Нѣмцами, и слѣдовательно отовсюду могли удержать что либо. Но никакъ невозможно допустить, чтобы въ славянскій языкъ систематически изъ какого-либо одного языка входили понятія и слова: это совершенно невозможное дѣло въ средніе вѣка. Въ отношеніи лингвистическомъ для насъ важно то, что еще до перевода Св. Писанія на славянскій языкъ въ IX в., языкъ славянскій уже былъ органомъ понятій Христіанскихъ: даже то самое обстоятельство, что эти слова были чуждаго происхожденія, было весьма выгодно переводчикамъ: ибо тѣмъ менѣе напоминали онѣ Славянамъ старину и ихъ прежнія вѣрованія. Столкновеніе народовъ могло занести новыя реченія извнѣ: но мысль, сообщенная словами, была велика, мысль Христіанская.) Слѣдовательно эти слова, первенцы между Христіанскими выраженіями славян-

*) Slow. Starož. 819.

скаго языка, заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія.

1. крестъ, *stauroc*, въ О. Е. употребляется въ смыслѣ орудія казни, но уже имѣетъ и значеніе символа Христіанства, тогда какъ у Ул. переводится словомъ *galga*, т. е. висѣлица, позорный столбъ, агс. *galga* тоже крестъ, въ глоссахъ объясняется даже словами: *labarum, vexillum*. Въ др. нѣм. Еванг. VIII в. *) крестъ, какъ орудіе казни: *cruci* отъ лат. *crux*: слич. Мат. 23, 34 *habet in cruci*, О. Е. распнете; Мат. 26, 2 *in cruci za slabanne*, О. Е. „на распятии“, также „на распятии“. Въ нѣм. поэмѣ о страшномъ судѣ (*Schmeller, Muspilli*): *uuirddit denne furi kitragan „daz frônò chrúci, „dâr der hêligo christ „ana arhangan uuard*. Это выраженіе съ *cruci* въ IX в. еще не укоренилось въ употребленіи, что видно изъ *Tatiani Harman. Evang.*, **) гдѣ вышеприведенныя изъ др. нѣм. Ев. мѣста значатся такъ: *inti habet, et crucifigetis*, Мат. 23, 34; *thaz her uuerde erhangen, ut crucifigatur*. Точно также безъ *cruci* *Io. 19, 6*. Впрочемъ готское представленіе креста въ видѣ висѣлицы находимъ еще и въ др. нѣм. памятникахъ X вѣка: „*ube er gotes sun si, so stige er abe demo galgen*“—*si filius Dei est, descendat de cruce*, *Notker, Ps. 31, 8*. Эта древнѣйшая готская редакція могла идти по преданію издревле, чему свидѣтельствомъ

*) *Fragmenta theotisca versionis antiquissimae Evang. S. Matthaei*, 2-е изд. Массмана, 1841.

**) Изданіе Шмеллера, 1841.

можетъ служить IX вѣка стихотворное сочиненіе Отфрида, употребляющаго въ немъ *galgo* въ значеніи креста, IV, 30, 15; V, 2, 3. Въ Фрейз. ркиси распятіе на крестъ выражено слѣдующими словами: *ro lezv vuesachu*—по лѣсу вѣшахъ (*ligno suspendebant*).

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что слово крестъ задолго до перевода Библии между Славянами получило смыслъ Христіанскій: ибо уже въ О. Е. для βαπτίζειν, βάπτισμα, βαπτιστής есть слова самобытныя, не грецизмы: крѣтити, крѣтитиса, крѣщеніи, крѣтитель, самостоятельно происшедшія отъ креста, какъ символа Христіанства: напротивъ того у Ул. эти слова грецизмы переводные: *daurjan*, *daureins*, *daurjands* отъ прилаг. *dūrs*, сроднаго съ нашимъ глубокъ, чрезъ сербск. дубокъ: слѣдовательно собственно: купать, погружать и пр. Даже по синтаксическому сочиненію, *daurjan* глаголь новый, не подчинившійся еще организму готскаго языка; ибо употребляетъ въ дѣйствительномъ залогѣ на мѣстѣ греческихъ страдательнаго и возвратнаго *). Согласно съ гот. *dūrs*, *daurjan*, въ ниж. луж. *durisch* крѣтитъ, *durpe* крѣщеніе, *duraj* крѣтитель. Это не очищенное Христіанствомъ понятіе, общее у Лужичанъ съ Готами, у насъ осталось въ языческомъ преданіи о купаль. Откуда же происходитъ наше крѣсть? Лингвистическія свидѣтельства удостовѣряютъ насъ, что это слово нѣкогда было общимъ между племенами европейскими: въ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ употребля-

*) Gabetentz et Loebe Ulfilas, II, 2, 139.

лось въ смыслъ креста: korgs, откуда korgsa крестить, знаменоватъ крестомъ; kryss, сходное съ польскимъ и въ летописяхъ попадающимся: крыжь. Даже на рунахъ находимъ krus, оставшееся въ ски. kross, шв. и дат. korgs, и проч. Отъ слова крѣсть въ О. Е. есть уже окрѣсть и окрѣстьныи; а въ припискѣ переписчика и „крѣстьяньскіи“, или христіанскіи: „на утѣшение мѣногамъ дшамъ крѣстьяньскамъ“. Уже въ древнѣйшемъ Христіанскомъ памятникѣ у Славянъ, въ Фрейз. ркпси читаемъ и criskeп—крещень, и Хр̄еп—Хр̄щень.)

(2. алтарь, др. нѣм. altari, котораго конечный мягкій звукъ i соответствуетъ нашему ъ; въ г. слово сложное: hunsla-staps, переводъ греческаго θυσια-στυριου, но съ намекомъ на языческій обрядъ: ибо состоитъ изъ staps мѣсто, и hunsl, первоначально жертва языческая, а потомъ Христіанское Таинство, и именно Причащеніе); агс. húsl, húsel; ски. húsl. Гриммъ не находитъ источника этому слову въ нѣмецкихъ нарѣчійхъ *). Если мы возьмемъ въ соображеніе слѣдующія славянскія слова, то родство этого готскаго слова съ славянскими окажется вѣроятнымъ. Луниц. gusslowasch колдовать, gusslowaŕ колдунъ; въ польскомъ gusła, сродное съ нашимъ гусли, значитъ колдовство: утрата носоваго звука въ польск. gusła, объясняется древнѣйшимъ употребленіемъ этого слова безъ носоваго звука, чему служатъ доказатель-

*) D. M. 35.

ствомъ агс. и скн. формы. Сначала рассмотримъ *hunsī* въ отношеніи лингвистическомъ, а потомъ обратимся къ свидетельствамъ историческимъ. — Звуки *l*, *л* служатъ образованіемъ словъ, для значенія орудія, какъ въ готскомъ, такъ и въ славянскомъ: *silla* отъ *sitan*, агс. *sētl* сѣдло, въ общемъ значеніи; *stols* столъ (*standan*, стоять). Какъ у насъ суффиксъ *сл* есть уже производный, напр. въ гусли отъ гуду, въ ясли отъ яд-, такъ и въ гот. *hunsī* (будто бы отъ *hinran* ловить, по Габ. и Лёбе.): здѣсь, въ отношеніи суфф. *л*, кстати сближеніе г. *skohsl* бѣсъ съ чешск. *kauzlo* колдовство; въ лужиц. производное *košlaŕ* колдунъ. Слѣдовательно, въ грамматическомъ отношеніи, нѣтъ препятствія сравнить гусли, гусли съ *hunsī*, *husl*. Въ готск. носовой звукъ *и* объясняется нашимъ *ж* въ гасли, гду. — Вотъ историческія доказательства сему сближенію: а) что гудба считалась языческимъ занятіемъ это видно вездѣ, гдѣ только наши благочестивые предки упоминаютъ о музыкѣ: Несторъ говоритъ: „сими дьявольстити, и другими нравы, всячьскими лестми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальми“ — Лавр. 73. Въ словѣ Христолюбца говорится: „не подобаеть крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти иже есть плясба, гудба, пѣсни бѣсовьскыя и жертва идолская.“ Опис. Рум. Муз. 229. Что музыка, по мнѣнію нашихъ предковъ имѣла силу чародѣйства, видно изъ слѣдующаго мѣста Ипат. сп. 15б: „молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поу-

хати зелья, именовъ евшанъ.“ Такое порученіе долженъ былъ исполнить *гудецъ*. Краледворская рукопись (Забой и Славой) свидѣтельствуесть, что Забой, древнеславянскій поэтъ, былъ вмѣстѣ и музыкантъ, и предводитель войска, и защитникъ боговъ : „пѣвца добра милуютъ боги“, говоритъ одно изрѣченіе, въ родѣ пословицы, въ томъ же произведеніи. б) какъ *гупа* значить: и пѣснь (по-фински), и нисъмо и мистерія, и символъ: такъ и *húsl* могло отъ значенія гудьбы перейти къ значенію жертвы и таинства. в) родство между другими готеск. и слав. словами, имѣющими смыслъ музыки и пляски, позволяетъ допустить и здѣсь сближеніе : первое слово: *пласати*, гот. *plinsjan*: „и въшьдъши дъщери ~~на~~ иродидяъ и пласавъши“, О. Е. Мк. 6, 22, у Ул. *jah atgaggandein inn dauhtr herodiadins jah plinsjandein*: всѣми признано, что это слово отъ Славянъ перешло къ Готамъ; другое же слово, вѣроятно, наоборотъ отъ Готевъ къ намъ, именно: *ликъ*, *χορός*, гот. *laiks*: „слыша пѣнія и лики, О. Е. Лук. 15, 25, у Ул. *gabausida saggvins jah laikans*. Гот. *laiks* имѣетъ при себѣ глаголь *laikan*, коему въ О. Е. соответствуетъ: *възигратиса*: „възиграса младенець radoщами въ чрѣвъ ~~иъ~~“, Лук. 1, 41. у Ул. *lailaik barn in qirau izos*. Гот. *laiks* переходитъ въ агс. *lâc* жертва, торжество, пляска; а сложное *siblâc* (жертва мира) означаетъ даже Св. Тайны; въ скн. *leika* играть, около чего бѣгать, плясать, шутить; *leikr* игра, шутка; и даже *leikregin* кудесникъ, чародѣй, фокусникъ; въ др. нѣм. смягчается въ *leih* игра, но также уже пѣсня и даже стихъ. И такъ нѣтъ со-

нижня, что слово *ликъ* въ переводъ Св. Писанія перешло изъ ивмецкихъ нарѣчій г) возможность славянскаго происхожденія слова *hunsł, hùsl* можетъ быть объяснена тѣмъ, что Славяне искони были самымъ музыкальнымъ народомъ: византійскіе писатели повѣствуютъ, что въ 590 году передъ Императора Маврикія были приведены три Славянина, отъ далекаго западнаго моря, имѣвшіе вмѣсто оружія гусли. Шафарикъ *) полагаетъ, что можетъ быть черезъ Славянъ греч. *βαρβιτον*,—бывшее у Чеховъ народнымъ инструментомъ *warito*, какъ свидѣтельствуесть Крам. рук. —перешло къ Нѣмцамъ въ формѣ *gotta, gota*, коимъ они переводили, какъ „*pomine barbarico*“ *psalterium*, въ IX в. Слѣдовательно вліяніе славянское могло и гораздо прежде содѣйствовать къ образованію *hunsł* и *hùsl*. Можетъ быть даже чешск. *варито* есть скр. *вѣдитра instrumentum musicum*, отъ *вад* говорить. Не отъ этого ли согласія въ языкѣ между музыкальнымъ инструментомъ и человѣческой рѣчью, произошло старинное объясненіе гуслей — языкомъ? Иоан. Екз. Бол. стр. 194. — Во всякомъ случаѣ славянскій переводъ Св. Писанія отстранилъ хотя и не чуждое Славянамъ, но языческое понятіе, и удовольствовался уже Христіанскимъ словомъ: алтарь.) Мужичское нарѣчіе намъ показываетъ, что древнѣйшее понятіе объ алтарѣ у Славянъ было сходно съ готскимъ: *to bože blido*

*) *Wybor z liter. cěsk.* стр. 1191.

значить по-лужицки Святое Причастіе, ja pojdu k' božem blidu пойду причащаться, пойду къ Св. Тайнамъ; blido значить столъ, слѣдовательно boze blido собственно значить алтарь, какъ и по-лит. die-wostalas, т. е. столъ бога, идти же причащаться prie diewstaliu eiti. — Лужицкое blido ведетъ свою исто-рію издалека: уже у Ул. biuds употребляется въ смыслъ стола, *тραπεза*, въ О. Е. ему соответствуетъ грецизмъ трапеза; въ законахъ салическихъ Фран-ковъ 46, 2, столъ называется hēudus или въ но-вѣйшей формѣ beodus: in beodum pultis manducas-ent. По-ски. biodr кругъ, тарелка, чаша: этимъ рас-пространяется уже значеніе слова biuds; агс. bēod и столъ, и чаша: что эти слова въ періодъ язычес-кій имѣли смыслъ алтаря видно изъ гот. biudan и агс. bēodan приносить жертву, молить, offerre. (От-сюда мы видимъ, что у Славянъ, именно въ лужиц-комъ нарѣчій, удержалось наидревнѣйшее для жер-твоприношенія слово, общее всѣмъ нѣмецкимъ пле-менамъ: въ переводъ же Св. Писанія оно войти ни-коимъ образомъ не могло; потому что между Славя-нами, задолго до Кирилла и Меѳодія исповѣдывав-шими Христіанскую вѣру, было въ употребленіи слово алтарь.)

3. цркви, църкы, *ἱερόν, ναός, ἐκκλησία*. Этимъ сло-вомъ еще до перевода Библии вытѣснены были языческія названія храма, такъ что требище и ка-пище употребляются въ Библии только въ смыслъ языческомъ, напр. Иерем. 8, 31, Посл. къ Коринѳ.

1, 8, 10, Исходъ 23, 24, Дѣян. Апост. 17, 23. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ народѣ могли употребляться древнѣйшія слова для понятій Христіанскихъ: такъ напр. изъ вопросовъ Кирика (Пам. Рос. Сл. XII в. 180, 182) видно, что въ Россіи въ XII в. вмѣсто церкви говорилось еще божница: тогда какъ въ послѣдствіи это слово употреблялось собственно для храма языческаго, или по крайней мѣрѣ для храма неправославнаго, въ противоположность церкви. (У Ул. нашей церкви соответствуютъ языческія: 1) alhs, Мат. 27, 5 въ цркви, in alh, ἐν τῷ ναῷ. 2) gud-hus, Ио. 18, 20 въ цркви, in gud-husa, ἐν τῷ ἱερῷ. Ко второму, Христіанскому періоду принадлежатъ у Ул. aikklesjo и переводъ этого слова: ga-mainps, т. е. gemeinde, соборъ. Однообразное же употребленіе церкви въ О. Е. указываетъ на чистоту и опредѣленность Христіанскаго понятія. Даже храмъ въ О. Е. не имѣетъ языческаго смысла, означая домъ, и потому употребляется болѣе въ формѣ: храмина: и у Ул. имъ соответствуютъ слова не мифологическаго значенія, а именно: 1) gazp, вообще домъ, Мат. 5, 15, въ храмѣ, in ramma gazpa, ἐν τῇ οἰκίᾳ 2) hrot, собственно кровля, Лук. 5, 19 възлѣзше на храмъ, ana hrot, ἐπὶ τὸ δῶμα; такъ что въ другомъ мѣстѣ О. Е. вмѣсто храмъ стоитъ кровль, именно Мат. 10, 27 повѣдите на кровль, ἐπὶ τῶν δωματίων, у Ул. также ana hrotam. 3) gards, т. е. градъ, огражденное мѣсто, какъ напр. въ Ипат. сп. 162: бѣ бо градъ створенъ на церкви. Мр. 2, 26 въ храмъ бжи и, in gard gups, εἰς τὸν οἶκον τοῦ

ἱερόν. Следовательно храмъ въ О. Е. значитъ: кровля, покрыва, закрытое, огражденное мѣсто, и можетъ быть сродно съ хранить, какъ кровля съ крыть. — И такъ право выражать Христіанское понятіе храма принадлежитъ исключительно церкви, слову, хотя происхожденія чуждаго, но глубоко вкоренившемуся уже въ употребленіе во время перевода Св. Писанія. Касательно происхожденія церкви два мнѣнія: одно, сближая это слово съ др. нѣм. kiricha, производитъ отъ *κίρκα*; другое, сближая съ агс. *cyrice*, откуда агл. church (слич. новгород. черкы), производитъ отъ лат. *circus*, коимъ означалась круглая, или поукруглая форма крестильницы и хора. Если даже примемъ первое общепризнанное мнѣніе, то и тогда должны будемъ допустить по-славянски латинскій выговоръ греческой *κ*, какъ *ц*; если же второе, то по-нѣмецки греческій выговоръ латинскаго *circus*, какъ это слово значитъ напр. у Гесихія: *κίρκος*, смотр. Meurs. Gloss. graecobarb. Таковой выговоръ по-латинъ остался еще въ двухъ слѣдующихъ словахъ:

4. какъ нѣмецкому *kiricha* соответствуетъ църкы, такъ и готескому *kaisar*—попадающіяся въ О. Е. цесарь, цесарствіе βασιλεύς и проч. Славяне прочли по-латинъ саesar, Готы по-гречески *καισαρ*. Что касается до слова кесарь, то оно имѣетъ болѣе ограниченное значеніе.

5. точно также по-гречески прочли Готы и латинское *acetum*, составивъ изъ него *akeit*, Славяне

же по-латинѣ: оцеть, или оцѣтъ, коимъ въ О. Е. переводится *ὄξος*. Что слово оцѣтъ, *acetum*, было употребительно въ устахъ славянскихъ переводчиковъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, Мр. 15, 23 оцѣтно вино (которое давали Христу при распятіи), *ἐσμυρμισμένον οἶνον*, т. е. вино настоенное травами, вино съ смиреною, какъ и перевелъ Ул.; *vein tîr smugna*: это вино, которое обыкновенно давали Римляне умирающимъ въ пытку для утоленія предсмертныхъ страданій, вѣроятно, было кислого вкусу, потому и названо оцѣтно: слѣдовательно наши переводчики перевели сознательно, словомъ, тогда употреблявшимся. Въ испр. же текстъ непонятный грецизмъ: *εσμυρμισμένο* вино.

6. рачица, *ῥαχιδάριον*, отъ лат. *arca*, въ чемъ свидетельствуетъ ульфилово *arca habaida*, въ О. Е. рачица имы. Ио, 12, 6. Что это слово ходило въ устахъ Славянъ видно изъ его уменьшительной формы, хотя въ чешск. отрывкѣ X в. и замѣняется оно своеземнымъ: *meski imaiä*, т. е. мѣшки имая, а въ испр. текстъ вмѣсто рачица ковчежець. Ул. же ковчегъ *κιβωτός* дѣйствительно переводитъ *arca*, Лук. 17; 27; въ О. Е. ковчегъ, Мат. 24, 38; слѣдовательно, рачица, рака и гот. *arca*, лат. *arca* одно и то же. Въ алфавитѣ XVII в. *арха* объясняется словомъ *киотъ*, и названо чешскимъ словомъ. Рум. Муз. 2. обыкновенная форма, рака, въ О. Е., хотя переводитъ *μνημείον*, но имѣетъ смыслъ Христіанскій, означая гробъ праведника: раки правдыны ихъ, *μνημεία τῶν δικαίων*, Мат. 23, 29.

7. въ О. Е. попадаетъ уже папежь : окончаніе -жь предполагаетъ звукъ s, что дѣйствительно мы и находимъ въ др. нѣм. XI в. bâbes, въ Boeth. de consol. Philos. johannem den bâbes ; и въ XII в. pābje, въ одной рѣмованой хроникѣ: эта форма произошла, вѣроятно, отъ византійскаго πάπας, πάππας. Объ этомъ словѣ есть свидѣтельство первой половины IX в., именно въ Walafrid. Strab. de reb. ecclesiast. 7,667, если только изданіе вѣрно, въ чемъ однако сомнѣваются: ab ipsis autem Graecis (theotisci acceperunt) kyrch a kyrios et Papst a Papa, quod cujusdam paternitatis nomen est, et clericorum congruit dignitati. Съ этимъ свидѣтельствомъ согласно наше попь. Здѣсь противъ Копитара можно замѣтить, что наше слово попадьа, согласное съ образованіемъ греческаго языка, находится въ византійскомъ, подъ формою παπαδιά, sacerdotissa, въ Meurs. Gloss. Graecobarb.: ἄρον, ἱερεῖαν, παπαδιάν.

Наконецъ самыя названія греческаго и латинскаго языка въ переводѣ Св. Писанія указываютъ ясно на то, откуда и какъ могли онѣ перейти къ Славянамъ; въ О. Е. Іо. 19, 20, греческій текстъ: καὶ ἦν γεγραμμένον ἑβραϊστὶ, ἑλληνιστὶ, ῥωμαϊστὶ, переведенъ такъ „и бѣ написано еврейскы грѣчскы. латиньскы.“ Отсюда видимъ, что Славянамъ, точно такъ какъ и Готамъ, Елмины извѣстны были подъ латинскимъ названіемъ graecus, грѣкъ, готск. kroks. Равномѣрно и „латиньскы“ указываетъ на вліяніе Римлянъ: такъ что оба эти нарѣчія соотвѣтствуютъ латинскимъ: graece,

latine: согласно съ нѣм. текстомъ IX в. Tatiani Harmonia Evangel.: inti uuas giscriban in ebraisgon, in crichisgon, inti in latinisgon: чего слѣдовало и ожидать, ибо отношенія Славянъ и Нѣмцевъ къ Риму и Византіи не могли во многомъ разниться до IX в. Другое мѣсто, именно Лук. 23, 38, въ О. Е. ближе къ греч. тексту: „книгами елиньскими и римскими.“ Здѣсь надобно замѣтить двѣ вещи: во первыхъ „римскіи“ не есть буквальный переводъ грго ρωμαϊκός, но самостоятельно произведено отъ Римъ, равно употребляющагося вмѣсто Roma и у западныхъ Славянъ, и у восточныхъ: измѣненіе о въ і указываетъ намъ на произношеніе того славянскаго племени, которое прежде другихъ познакомилось съ Римомъ. — Повторныхъ касательно слова „елиньскіи“ слѣдуетъ замѣтить, что собственно оно значить: язычскій, и „елини“ ἔλληνες въ О. Е. язычники, что видно напр. Ио. 12, 20, гдѣ этому слову въ чешск. отр. X в. соответствуетъ ropane, равно какъ и въ чешск. Ев. XIV в. ropanowe, а у Ульфилы riudo, т. е. язычники. Слѣдовательно „елины“ не было географическимъ названіемъ въ устахъ нашихъ переводчиковъ. Такимъ образомъ въ самомъ переводѣ Св. Писанія находимъ мы источникъ тому древне-русскому убѣжденію, что все елинское есть языческое: такъ въ правилѣ Митрополита Кирилла (XIII в.) мы читаемъ: „пакы же увѣдѣхомъ бесовская еще дѣржаще обычая треклятыхъ елинь, въ божественныя праздники позоры нѣкакы бесовскыя творити,“ Рус. Дост. 1, 114.

Примѣч. Точно также Самаряне О-а Е-я замѣняются въ чешск. Евангеліи XIV в. погаными: напр. въ О. Е.: „гдѣ а ѿму жена Самаряныни како ты иудей сы. отъ мене пити просиши жены самарянына смѣца не прикасаютьбоса иудей самарянехъ,“ Іо. 4, 9; въ чеш Ев. XIV в.: *tehdy wece jemu žena ona pohanka: kak ty když jsi Zid, pití ote mne potřebuješ, jež jsem ja žena pohanka? nebo neobciji Židové s pohany.*

4. СЛОВА, СОСТАВЛЯЮЩІЯ ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ДРЕВНѢЙШАГО ПЕРІОДА КЪ ХРИСТІАНСКОМУ.

(Кромѣ словъ заимствованныхъ, прямо получившихъ у Славянъ значеніе Христіанское) надобно обратить вниманіе на слова туземныя, столь утратившія свое прежнее нехристіанское употребленіе, что уже ихъ можно считать какъ бы принадлежащими вполне къ періоду Христіанскому. Исторія такихъ словъ будетъ заключаться въ изслѣдованіи ихъ древнѣйшаго значенія, до внесенія ихъ въ языкъ Св. Писанія.

1. слова, означающія молитву и поклоненіе. Въ Фрейз. рукописи еще встрѣчаемъ странное сочетаніе обрядовъ нехристіанскихъ съ идеями христіанскими. А именно: о питъ въ честь богамъ мы читаемъ у Гельмольда: *est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviiis et comotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationis, sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali.* По языческимъ нѣм. обычаямъ на празд-

нествахъ пили въ честь и память боговъ, что на-
 зывалось *minni*; по принятіи Христіанства *minni* бы-
 ла перенесена къ Христіанскимъ понятіямъ, и пили
Krists minni, Michaëls minni. Согласно съ этими язы-
 ческими обычаями, въ Фрейз. ркпси, въ смыслъ хри-
 стіанскомъ, говорится: *u circuvah. ich clanam ze i*
modlim ze im i zesti ich pigem i obeti nasse im ne-
zem o zcerasgenige telez nasich i dus nasich — въ
 църкѣвахъ ихъ кланяемьса и молимьса имъ и чести
 ихъ приемъ и обѣти наша имъ несемъ о съпасеніе
 тѣлесъ нашихъ и душъ нашихъ. Къ объясненію это-
 го мѣста нужно прибавить, что у языческихъ Сла-
 вянъ, какъ свидѣтельствуесть Крамедв. ркпсь, *obiesati*
obiet, paliti obiet—были обычными выраженіями для
 языческаго поклоненія, слѣдовательно „*obeti nasse*
im pezen“ имѣеть смыслъ также не собственно хри-
 стіанскій.—Уже въ О. Е. употребляющіяся: молитиса
τροτεύουσα, молитва *δέησις*, въ доисторическую эпоху
 были распространены не только между славянскими,
 но и нѣмецкими племенами. Какъ у западной отрасли
 Славянъ это слово, со вставкою *d* передъ *l*, звучить:
 молитисе, молитба, такъ и въ готѣск. переводѣ Би-
 бліи Ульфины *marljan* говорить, равно какъ и агс.
mādlan или *mādelian*: какъ у насъ молить является
 вариациею формы молить, такъ готѣское *marljan* пе-
 реходить въ салическихъ законахъ, писанныхъ на
 варварской латинѣ съ примѣсю словъ племени нѣ-
 мецкаго, въ форму: *mallare*—говорить въ собраніи, на
 площади. Впрочемъ древнѣйшая форма, судя по па-
 мятникамъ письменности, даже у юговосточн. Сла-

вянь: молитися, о чемъ свидѣтельствуеъ Фрейз.
 ркпсь: modlinze. У Нѣмцевъ это слово осталось съ
 понятіемъ юридическимъ, потому гот. *marl* значить
 собраніе, *forum*, и *faugamarpleis* ἀρχων; у Славянъ же
 оно осталось съ понятіемъ религіознымъ, отзываю-
 щимся преданіями миеологическими, что особенно
 видно изъ чешскаго *модла*, кажется, неправильно от-
 носимаго Юнгманомъ къ лат. *modella* *): въ этомъ
 чеш. словѣ даже соединяются оба значенія — и
 теперешнее славянское, и древнѣмецкое, и оба
 онѣ возводятся къ значенію миеологическому: ибо
модла значить: не только идолъ, но и храмъ, бож-
 ница, и даже, подобно гот - му *marl*, сборище: такъ
 въ одномъ др. чешск. Еван. Мат. 23, 6 in syna-
 gogis переводится: v modlách, въ О. Е. на събори-
 щихъ; въ томъ же чешск. Ев. ἀρχιτομαγωρος пере-
 водится: starosta tey modly, а у Ул. *fauga-marpleis*,
 т. е. предсѣдатель собранія: следовательно *модла*=
marl. Отсюда заключаемъ, что *молитися*, означая об-
 щее понятіе говорить, ведетъ свое начало отъ пе-
 ріода миеологическаго, стоитъ въ связи съ славян-
 скими идолами, и съ древнѣмецкимъ понятіемъ о
 судѣ и сборищѣ, съ понятіемъ, сохранившимся частію
 и у Славянъ. Если мы захотимъ это слово возвести
 къ періоду языка скр., то можемъ взять въ сообра-
 женіе мнѣніе Бюппа (въ скр. Глос.), который наше

*) Мнѣнія Юнгмана держится Срезневскій, см. Святлища
 и обряды язык. богосл. древн. Слав. стр. 56. Мы раз-
 виваемъ намекъ Шафарика, въ *Slow. Starož.* стр. 262.

M / молить слычатъ съ скр. мантр говорить, собственно говорить втайнѣ, отъ сущ. мантра (ман мню, суф. тра) — совѣтъ, гимнъ, священная пѣснь. — Языковѣденіе приводитъ насъ къ догадкѣ даже о первоначальной формѣ молитвы: въ О. Е. Іо. 4, 20—24 кланятиса и поклонятиса соответствуютъ въ чешск. текстѣ XIV в. слову *modlitisě*, *proskhneiv*. Согласно съ этимъ Крам. рук. для языческой молитвы употребляетъ не только: *se bití w c'elo*, но и: *se klanieti*; Гельмольдъ скрѣпляетъ намъ свидетельство языка, говоря о языческой молитвѣ: *pronis vultibus adorare*. Даже у Нестора встрѣчаемъ еще кланяться вмѣсто молиться: „и единою, по обычаю, наставшию вечеру, поча кланятиса, поя псалмы, оли и до полунощья“, Лавр. стр. 82.

2. Богъ, Спаситель и другія лица Христіанскаго поклоненія. Богъ имѣетъ ближайшую форму въ скр. бага часть, счастье, блаженство, отъ глагола: бадж дѣлать; отъ скр. бага происходитъ багават блаженный, точно такъ, какъ отъ богъ—богачъ, у-богъ, лит. *pa bagas* бѣдный, луж. *pa bogi* умершій, почившій. Какъ счастье, участь происходятъ отъ часть, такъ и бага отъ бадж; а богачъ къ богу стоитъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ лат. *dives* къ *divus, deus* *). Понятіе о богатствѣ и обиліи, заключающееся въ словѣ богъ, Нѣмцы возстановляли себѣ эпическою

*) Слич. С. П. Шевырева Истор. русск. слов. выпускъ 1. стр. 98.

формою : riki god, ríche got. Самое замѣчательное употребленіе слова богъ въ языческомъ смыслѣ находимъ въ сербск. пѣсняхъ, гдѣ онъ называется *старымъ кровникомъ*: од бога од старог крвника, Вук. 2,440. Можетъ быть въ этомъ языческомъ представленіи заключается причина названіямъ многихъ болѣзней отъ *богъ*: богине оспа, божій бычь, божа мощь надучая болѣзнь, божа рука ударъ, божа рана чума, божіе обморокъ.—Въ О. Е. уже отличается господь *κύριος* отъ господинъ *οἰκοδεσπότης*; въ Фрейз. ркиси : *nas gozbod zneti sruz* нашъ господь свѣтлыи крисусть. Суффиксъ инъ въ: господинъ, даетъ слову смыслъ нѣкоторой зависимости или отношенія: какъ напр. *модинъ* одинъ изъ людей: въ нѣм. и роман. нарѣчіяхъ наоборотъ: только полная форма: *hēgīro, hēggo, domīnus, domnus*—означаетъ Господа Бога, а сокращенная *her, don*—никогда. — Спасъ для означенія Христа употребляется уже въ О. Е. : „яко есть вѣстиникъ съспасъ миру Христусть, *ὅτι οὗτός ἐστιν ἀληθῆς ὁ σωτῆρ τοῦ κόσμου, ὁ Χριστός*, Ио. 4,42. Даже въ Фрейз. ркиси уже *zrasitel*: необходимость окончанія -тель произошла отъ употребленія *съспасъ* въ значеніи *σωτήρια*. По свидетельству Краледв. ркиси древніе Славяне своихъ боговъ называли уже спасами : „*i tamo bohóm spasám dát mnostwíe obětí*“ (Zab. a Slaw.) —Древнѣйшія названія для Ангела, Апостоловъ и Святыхъ находимъ въ Фрейз. ркиси, которая въ исторіи славянскаго языка особенно важна, предлагая переходъ отъ христіанскихъ понятій, еще неустановившихся въ языкѣ, къ опредѣленному и твердому пе-

реданію Слова Божія въ языкѣ перевода Св. Писанія. Эти названія суть: *uizem crilatcem bosiem* — вѣсьмъ крилатцемъ божиемъ, т. е. ангеламъ; *uzem zelom bosiem* — вѣсьмъ съломъ божиемъ, т. е. апостоламъ; *uzeh bosih zil* — вѣсьхъ божихъ сълъ, т. е. апостоловъ; *uzeh Б токи* — вѣсьхъ божихъ мощи, т. е. силъ, или угодниковъ божихъ, властей. Итакъ въ этой ркиси находимъ древнѣйшее употребленіе мощей (*reliquiae*), слова, внесеннаго уже и въ календарь О-а Е-я: възвращенія мощи: 263, в; обрътене мощемъ, 280, г. Согласно съ Фрейз. ркисью др. нѣм. памятники апостола и ангела переводятъ: *gotes botoa* апостолы, *metpotin* ангелы, *furstpoten* архангелы *).

3. понятія о святости, Христіанскомъ законѣ и Св. Тайнахъ. Понятіе о святости относится къ древнѣйшимъ, доисторическимъ временамъ, равно какъ и происхожденіе самаго слова. Мы находимъ его уже въ знд., подъ формою: спѣнта превосходный: знд. *л* соответствуетъ скр.-му и слав.-му *в*: напр. знд. *спа-ѣта*, скр. *свѣта* бѣлый, наше *свѣтъ*. Следственно знд. *спѣнта*, по замѣчанію Бюрнуфа **), въ Санскритѣ было бы: *сванта*; но такого слова въ немъ не находимъ: оно является въ нашемъ: *святый*, по древнѣй-

*) R. Raumer, die einwirkung d. Christenth. auf d. althochd. spr. 1845, стр. 293, 365, 366, 379.

**) Commentaire sur le Yaçna, 1835.

шему въ О. Е. начертанію : святѣи , ἅγιος , откуда :
 свѣщаѣса ἁγίαζω. Въ др. чеш. исповѣди XIII в. Таинства называются : swatosty : wsedmerzye swatosty czyerkwe swate—in septem sacramentis ecclesiae sanctae; то же понятіе святости вошло въ названіе Христіанскаго таинства и въ др. нѣм. языкѣ ; такъ въ X вѣкѣ находимъ : diu heilichtuom mines lichamin unde bluotes, Notker , ps. 21 , 26. — Законъ въ О. Е. употребляется въ смыслѣ νόμος : таково древнѣйшее и собственное значеніе этого слова , сколько можемъ судить по памятникамъ писменности : Чехи рѣшали правду „ро засону uecosiznih bgou“— по закону вѣкожизныхъ боговъ , какъ свидѣтельствуеть Судъ Любуши. Несторъ говоритъ о Славянахъ : „имяху бо обычаи свои , и законъ отецъ своихъ и преданья , каждо свой нравъ,“ Лавр. 6. Въ этомъ смыслѣ извѣстенъ былъ законъ Константину Багрянородному , подѣ формою γάλακτος , de adm. imp. глав. 8 и 38. Для исторіи языка любопытно производное : законникъ , которое въ древнѣйшихъ памятникахъ употребляется въ двухъ противоположныхъ значеніяхъ : 1) въ значеніи формальнаго исполнителя закона Іудейскаго въ противоположность послѣдователямъ живоначальнаго ученія Христа; такъ употребляется законникъ въ О. Е. „въ врѣмя оно законникъ нѣкыи приде къ иїсови“ τῷ χαρῶ ἐκείνω νομικός τις προσήλθεν τῷ ἰησοῦ; у Ул. vitoda-fasteis, Лук. 10, 25 , отъ fastan держать крѣпко , и vitop собственно testamentum , отъ vitan знать и veitan видѣть , какъ у насъ свѣдѣтельство и свидѣтельство.

2) въ значеніи христiянина, исполняющаго весь предписанiя Евангелiя и Церкви: въ Фрейз. ркпси: useh B zasoppic wьstьxъ божиньxъ законьникъ : въ основании такого значенiя лежитъ законъ въ смыслъ Христiянства, и особенно въ смыслъ Св. Таинъ Причастiя, сохранившемся и досель въ сrb.: ајдемо на закон. данас сам узео закон. Др. нѣм. исповѣди IX и X в. также употребляютъ wizzod lex въ значенiи sacramentum: then heilagon wizzod ni erita—sacrum sacramentum поп honogavi. Въ томъ же значенiи употреблялось и право, что видно изъ ниж. луж. horschajasch, horschajany, horschajane, въ значенiи причащенiя больнѣихъ.

4. праздниства и время для подвиговъ благочестiя христiянскаго. Нѣтъ сомнѣнiя, что время праздное и недѣля, не выражая понятiя собственно христiянскаго, ведутъ свое происхожденiе отъ временъ дохристiянскихъ. Въ О. Е. *ἐορτή* переводится не только словомъ : праздникъ, но и описательно: „на всакъ же днь великъ“ *κατὰ δὲ ἐορτήν*, Мат. 27, 15; впрочемъ и въ текстѣ читаемъ: *ἦν γὰρ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνου τοῦ σαββάτου*, бѣ бо великъ днь томъ саботы, Ио. 19. 31. Однако свободное употребленiе этого описанiя въ слав. переводѣ заставляетъ предполагать, что оно принадлежитъ намъ : такъ въ др. чеш. Еван. XIV в. : *před šesti dnów weliké noci*—вмѣсто Остромирова: „прѣжде шесті днии пасхы“ Ио. 12, 1. Праздникъ по-сrb. год, откуда верх. луж. hody, ниж. луж. gódy праздникъ Рождества Хри-

стова; Сербы же называютъ его божить, т. е. божичь.—Слово постъ обыкновенно производять отъ гот. *fastan* *vr̥stebain*, въ О. Е. поститиса: но мы не имѣемъ къ тому никакихъ лингвистическихъ данныхъ: можемъ заключить только, что это слово и между Славянами, и между Нѣмцами получило самостоятельную вокализацию, и осталось отдѣльнымъ, не будучи окружено родственными словами: гот. *fastan*, аге. смущастъ *a* въ *ae*: *faestēn*; Остромирово постъ, др. чеш. удлиняеть. *o do io*: *puost*, откуда нов. чеш. *půst*; ниж. луж. являетъ замѣчательную перестановку согласныхъ: *vro*; лит. языкъ по собственной своей организаціи измѣняетъ славянское *o* въ *a*: *rasnikáuju*—пощусь. Такъ какъ почти всѣ важнѣйшія понятія благочестія и ученія христіанскаго образовались въ слав. языкъ, независимо отъ Готтовъ: то нѣтъ причины дѣлать исключеніе для слова, означающаго столь существенный обрядъ, вмѣняемый въ необходимую обязанность христіанину.

5. адъ. Сами Нѣмцы *) снисходительнѣе Копитара къ нашему пеклу, столь распространившемуся между всеми славянскими нарѣчіями и даже въ Литвѣ и въ древ. прус. языкѣ: въ священномъ языкѣ славянскомъ употребляется не только пекло, но и пьцьль **), серб. *пакао*, чеш. *peklo*, слов. *pekel*, пол.

*) Grimm, D. M. 765.

**) Miklosich, Radic. linguae slov. 119.

pieklo, лит. réklà, др. прус. picullis. Гриммъ объясняетъ вліяніемъ славянскаго языка не только мадьяр. rokol адъ, но и новогреч. πίσσα адъ. Пекло означаетъ первоначально смолу, потому у люнеб. Вендовъ адъ называется smela; а потомъ пекло адъ въ смыслъ христіанскомъ, исполненный смраду и горящей смолы: слѣдовательно это слово должно причислить къ древнѣйшимъ христіанскимъ; и у Литовцевъ, собственно по христіанскимъ понятіямъ, чортъ ruculas, др. прус. piculs; другое же лит. названіе чорта wéluas—перенесено отъ языческаго божества къ христіанскому понятію. Хотя въ древ. нѣм. памятникахъ bēh (rix) и употребляется въ смыслъ ада: in dem besche, diu reschwelle; однако это названіе не болѣе, какъ случайное и не столь распространенное, какъ пекло. Собственно же нѣм. слово для ада идетъ еще отъ самаго Улф.: halja, производимое отъ helan скрывать.

5. НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ И ОБРАЗОВАННОСТИ, ОПРЕДѢЛЯЕМОЕ ВЪ ЯЗЫКѢ ГОТСКАГО ПЕРЕВОДА БИБЛИИ.

Исповѣданіемъ христіанской вѣры предполагается знаніе грамоты; и если между Славянами задолго до Кирилла и Меѳодія распространилось уже Христіанство, то безъ сомнѣнія извѣстна была и грамотность: „кръстившежеса, римскими и гръчьскими писмены наждаахъса“, говоритъ Черноризецъ Храбрь о Славянахъ до изобрѣтенія славянскаго азбуки. Древнѣйшее названіе для знающаго грамоту было: бу-

каръ, употребляемое тѣмъ же черноризцемъ: „аще ли въпросиши словенскыа букаръ, гла: кто вы писмена створилъ есть, или книги прѣложилъ? то вьси вѣдать.“ Слово букаръ употреблено уже у Ул. въ формѣ: bokareis, для перевода гр-го γραμματεὺς, коему въ О. Е. соответствуетъ кнѣжъникъ, отъ слова: кнѣги, употребляемаго въ О. Е. только во множественномъ числѣ, и означающаго не только βιβλος, βιβλίον, но и γραφή, γραμματά: точно такъ и гот. boka имѣетъ смыслъ и того и другаго, и только во множ. числѣ — bokos — означаетъ книгу.

Другое слово, совершенно сходное по образованію съ букаръ, bokareis, но имѣющее значеніе грамотника судебнаго, подъячаго, мздоимца, также одинаково и у Славянъ, и у Готѣвъ. Именно: мытарь, τελώνης, у Ул. motareis; мытъница, τελώνιον, у Ул. mota, которому по формѣ соответствуетъ наше мыто, въ памятникахъ юридическихъ, но оно отсутствуетъ въ О. Е. Мытарь неоднократно въ О. Е. замѣняется словомъ мздоимецъ, которому у Ул. всегда отвѣтствуетъ только motareis, напр. Лук. 5, 27 „и оузъръ мздоимца именемъ леуиѣхъ сѣдаща на мытъници,“ у Ул. gasaw motari namin laivvi sitandan ana motastada. Отсюда ясно видимъ, что мѣсто или домъ, гдѣ собиралась пошлина, неизмѣнно назывались именемъ, происходящимъ отъ мыто, самъ же собиратель пошлинъ, кромѣ оффиціальнаго названія: мытарь, имѣлъ и другое, мздоимецъ, отъ слова мзда, которое въ О. Е., равно какъ и у Ул. mizdo, стоитъ тамъ, гдѣ въ

гр. текстъ *μισθός*, въ смыслъ *merces*, напр. *Ματ. 20, 8* „призови дѣлателей. и дай имъ мзда“, *καλέσον τοὺς ἐργάτας, καὶ ἀπόδος αὐτοῖς τὸν μισθὸν*, — и въ смыслъ *praemium*: *Ματ. 5, 46* „аще бо любите любящамъ вы, какъ мзда имаате“, *τίνα μισθὸν ἔχετε, ὡς οὗτοι οὐκ ἀγαποῦσιν ἡμᾶς, ὡς οὗτοι ἀγαποῦσιν ἡμᾶς*. Готское *mizdo* вовсе не имѣетъ отъ себя производныхъ, следовательно менѣе вкоренилось въ языкъ; въ *О. Е.* кромѣ *мздоимца*, коимъ переведено *τελώνης*, встрѣчается *безмздынникомъ*, что по-греч. отъ инаго корня: *τῶν ἀναργύρων*. Собирателя юшлинъ не только въ *Иудей*, но и въ другихъ областяхъ, находившихся подъ вліяніемъ Римской имперіи, были въ пренебреженіи, и имя ихъ переходило въ бранное, какъ теперь у насъ *ябедникъ*. Потому не удивительно, что *Ματ. 5, 46* *τελώναι*, въ *О. Е.* *мытари*, *Ул.* переводить презрительнымъ наименованіемъ: *frudo* — *язычники*. — Мытарь первоначально не было названіемъ унижительнымъ, что видно изъ *Рус. Пр.*: „вывести послухы либо мытника“, — или: „выведеть свобода мужа два или мытника.“

Наконецъ столь извѣстное въ средніе вѣка славянское титуло *жупанъ*, записанное *Византійцами* — *Константиномъ Багрянороднымъ*, *Аннью Комниною* и друг. (смотри у *Дюканжа*), — отъ юга къ сѣверу достигшее до *Литвы* и древ. *Прусовъ*, въ формахъ *žurroné, surúni*, для означенія женщины, госпожи, — было извѣстно и *Готамъ* *) въ смыслъ челоуѣка

*) Предисловіе *Гримма* къ *Вуковой серб. грам.*, 1824, стр. II.

знающаго, избраннаго, лучшаго: греч. μαθητής, ученикъ, Ул. переводитъ именно этимъ словомъ: *šipō-
peis*; которое совершенно необъяснимо въ нѣм. нарѣчїяхъ, мимо славянскаго жупана.

6. ИСТОРИЯ ПОНЯТІЙ СЕМЕЙНЫХЪ ВЪ ЯЗЫКЪ

Въ отношеніи семейной жизни слѣдуетъ рѣшить вопросъ особенной важности о томъ, какое вліяніе произвелъ переводъ Св. Писанія на понятія о жизни семейной. Были ли онъ и до того времени достаточно уже чисты, или же переводчикамъ предстоялъ трудъ, весьма тяжелый, облагородить ихъ, примѣняя къ языку Евангелія, для того, чтобы не нарушить святости Слова Божія нечистыми намеками на древнеславянскіе обряды?

Языкъ нашъ свидѣтельствуетъ, что Славяне преимущественно передъ всеми индоевропейскими народами въ большей чистотѣ сохранили древнѣйшія названія семейныхъ отношеній и членовъ семейства: такъ что славянскія слова, означающія эти понятія, по прямой линіи ведутъ свою исторію отъ Санскрита, и стоятъ въ самомъ близкомъ къ нему отношеніи. Первобытная жизнь, въ языкъ выражаемая, столь далека отъ порчи нравовъ, возникающей вмѣстѣ съ развитіемъ общества, что семейныя понятія мало подверглись въ славянскомъ языкѣ перевороту отъ внесенія въ него идей христіанскихъ. Конечно, язычество вошло во многіе обряды семейные: но

Христiянство, какъ скоро проникло къ Славянамъ, еще во времена доисторическiя уже изгнало изъ языка перевода Св. Писанiя все, что въ понятiяхъ семейныхъ оскорбляло Христiянскiя идеи. Нѣмецкiе переводчики Св. Писанiя поступали иначе: Христiянскiя понятiя о семействѣ часто передавали они такими словами, которыя во всей яркости живописали языческой обрядъ. А такъ какъ эти обряды были общими и у Нѣмцевъ, и у Славянъ, то для исторiи славянскаго языка, въ отношенiи къ понятiямъ семейнымъ, нѣмецкiе переводы Св. Писанiя предлагаютъ немаловажный источникъ.

Обратимся къ самымъ фактамъ.

1. женихъ, *uicior*, стоитъ въ родствѣ съ женою, отъ скр. джан роджать, откуда джана мужъ, джану жена. Нашему жениху собственно соответствуетъ скр. джанака родитель. Что понятiя мужа и родителя могли совпадать, свидѣтельствуетъ гот. *aba*, перешедшее въ скн. *afi*, собственно *avus*, а прежде и отецъ, сродно съ скн. *afi gobur*, *afia posse*, *gignere*, др. с. *abal—vis*. Какъ скр-му джану и нашему женою соответствуетъ гот. *quens*, такъ и скр-му джанака родитель, или рождающiй, — др. нѣм. *cuping*, наше князь: а князь имѣетъ значенiе у насъ не только господина вообще, но даже и новобрачнаго, или жениха: такъ подъ 1548 г. въ Акт. Арх. 1, 210 значитсѣ: „а промежъ себя въ нашихъ волосткахъ понимаютсѣ, и приказщику взяти на князь и на

княгинѣ алтынъ ; а приведутъ кто изъ за волости въ наши волости , или въ слободку , и приказщику взяти со князя и со княгини четыре денги московская. (Въ народномъ языкѣ на Руси и доселѣ женихъ и невѣста называется княземъ и княгинею. Понятіе , переданное переводомъ Ульфила , носитъ на себѣ слѣды грубаго обычая : женихъ по-гот. brūfars, т. е. господинъ (fars) невѣсты.)

2. это понятіе готскаго слова оправдывается и другими, стоящими съ нимъ въ связи : Лук. 1, 27 къ двѣи обрченѣ мжжеви, у Ул; *du maraſai in fragibtim abin*, τὸς καρθενον μεμνηστευμένην ἀνδρὶ. Что греческое *μεμνηστευμένη* не имѣетъ смысла христіанскаго обрученія, свидѣтельствуеетъ самъ Гомеръ, употребляющій *μνηστειώ*, *μνηστὸς* и др. того же корня слова, въ коихъ нѣтъ и намека на порученіе или обрученіе: значить, это последнее слово, столь удачно выражающее мысль, принадлежитъ Славянамъ, и поелику оно не грецизмъ, можемъ думать, что оно уже употреблялось и до перевода Св. Писанія. Еще у Индійцевъ бракъ назывался пāни-граганам (въ зак. Ману), отъ пāни рука и граг—братъ, принимать: слѣдовательно наше обрученіе. Слич. обычай рукобитія при договорахъ. Готы и Нѣмцы удержали въ переводѣ Св. Писанія древній обрядъ: гот. *fragift, fragibt*, имѣющее при себѣ глаголъ *fragiban* дарить, передавать,—соединено съ понятіемъ полной, рабской зависимости жены отъ мужа, и напоминаетъ продажу невѣсты, обычай, существовавшій и у Славянъ ;

но не вошедший, вмѣстѣ съ словомъ, въ переводъ Св. Писанія: — Столь же нечистое понятіе встрѣчаемъ и въ др. нѣм. переводъ Евангелія: такъ въ Tatianі Harmonia Evang. IX в., вышеозначенное мѣсто Лук. 1, 27 передано такъ: thionun gimahaltero gotmanne. Gimahaltero причастіе отъ mahaljan, gamahaljan *spondere, desponsare, dotare*, а это слово происходитъ отъ mahal forum, concio *): отсюда видно, что, по древнимъ обычаямъ, обрученіе было совершаемо общественно, міромъ: потому обрученные или новобрачные въ др. нѣм. законахъ называются gamahali, т. е. confabulati (слич. нашъ стговоръ). Нѣмецкія понятія о сборищѣ и совѣщаніи жениха и невѣсты совершенно объясняютъ слѣдующее мѣсто Нестора о языческихъ Славянахъ: „схожася на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщаеся“ Лавр. сп. 6. Сходбища и совѣщанія язычниковъ-Славянъ совершенно выражаются нѣмецкими mahal и gamahali, откуда въ послѣдствіи образовались vermählen, gemah!, gemahlin. Сей часъ увидимъ и славянское умыканіе невѣсты въ древнѣйшемъ нѣмецкомъ переводѣ Евангелія.

3. бракъ, γάμος. Весьма вѣроятно еближеніе этого слова съ глаголомъ братъ, и въ умѣ, и на языкѣ Славянъ: ибо сродство словъ приводится до нѣкотораго

*) Grimm, D. R. A. 433.

сознанія употребленіемъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что только отвлеченное понятіе глагола брать ни коимъ образомъ не могло развитъ существеннаго смысла слова бракъ. Отъ глагола брать, скр. бѣри поддерживать, питать, образуется скр. барья жена, собственно: *поддерживаемая, взятая*: слѣдовательно наше слово бракъ, происходитъ отъ бѣри, стоитъ въ связи съ барья жена, какъ женитьба, по-лужицки просто жей,—съ жена. Кроме того бракъ могъ стоять въ связи и съ скр. бартри мужъ, собственно *поддерживающей, несущій*. Съ этимъ производствомъ согласуется римскій символъ *переносить умыкаемыхъ* невестъ черезъ порогъ жилища жениха: то, что по-скр. и по-славянски выражено названіемъ, у Римлянъ сохранилось въ обычаѣ, вѣроятно не чуждомъ славянскому умыканію. Обративъ вниманіе на нѣмецкій переводъ, мы опять увидимъ народный обычай, во всей яркости вошедшій въ Св. Писаніе: въ др. нѣм. Евангеліи VIII в. бракъ переводится bruthlauff, Mat. 22, 2., т. е. быстрое удаленіе, побѣгъ жениха съ невестою, т. е. славянское *умыканіе*. Несторъ говорить о Древлянахъ: „брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды (вар. вводы) дѣвцица,“ Лавр. 6.— Несторъ очевидно противопоставляетъ христіанское слово бракъ языческому обряду. Позднѣйшій летописецъ (XVIII в.) такъ объясняетъ это мѣсто: „брака у нихъ нѣтъ: воровски на коняхъ подъѣзжаютъ къ другимъ жилищамъ и гдѣ увидятъ у воды девиць или женъ молодыхъ: то оныхъ увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними.“ Рум. Муз. 357. Водить невестъ

къ водѣ—былъ старинный языческой обычай, не вышедшій еще изъ употребленія при Митрополитѣ Кириллѣ, который такъ говоритъ противъ него: „впредѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ кводѣ и нынѣ не велимъ тому такъ быти или то проклинати повелѣваемъ.“ Рум. Муз. 321. Обрядъ умыканія могъ сопровождаться нѣкоторыми религіозными обычаями, ибо у воды молились точно также, какъ и подѣ деревьями: церковный законъ осуждаетъ того „кто молится у воды или подѣ рощеніемъ,“ Рум. Муз. 328. Остаткомъ этого поклоненія водѣ при умыканіи невѣствъ должно почестъ эстонскій обычай, по которому молодая бросаетъ въ колодезь даръ или жертву, вѣроятно, благодарственную. Преданіе о водѣ при бракосочетаніи идетъ издавна: еще въ Индіи невѣсту кропили водою, и она должна была касаться воды и огня. Римляне *) уводили невѣствъ не только съ факелами, но и съ освященной водою, въ знакъ того, что невѣста вступаетъ въ домъ мужа *casta pugaque*. Въ южной Галліи „*virgo quum jubetur a patre aquam porrigere ei, quem virum eligeret*“,—Justin. XLIII, 3, 11. *Zuato-cudna uoda*, невѣствъ съ *plamen praudozuesten*, употребляющаяся символомъ очищенія въ Судѣ Любуши, происходитъ отъ *cud* чистота, *cúdití* очищать, откуда *cudař* судья. Слѣдовательно употребленіе воды на бракъ, кромѣ религіознаго значенія, могло имѣть и юридическое.

*) Klausen, Aeneas v. d. penat. стр. 626.

4. понятие о побѣгѣ, выраженное въ др. нѣм. *bruthlauff*, сохранилось въ О. Е. въ словѣ *потъ-бѣ-га*: „женаса *потъбѣгож*“, въ исправленномъ текстѣ ближе къ гречес.: пущеницею, *λελυμένην*. Различное писанье этого слова въ разныхъ рукописяхъ указываетъ на древнѣйшее его употребленіе: въ *Glag. Cloz.* *потъпѣга*, въ русскихъ текстахъ *подъбѣга*: измѣненіе *б* въ *п* послѣ *т*, и измѣненіе *т* въ *д* передъ *б*—произошли отъ ассимиляціи звуковъ и нисколько не могутъ ввести въ сомнѣніе, что *потъбѣга* не первоначальная форма этого слова. Для объясненія его обратимся къ скр-му *пунсчалѣ*, *meretrix*, которое подобно нашему *потъбѣга*, состоитъ изъ двухъ словъ: *пунс мужъ*, *самецъ* и *чала идущій*, *двигающійся*: и такъ первая часть слова *потъбѣга* — *потъ* должно означать господина, мужа: и дѣйствительно скр. *пати dominus*, *зен. пантис*, *лит. rats* (*самъ*, *мужъ*, *самецъ*), *ratti* (*сама*, *жена*), *гот. fars*, въ сложныхъ *bruf-fars* *господинъ невесты*, *supagoga - fars* *начальникъ синагоги*. — Касательно же послѣдняго члена въ словѣ *потъбѣга* именно: *бѣга*, надобно замѣтить, что объясненіемъ ему служить, кромѣ намека въ др. н. *bruthlauff*, чешское *běhlá* и *běhpa meretrix*: но такъ какъ языкъ мало по малу теряетъ доисторическіе слѣды родства своего съ языками древнѣйшими, и болѣе и болѣе образуется по собственному организму, то санскрито-славянское *потъ* весьма естественно могло уступить мѣсто *предлогу подъ*, чему способствовали даже сами звуки посредствомъ ассимиляціи: такимъ образомъ состави-

лось чешск. *podběhnauti violare*, прямо отъ чешск. *podbyeba*, приводимаго въ словарь *Vhmr.* и *Rozk.* Если это слово претерпѣло столько измѣненій въ своемъ историческомъ развитіи, то нимаю не удивительно, что филологи недоумѣвали при его объясненіи, точно также, какъ противорѣчили и рукописи въ его начертаніи. Вотъ что говорить Копитаръ: „*ita 'ut nescias, an sit a потепѣа, quasi потепѣага russicē, i. e. pulsa, vagatrix; an подьбѣга quasi per-fuga а подьбѣгу; an denique а подьпѣга quasi sub-variegata; quae nempe fortasse per legem quandam Slavis propriam in poenam male servati conjugii vestis partem inferiorem variam debebat gestare? Quid tandem quarta scriptio потьбѣга? quam bis habet Ostromiri cod.*“ *) Именно съ послѣдняго, какъ древнѣйшаго начертанія этого слова и слѣдовало бы начать.

Примѣч. Слова такого значенія могли принадлежать къ древнѣйшему періоду образованія языка. Приведемъ здѣсь одно древнечешское слово: *ženyma concubina*, откуда *ženimcic spurius, ženimes concubiniarius*. Оно образовалось изъ жена и суф.-има, соответственное коему находимъ скр. указательное мѣстоимѣніе *има*: какъ тезка происходитъ отъ мѣстоимѣнія тез, такъ и лат. *imitor, imago* весьма остроумно производить Боппъ отъ скр. мѣстоимѣнія *има*, слѣдовательно эти лат. слова имѣютъ смыслъ: тоже дѣлаю, тоже являющее. Павскій **) справед-

*) *Glagol. Cloz.* предисловіе, стр. VIII.

**) *Филолог. наблюд.* 2, 140—141.

ливо замѣчаетъ, что слогъ *имъ* придаетъ слову значеніе сходства: отчимъ заступающій мѣсто отца, побратимъ подобный брату, нелюдимъ не сближающійся съ людьми, сладимый близкій къ сладкому; но онъ отказывается объяснить этотъ слогъ, и даже склоняется къ тому мнѣнію, будто бы и въ словѣ отчимъ м образовалось изъ предыханія *в*, или *х*, т. е. отчимъ вмѣсто отчивъ или отчухъ. Но такое объясненіе не подкрѣпляется историческими фактами: въ Рус. Правдѣ встрѣчаются уже не только отчимъ, отчимъ, очимъ, но даже иночимъ, иноотчимъ, съ прилагательнымъ иночимль. Следовательно въ др. чешск. *женима* нѣтъ препятствія видѣть остатокъ скр-го мѣстоименія: потому *женима* значитъ походящая на жену, замѣняющая жену.

5. невѣста, *věšť*, кромѣ собственнаго значенія имѣеть въ Евангеліи смыслъ снохи, невѣстки: „невѣсту на свекровь свою,“ Tatian. Harm. Evang. *snur uuidar ira suigar*, Mat. 10, 35. а *snur*, лат. *nurus*, сноха—объясняется скр-мъ *снуща*, которое можетъ быть произведено отъ *суну*—сынъ: *суну-шья*, какъ бы прилагательная форма отъ род. падежа: следовательно значить: сыновняя, т. е. жена *): въ древнемъ языкѣ, подобно невѣстѣ, сноха имѣеть болѣе общій смыслъ: „стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ,“ говорить Несторъ, Лавр. 6. Именно въ этомъ болѣе об-

*) Höfer, Beitr. z. Etymologie, 1839 стр. 393.

щемъ значеніи и заключается настоящій смыслъ не-
 вѣсты. Въ чешск. языкѣ невѣста значить не только
 sponsa, но и pignus, а невѣстка pueratrix; точно так-
 же какъ наша золовка переходитъ въ др. нѣм. въ
 gella (слич. лат. glos) — concubina, мужская форма
 коего gellof (levir) *). Въ чешск. невѣста соответ-
 ствуетъ зютю: zeť a newesta, по Юнгману: schwieger-
 kinder: точно такое же соответствіе встрѣчаемъ и у
 Нестора: „не хожаше зять по невѣсту“, т. е. женихъ
 за невѣстой; Лавр. 6. Отсюда видно, что подъ не-
 вѣстою наши предки разумѣли не только обручен-
 ную, но и жену вообще: такъ и Памв. Берынд. объ-
 ясняетъ слово жена — невѣстою; а Еву называетъ:
 „першая невѣста створеная.“ По-польски niewiasta zła—
 djablica, iędzda: еще любопытнѣе у Памв. Берынды же
 мы находимъ: „невѣстникъ, чрътогъ, ложища.“ — Вотъ
 какъ ученые объясняютъ невѣсту: Челаковскій произ-
 водитъ отъ веду, невѣста какъ бы по ducta (Slow.
 par. рјѕоѣ, II, 221): но измѣненія е въ ѣ не допус-
 каютъ организмъ слав. языка; другіе, а за ними и
 Миклошичъ **), производятъ отъ видѣти, и невѣста,
 по ихъ мнѣнію, какъ бы по visa: такъ какъ невѣ-
 ста имѣла общее значеніе жены, невѣсты, снохи:
 то это объясненіе противно самому смыслу слова
 невѣста. Всѣхъ счастливѣе былъ при объясненіи
 этого слова Катковъ, ***) потому что обратился къ

*) Pott, Etym. Forsch. 1, 131. Grimm, D. Gr. 2, 183.

**) Radic. lingu. Slow. 9.

***) Объ элем. и форм. слав. языка, 54.

языку скр-му: ибо этотъ языкъ остается источникомъ объясненію славянскихъ словъ, по преимуществу имѣющихъ смыслъ родства. Невѣсту Катковъ объясняетъ скр-мъ причастиемъ: нивѣситâ (введенная, преданная, зарученная) отъ вѣс входитъ, отъ коего причинная форма: вѣс - аііітум вводитъ. Это объясненіе, не противорѣча законамъ языка, вполне соответствуетъ значенію невѣсты, въ обширномъ смыслѣ принимаемому. Такое производство подкрѣпляется еще болѣе тѣмъ, что въ Магабгаратъ глаголь нивѣс именно значить: uxorem ducere. — Теперь слѣдуетъ разыскать: вопервыхъ остался ли въ славянскомъ языкѣ скр. предлогъ *ни*, перешедшій въ *не* въ словъ невѣста, и повторыхъ, нельзя ли помощію славянскаго языка его отдѣлить, чтобы обнажить коренное слово *вѣста* въ словъ невѣста. Объ остаткѣ скр-го предлога *ни* свидѣтельствуетъ наше древнее слово *нетій*, серб. *нетяк*, *нетяка* племянникъ, -ца, уже у Ул. попадающее въ формъ *пѣрјіс*, въ общемъ смыслѣ родственника, *συγγενής*, въ О. Е. *ажика*, *Іо. 18 26*. *Нетій* соответствуетъ скр-му апатъя *proles*, состоящему изъ *ана*—отъ, и мѣстоименія *тъя*, коимъ образуются не только скр. *нгатья* здѣшній, но и гот. *frataria*, и наше *не-тій*: приставка же *не*, общая съ гот. *пѣ* въ *пѣрјіс*, имѣетъ смыслъ: подъ, отъ, внизу въ скр. слитномъ предлогѣ *ни*, сродномъ съ нашимъ *ни-зъ*, др. н. *pidar*, *gi-na-de*, откуда *gnade*, собственно униженіе, смиреніе. Въ скн. осталось *pidr* въ значеніи предлога *herab*, и въ значеніи сына. Къ этому же корню могутъ быть отнесены *ник-нуть*, *ни-чъ*, *ни-щій*: это по-

следнее слово вѣроятно стоитъ въ связи съ скр. *нича* или *нѣча* *humilis, vilis, gravis*—состоящимъ изъ приставки *ни* и *ач* идти, почитать: даже до сихъ поръ въ нашемъ словѣ нищій сохраняются слѣды происхожденія отъ прилагательнаго, именно въ склоненіи: свидѣтельство очень важное, ибо состоитъ въ самомъ организмѣ языка. Слѣдовательно *нетій* точно также происходитъ отъ предлога съ мѣстоименіемъ, какъ и *потомокъ*. — Отсюда мы видимъ, что скр. *ни* въ формѣ *не* служило образованіемъ въ славянскомъ языкѣ не одному слову *невѣста*. Теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на вторую часть этого слова. Въ славянскомъ языкѣ дѣйствительно осталось слово *вѣсть*, сокращенная форма отъ (не)вѣста, въ формѣ: *свѣсть*, еще въ *Glos. mat. verb.* объясняемой такъ: *suest, fratria vel fratrisa, fratris uxor vel uxoris soror*; *zwezt glos, gloris*. Слѣдовательно въ словѣ *свѣсть*, славянскимъ предлогамъ *съ* переводится древнѣйшій *не* или *ни*: сближеніе же значеній словъ *невѣста* и *свѣсть* само собою явствуется, если мы примемъ въ соображеніе болѣе общій смыслъ перваго слова, и значеніе предлога во второмъ. По-лит. взрослая дѣвица называется *westina merga*.

6. общее понятіе для означенія родства въ О. Е. *ажика, συγγενής*, коему у Ул. соответствуетъ грецизмъ *zania-kupъ*. Это слово имѣетъ при себѣ и другія однородныя, каковы: *аже алуис, аза десидъс*, при коемъ есть видоизмѣненная форма *язз*, откуда *яззати*; *яззкъ отевъс*. — Для опредѣленія этихъ словъ

надобно замѣтить, что во многихъ корняхъ скр. при-
дыхательныя дж, ч, ш въ славянскомъ языкѣ пе-
реходятъ въ соотвѣтственныя имъ: г, д, к, т, х:

скр.	слав.
суш	суш-ить отъ сухъ.
тушнѣка	тихъ, откуда тиш-ина.
туш. (радоваться)	у-тѣха, тѣшить.
вач	вѣт-ить, вѣч-ать вѣщ-ать.
чур (жечь)	курить.
чанд (свѣтить)	кадить, чадъ.
прач	прос-ить.
ич, иш, ишта	иск-ать.

По этому закону слав. жж, жз подходитъ къ скр.-у
юдж связывать, соединять; и предполагаетъ соотвѣт-
ственную себѣ форму яг, которая и является въ сло-
въ аггль *γωνία*: слѣдовательно съ понятіемъ угла
соединяется представленіе суживающагося простран-
ства; и дѣйствительно отъ гот. *agguus* (слич. л. *an-*
gustus) узкій происходитъ скн. *ângr* узкій заливъ,
eîngi узкая луговина. Какъ наше жз переходитъ въ
яг, такъ и скр. юдж въ юга—собственно пара. Но-
совой звукъ, отсутствующій въ скр. словѣ, являет-
ся, подобно нашему, въ лат. *jugo*, и потомъ исче-
заетъ въ *coniux*, *jugum*, какъ и въ нашемъ иго, ко-
торое опять принимаетъ носовой звукъ въ лит. *jun-*
gas отъ *jungiu*. Скр. гласная *i* въ юга, юдж, пе-
реходитъ въ *l* въ гот. *liugan*, *γαιμῆν*, *liuga* бракъ.
Такимъ образомъ древнеславянское понятіе о род-
ствѣ, происходя отъ представленія о связи и сбли-

женій, въ гот. языкѣ перешло въ понятіе о бракѣ, какъ источникъ родственныхъ связей. По Гриму *) гот. *liuga* происходитъ будто бы отъ *liugan* скрывать, какъ лат. *pubere* сближается съ *pubes*, или исп. *velarse* (жениться), и *velado* супругъ — съ *velar* покрывать.

7. особенной важности въ историческомъ отношеніи слово, означающее вмѣстѣ и мужа и жену, именно: манженъ. Это слово вопреки чеш-у *manžel* мужъ, супругъ, — Юнгманъ, раздѣляя на *мал* и *жена*, сближаетъ съ нѣм. *mahl* въ *gemahl*. Въ польскомъ языкѣ кромѣ *małzonek* употребляется и *głazzonek*. Распространенное употребленіе и видоизмѣненіе въ выговорѣ, затемнившія прямой слысь слова, указываютъ на его древность. Очевидно, оно сложное. Въ древнѣйшемъ періодѣ славянскій языкъ особенно любилъ слова сложныя, что видно изъ названій языческихъ боговъ, какъ древнѣйшихъ остатковъ языка, и изъ старинныхъ собственныхъ именъ, напр. въ Судѣ Любуши: Лютоборъ, Ратиборъ, Ярожиръ и друг. — Замѣчательно, что древнѣйшія сложныя слова, по большей части, не пользовались слагающими или соединительными звуками *o* и *e*, которыми теперь обыкновенно соединяются части сложнаго слова: но, подобно Санскриту, гораздо вольнѣе соединялись, о чемъ свидѣлствуютъ, напр., Стри-богъ, Дажь-богъ. Остатокъ такого санскрито-славянскаго сложенія предлагаетъ намъ О. Е. въ

*) D. Gr. 2, 23.

словъ братъ-сестръ : «евлампа и евлампн» присныма братъсестрома.» Всего ближе объясняется такое сложеніе скр. сложными, напр. для совокупнаго понятія дѣтей и жены скр. употребляетъ: путрадара, состоящее изъ *путра* сынъ и *дара* жена. Именно къ этому же древнѣйшему періоду должно относиться и *маль-жень*, или, по другому произношенію, *манжень*, состоящее изъ *манж*, т. е. *мжжъ* (скр. *мануджа*, т. е. рожденный=*джа*, отъ героя и полубога *Ману*) и *жена*, и означающее вмѣстѣ и мужа и жену. Значеніе и употребленіе этого слова особенно явствуетъ, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста въ вопросахъ Кюрика: „достоитъ ли жень мужю своему помочи терпѣти опитемыи, и мужю жень? *достоитъ*, рече, *велми*, *волею*, яко и другъ къ другу и братъ брату: добро есть тако и *мальженома*.“ Пам. Рос. Сл. XII в. 194. Въ послѣдствіи, когда утратилось сознаніе о происхожденіи этого слова, въ языкѣ образовались изъ него отдѣльные названія и для мужа *manžel*, *manžonek*, и для жены *manželka*, *manžonka*. Въ этихъ словахъ Славяне осмыслили себѣ древнѣйшую форму точно также, какъ скр. форму *снуща* (сноха), т. е. *суну-шья* (сыновняя) перевели соотвѣтственно Санскриту прилагательнымъ: *сноха* въ пол., кр. называется: *synowa*, *synaňa*, т. е. сыновняя.

8. такъ какъ древнѣйшія формы поэзіи тѣсно связаны съ исторіею языка: то весьма любопытно обратить вниманіе, какъ сербская поэзія, по преимуществу сохранившая первобытное эпическое настро-

еніе, возводить до апотеозы семейныя связи, Вук.
1, N 231 :

радуе се звијезда даница,
жени брата сјајнога мјесеца,
испросила муню од облака;
она купи китіене сватове:
кума куми Бога јединога,
а прикумка светога Јована,
старог свата светога Николу,
а дјевера апостола Петра,
права свата светог Пантелию,
іендабулу огніену Марию.

Высокой нравственностью жизни семейной отзываются эти затѣйливыя представленія эпической фантазіи. Народъ въ своихъ вѣрованіяхъ всегда любитъ возводить до обоготворенія все лучшее и существенное въ своей собственной жизни. Славяне столь вѣрно сохранившіе отъ временъ доисторическихъ чистоту наивныхъ связей семейныхъ, какъ бы сознали всю важность ими сбереженнаго, перенеся свои любимыя понятія о родствѣ и братствѣ въ область религіозныхъ повѣрій. Потому высочайшее беззаконіе, проклятое Богомъ, полагаетъ сербская поэзія въ нарушеніи правъ родственныхъ и семейныхъ: такъ Громовникъ Илія описываетъ Маріи проклятую землю, Вук. 2, N 2 :

діе не моле Бога, да помогне,
и не слуша пород родителя,
и не слуша млади старвјега;
діе кум кума не држи за кума,
дјевер снаси о срамоти ради;
діе брат брата по судовим тiera.

9. благочестивые переводчики Св. Писанія на славянскій языкъ не знали или не хотѣли знать словъ, означающихъ нарушеніе супружескихъ правъ. Кромѣ древнѣйшаго потѣбъга, они не употребляютъ ни одного изъ словъ такого рода въ точномъ, нынѣшнемъ значеніи. Такъ въ О. Е. *ὡσεὶ λῆρος τὰ ῥήματα αὐτῶν* — переводится: яко блади (т. е. вздоръ, пустяки) глї ихъ, Лук. 24, 11; въ исправленномъ: яко лжа глї ихъ; — *ζῶν ἀσώτως*, въ О. Е. живы блядно, Лук. 15, 13, т. е. расточительно (Какъ бы то ни было, отъ недостатка ли словъ, свидетельствующаго о чистотѣ нравовъ, или изъ приличія строго наблюдаемаго переводчиками: только въ славянскомъ переводѣ Евангелія, для выраженія греческихъ: *πόρνη*, *πόρνος*, *μοιχός*, *μοιχεία* и др., встрѣчаемъ уже неологизмы, составленные на образецъ грецизмовъ, какъ напр. зъмо-дѣи *χαχο-ποιός*, *χαχοῦρος*, у Ул. тоже грецизмъ: *ubil-tojis*; благо-творити *ἀγαθοποιεῖν*: а именно: для *πόρνη* любо-дѣица, и даже усиленное по славянскому словосочиненію употребленіе: развѣ словесе любодѣаннаго: *παρεχτὸς λόγου πορνείας*, Мат. 19, 9; а для *μοιχός* переводчики прибавили къ неологизму любо-дѣиць частицу прѣ, указывающую въ священномъ языкѣ также или на грецизмъ, напр. прѣображеніе *μεταμόρφωσις*; или же на неологизмъ: прѣмдрыи, прѣмдрость, коими переводчики перелагаютъ гр. *σοφός*, *σοφία*, для отличія отъ *φρόνιμος*, *φρόνησις*, коимъ постоянно соответствуютъ въ О. Е. мдрыи, мдрость. Въ употребленіи прѣлюбодѣи, какъ прилагательнаго, видно также насиліе языку: въ ро-

дѣ семь прѣлюбодѣимъ и грѣшнѣемъ, ἐν τῇ γενεᾷ ταύτῃ τῇ μιχαλίδι καὶ ἀμαρτωλῶ, Мр. 8, 38. Для глагола же μοιχευθῆναι следовало раздѣлить сложное слово на два: прѣлюбы творити, Мат. 19, 9. Ульфила и здѣсь остается вѣренъ своему народному началу, употребляя для πῶρνη собственно гот. слово, не вошедшее въ послѣдствіи въ нѣм. нарѣчія, именно kalkjo, откуда kalkinassus; а для μοιχός общее всѣмъ нѣм. племенамъ hors, откуда ски. hor, hoga, агс. horing и пр.; въ гот. и производныя: глаголь huginon и сущ. huginassus.

Примѣч. Есть причины думать, что наши переводчики руководствовались въ своемъ трудѣ чувствомъ приличія и благочестивою набожностью при выборѣ выраженій. Это особенно явствуетъ въ переводѣ описанія Страстей Господнихъ. Славянскій переводъ, вообще столь ясный и близкій къ подлиннику, въ этомъ случаѣ предлагаетъ замѣчательное отъ него отступленіе: такъ Мр. 14, 65: καὶ οἱ ὑπηρέται ῥαπίσμασιν αὐτόν ἔβαλον — въ О. Е. смягчено до слѣд. выраженія: и слугы бичѣше и прѣаша; въ испр. согласно съ текстомъ: и слуги по ланитома его бѣяху; даже Ул., впрочемъ столь вѣрный подлиннику и столь наивный, не могъ удержаться, чтобы не прибавить gabaugjaba, т. е. дерзко, дерзновенно, petulantet: jah andbahtos gabaujaba lofam slohun ina — и слуги дерзко били его по щекамъ. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ, Мат. 26, 67, ἀλλοι δὲ ἐβράπτισαν αὐτόν переведено въ О. Е.: ови же за ланиту удариша и. Но κόλαφιζω — pugnis caedo — переводчики не рѣшились передать точь въ точь, за-

мѣнивъ слѣдующими неопредѣленными выраженіями: *καὶ ἐκολάρισαν αὐτόν* — и пакости ему дѣяш^а, *Ματ.* 26, 67; *καὶ κολαφίζειν αὐτόν* — и мяčiti и. Если бы догадка Востокова, что въ греческомъ спискѣ у переводчика могло стоять *κολάζειν* вмѣсто *κολαφίζειν*, была справедлива, то въ исправленномъ текстѣ находились бы эти мѣста поправленными по общему чтенію съ *κολαφίζειν*: но видно, что и переводчики и исправители были убѣждены въ употребленіи такихъ выраженій. Въ *Tatian. Harm. Ev.* сказано прямо: *inti mit fustin sluogun inan.*

7. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА ВЪ ПЕРІОДЪ РАЗВИТІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ИЗЪ СЕМЕЙНЫХЪ.

Какъ семья служитъ основою общества, такъ и слова, означающія родство, принимаютъ значеніе понятій о членахъ общества. Родоначальникъ, по древнѣйшему представленію, вмѣстѣ и дѣдъ и старѣйшина. У насъ онъ называется пращуромъ. Если большая часть славянскихъ названій семейныхъ объясняется самымъ удовлетворительнымъ образомъ изъ Санскрита, то тѣмъ болѣе должны мы обратиться къ этому языку при объясненіи слова, имѣющаго столь многозначительное въ историческомъ отношеніи значеніе. Уже самая приставка *пра-* указываетъ на скр. *пра-*, имѣющее тоже значеніе, напр. *прабѣ* — *dominus, excelsus, augustus*, отъ гл. *бѣ* — быть: труднѣе объяснить вторую часть этого слова, именно *шуръ*: если сблизимъ съ прилагательнымъ *ширъ*, то вопросъ все таки не объяснится: ибо, въ отно-

шеніи согласной щ останавливаютъ насъ нарѣчія нѣмецкія, въ коихъ она является подъ формою sk, напр. въ скл. skir clarus, perspicuus, sapiens, gnarus, rigus a crimine; въ отношеніи же гласной и, затрудняютъ нарѣчія славянскія, въ коихъ она измѣняется въ е, напр. въ польскомъ szczęгу. — Обратимся къ санскриту. Скр. небная ç, происшедшая отъ к, въ самомъ скр. языкѣ, измѣняется не только въ к и т, но даже и въ ч:

дрç видѣніе, видѣ	дрк (именит. несклоняем.)
	δέρκω
виç человекъ третьяго	вирь (id)
класса	лит. wiész-patis
çал двигаться, идти	чал.

Отсюда видно, что въ скр. управляетъ тотъ же законъ соответствія между к, т, ч, какъ и въ слав. языкѣ. Первоначальная форма этихъ звуковъ является въ небной ç. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ славянскій всѣхъ ближе къ скр-у въ отношеніи этого звука. По большей части славянскій языкъ, какъ и санскритъ, удерживаетъ скр-ю ç въ звукъ с:

скр.	слав.
çакуна (родъ коршуна)	соколь
çата	сто
çак'а	сукъ, сучокъ
çила (natura, indoles)	сила
çуш (arescere, siccari)	сушить, сохнуть
çула (hasta)	сулица
çру	слушать
çвита (albus)	свѣтъ,

Какъ въ скр. *с* переходитъ въ *к* и *ч*, такъ и въ слав. языкѣ скр. *с*, подобно латинскому, греческому и кельтскому, переходитъ въ *к*, и потомъ, по собственному организму славянскаго языка, въ *ч* и даже въ *ц*. Какъ скр. *дасан*, десять является въ греч. подъ формою *δέκα*; такъ и скр. *си* имѣетъ при себѣ славянскую форму *ко-ю* (греч. *καίμι*, лат. *quies*) и *чи-ю*, т. е. (по)коюсь и (по)чю. На этомъ основаніи опредѣляется сродство нашихъ: сердце съ гр. *καρδία*, лат. *cor, cordis*; осмь съ гр. *ὄκτω*, лат. *octo*; десный съ скр. *дакша*, лат. *dexter*; камень съ скр. *асман*: потому же закону родственны: *клоню* и *слоню*, *власъ* и *влак-но* *). Скр. *свита* (*albus*) кромѣ формы *свѣтъ*, имѣетъ при себѣ еще: *квѣтъ*, *цвѣтъ*, *твѣтъ*: нашимъ звукамъ *к*, *ц*, *с*, происшедшимъ изъ скр. *с*, соответствуетъ нѣмецк. *h*: потому скр. *свита* и наши *свѣтъ*, *квѣтъ* въ гот. являются въ формѣ *hweits*, агс и скн. *hvit*: др. нѣм., опускаая предыханіе, образуетъ *wiz*, откуда нѣм. *weiss*: точно такъ и наше *рогъ*, черезъ опущеніе *с* образовалось изъ скр. *срнга*, составившагося изъ *сира* голова и *га* идущій, т. е. изъ головы идущій, или растущій. Такъ какъ скр-у *ч* часто соответствуетъ слав. *щ*, напр. скр. *пач* печь, *пещи*: то и скр. *с*, стоящее въ связи съ *ч* и *к*, можетъ замѣняться слав-мъ *щ*, напр. скр. *нактам* и *ниса* по-слав. не только *ночь*, но и *нощъ*. Вотъ что почли мы

---

*) Статя Шафарика въ *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1. стр. 57 — 58.

нужнымъ сказать предварительно о свойствахъ небаго звука *с*. Теперь обратимся къ слову пращуръ, и собственно ко второй его половинѣ: щуръ.

Скр. *сура* герой, мужъ, по закону измѣненія буквъ, общему въ славян. съ скр., является у насъ въ трехъ формахъ: 1) въ первобытной санскритской, подъ формою *суръ*, и значитъ молодець, герой, какъ мы видимъ напр. въ др. р. ст. „удадой молодець былъ Волгскій суръ, 271: такъ. названъ Садка богатый гость. 2) въ формѣ, родственной языкамъ греч., лат. и кельт., по измѣненію *с* въ *к*: именно отъ скр. *свасура*, состоящаго изъ *сва* свой и *сура* мужъ (слич. скр. *сваджана* своякъ), образовались: наши *све-коръ*, *све-кры*, гр. *ἐ-χίρος*, *ἐ-χιρά*, лат. *so-grus*: здѣсь наше *-коръ* точно также относится къ скр. *сура*, какъ гр. *χίρος*, *χίριος* и кельт. *sigadh* воинъ отъ *sig* сила. И наконецъ 3) подъ формою чисто славянскою, въ коей скр. *с*, измѣнившаяся въ *к*, частію удержала при себѣ слѣды своего происхожденія въ звукъ *щ*: по крайней мѣрѣ исторически весьма вѣроятно предположить, что праотець и герой-полубогъ могли быть совместны въ понятіяхъ нашихъ предковъ. Вели же свой родъ отъ какого-то доисторическаго героя лютый Хрудошъ и Стяглавъ храбрый, спорящіе о дѣдинѣ отней въ Судѣ Любуши: „*oba bratři, oba clenouica*, „*roda stara tetui popeloua*, „*ien se pride s pleki s sehovimi* „*u se se sirne ulasti pres tri reki.*“ И такъ коренное слово щуръ въ нашемъ пращурѣ объясняется скр.-мъ

сура. Какъ ширый имѣетъ при себѣ не только у Славянъ форму чирый, но и въ Литвѣ: *szugas*; такъ и щуръ предполагаетъ форму чуръ, согласную съ литовскимъ *szug-pus*, означающимъ тоже, что и *szugas*. Вѣроятно сюда же относится и лит. *szuggas*—по Мильке—*ein Lunge bei einem Herrn*.

Народныя преданія о доисторическомъ движеніи племень, подъ предводительствомъ героев полубоговъ долго держались въ памяти народной и не могли не сохраниться въ языкѣ. Все старобытное облекалось въ форму сверхъестественную, и всякому пріятно было видѣть въ своемъ предкѣ существо высшее, выступающее изъ круга обыкновенныхъ людей. Любовь потомковъ къ своимъ прадедамъ воспламеняла ихъ воображеніе, и выразилась въ преданіяхъ о герояхъ-родоначальникахъ, облеченныхъ божественнымъ величіемъ. По-древански дѣдъ *Igólga* *), т. е. *Ijolja*: отсюда Богъ назывался *pos Igólga* т. е. нашъ дѣдъ, нашъ прадедъ: слич. выраженія: внуки Даждь-бога, внуки Стри-бога. У лужичанъ *zědki* дѣды употребляется въ смыслѣ пастуховъ, приходившихъ поклоняться Христу, а потомъ и вообще въ смыслѣ пришленовъ. (Древнѣйшее понятіе о власти начальника основывалось на родствѣ родоначальника съ своимъ родомъ: этимъ объясняются обыкновенныя выраженія въ лѣтописяхъ: „Полянномъ же живущемъ особѣ и володьющемъ роды своими, иже и

*) Добровскаго *Słowanka* 1, 13.

до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ.“ — „Се Кій княжаше въ родъ своемъ.“ — „(Кій) възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше състи съ родомъ своимъ.“ — „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе въ Поляхъ.“ — Какъ о Славянахъ, точно также выражается летописецъ и о Варягахъ: „и избрашася 3 братья съ роды своими, поаша по собѣ всю Русь, и придоша.“ — „И бяста у него 2 мужа (Аскольдъ и Дирь), не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ.“ — Лавр. стр. 4, 5, 8, 9. Слѣдовательно понятие рода или родства первоначально связывало лица одного племени и означало народъ: „мы отъ рода рускаго,“ говорили послы въ договоръ Игоря, Лавр. стр. 19. Въ О. Е. словомъ родъ собственно переводится γένος, однако также и ἔθνος, Ио. 18, 35, чему у Ул. соотвѣтствуетъ pīuda. Словомъ же народъ въ старину означалось понятие не столь благородное: въ О. Е. народъ значитъ только ὄχλος, и у Ул. переводится словами, означающими только толпу, множество: hīuhna, jumjo и даже maпapei: такъ что Остромирову народъ въ чешск. отрывкѣ Ев. отъ Ио. X в. соотвѣтствуетъ весьма естественно: dau, давъ, т. е. давка, толпа. Отсюда можно заключить, что народъ есть уже понятие позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда утратилась родственная связь между родоначальникомъ и его племенемъ, и когда понятие о соплеменникѣ перестало возбуждать поня-

тіе о родствѣ и перешло къ представленію множества, толпы. Первоначально же народъ могъ быть синонимомъ рожденію: такъ у Лужичанъ и досель народъ имѣеть это значеніе: pschéd Kristussowem narodom, а рожденіе въ О. Е. наоборотъ значить родственникъ, и соответствуетъ въ исправленномъ текстѣ словамъ: ужики, сродници. Древнѣйшее употребленіе слова народъ вмѣсто родъ встрѣчаемъ уже въ Фрейз. ркпси: narod zlovuezki — народъ чловѣчьски, genus humanum.

Родственная связь властителя и подвластнаго ясно обозначилась въ языкѣ: отъ гот. *riuda*, родъ, племя, народъ, происходитъ *riudans* царь, властитель *народный, родоначальникъ*. Чувства, соединявшія властителя и подвластнаго, какъ ближайшихъ родственниковъ, были любовь, милость и ласка: потому-то по-ски. властитель, царь называется *mildingr*, отъ *mildr* милостивый, ласковый: этимъ объясняется у насъ постоянный эпитетъ Владиміру *ласковый*. Скр. *pater dominus*, откуда лит. *patis*, *wie'sz-patis*, наше гос-подинъ, гр. *θεσ-πότης*, даже можетъ быть *ποс* въ *ἀνδρο-ποс* (по Боппу вмѣсто *ἀνδρο-ποс*, т. е. *vigōs gegens*, какъ мажъ отъ скр. *мануджа*) — происходить отъ *pā* хранить, беречь, родственнаго съ нашимъ *питать*, лат. *pā-vi*, *pa-bulum*, гр. *πάσαι, ἐπασάμην, πέτασαι, πατέσαι*. Здѣсь начало эпическому постоянному эпитету царя у Гомера: *πομπῆν λαῶν*: такъ эпическая поэзія въ своихъ обычныхъ формахъ сохраняетъ слѣды древнѣйшихъ понятій. Теперь будетъ

намъ понятно, почему кормить значить у насъ и питать, и вмѣстѣ съ тѣмъ управлять: *кормилецъ* есть постоянный эпитетъ не только отца, но и всякаго властителя: а въ Краледв. рукописи Забой, оплакивая смерть славянскаго воеводы и предводителя, называетъ его *otcik*, т. е. отецъ.

Какъ эпическій языкъ свои украшающія формы образуетъ согласно съ образованіемъ языка, такъ и эпическія преданія въ своихъ мифахъ выражаютъ понятія и воззрѣнія народа. И въ языкѣ, и въ сознаніи народа глубоко коренится убѣжденіе о родствѣ всѣхъ членовъ племени, образующихъ народъ: родственная любовь и сыновнее почтеніе связываютъ всѣхъ твердыми узами. Какъ Китайскій Императоръ почитается отцемъ народа, и какъ изъ различныхъ частей тѣла Браны вышли различныя касты, роднящіяся между собою единымъ божественнымъ происхожденіемъ *) : такъ и по наивнымъ преданіямъ всѣхъ народовъ различіе состояній или классовъ народа произошло по нисходящей линіи отъ одного пращдвскаго начала. Исландскій мифъ (*Rígsmał*) **)

---

*) Развитие классовъ народныхъ изъ частей божества соответствуетъ сотворенію міра изъ божественныхъ членовъ. Вероятно въ соответствии съ мифомъ о происхожденіи кастъ образовались въ языкѣ слова, означающія и части человеческого тѣла, и вмѣстѣ классы народные. Grimm, D. R. A. 469—470.

**) D. R. A. 266. 282.

всѣ классы народныя ведутъ отъ предковъ: благородныя (iarglar) происходятъ отъ fadîr и môdir, отъ отца и матери, свободныя (karlar) отъ afi и amma, отъ дѣда и бабки, всѣ рабы (praelar) отъ ai и edda, т. е. прадѣда и прабабушки. Далѣе, Iargl, представитель благороднаго класса, имѣлъ у себя дѣтей, которыя именами своими указываютъ на развитіе общественныхъ понятій изъ семейныхъ, а именно: Adall (благородный), Argfi (наслѣдникъ), Barn, Kundr, Konr, Mõgr, Nidr, Song, Sveinn.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ этихъ словъ, потому что исторія ихъ имѣетъ много общаго съ нашими.

1. barn и mõgr означаютъ дѣтей: mõgr въ гот. magus, коимъ Ул. переводитъ παῖς, въ О. Е. отрокъ, напр. Лук. 2, 43: ὑπέμεινεν Ἰησοῦς ὁ παῖς ἐν Ἱερουσαλὴμ, оста отрокъ въ иерсѣлмѣ, gastof iesus sa magus in iairusalem. Ул. употребляетъ magus и въ смыслѣ раба, напр. Лук. 15, 26: ἕνα γῶν παιδῶν, у Ул. sumana magive: въ О. же Е. строго еще отличается отрокъ отъ раба, и это мѣсто переведено такъ: «диного отъ рабъ: такъ что отсюда можно заключить, что переводчики знали слово отрокъ только въ благородномъ его значеніи сына, а не служителя. Какъ liberi имѣетъ смыслъ вольныхъ, такъ и княжій или боярскій отрокъ получилъ смыслъ вольнаго служителя, уже въ Русск. Правдѣ: „о княжихъ отроцѣхъ“—слич. въ Салич. Зак. puer regis vel letus, 13, 7; а

съ другой стороны отрокъ , какъ лицо въ полной зависимости находящееся, перешелъ въ значеніе раба, холопа, напр. въ чешск.: *otroky neb chlapy kupovati a prodawati*, смотр. Слов. Юнгм.: даже Остромирову найменьикъ *μωδρωτῶς* въ чешскихъ Евангеліяхъ соотвѣтствуетъ отрокъ, *Io, 10, 12, Evang. m̄ Vien.* — И наоборотъ Остромирово отроча въ *Tat. Harm. Ev.* замѣняется словомъ *kneht*: *ther kneht vvuohs inti uuard gistrengisot geiste*, отроча же ратьваше и крѣпльшеса дѣмь, Лук. 1, 80. Какъ отъ *riuda* происходитъ *riudans*, такъ и гот. *kindins*, коимъ Ул. переводитъ *ἡγεμων*, въ О. Е. игемонъ, *Mat. 27, 2.* — происходитъ отъ *kind*: по свидѣтельству Амм. Марц. у Бургундовъ царь назывался *hendious*. Такимъ образомъ изъ нѣдръ семьи съ одной стороны исходитъ понятіе властителя, а съ другой понятіе раба: какъ лат. *famulus* отъ *familia*, такъ точно и челядинъ, уже въ договорѣ Олега, въ смыслѣ раба: „аще украденъ будетъ челядинъ рускій, или въскочитъ, или понужи проданъ будетъ,“ *Лавр. 15*, также въ Рус. Правдѣ: „аже кто познаеть челядинъ свой украденъ :“ — черезъ форму челядь происходитъ отъ скр. кула родъ, племя, семья. Какъ - инъ т. е., одинъ, служитъ суффиксомъ слову челяд-инъ, такъ древнѣйшее ѣкъ, скр. *éкас*—одинъ, отъ того же скр. кула, образуетъ: чел-ов ѣкъ; *éкас* является въ лат. *aequus*, точно также какъ скр. мѣстоименіе *има*, въ нашей приставкѣ отч-имъ, образуетъ отъ себя лат. *imago*. Съ скр. кулаа гнѣздо, отъ кула семья, стоитъ въ связи наша древняя эпическая форма, упо-

требляющая гнѣздо вмѣсто семьи, напр. въ Сл. о П. И. „Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилцы.“ Этимъ объясняется эпитетъ Всеволода Юрьевича—большое гнѣздо. Понятіе о сочетаніи до сихъ поръ заключается въ словѣ гнѣздо, что видно изъ названія пары бабокъ гнѣздомъ. Слич. обычныя выраженія, или поговорки въ Чехахъ: *dobrého hnŕzda člověk*; *hnŕzdo níc peromŕže obyčegŕm zlŕm*. — Наше слово отрокъ, означающее и сына, и свободного служителя, и раба, своимъ происхожденіемъ вполне объясняетъ такой переходъ. Какъ всякое, въ глубокой древности образовавшееся, слово подвергается многимъ толкованіямъ и объясненіямъ, такъ случилось и съ отрокомъ. Общепринятое производство этого слова отъ реку, какъ бы *infans*, или польское *niemowiatko*, нашло себѣ защитника въ новѣйшемъ изслѣдователѣ слав. языка, Миклошичъ *). Но, какъ основательно было уже замѣчено славянскими лингвистами **), въ словѣ отрокъ никоимъ образомъ нельзя принять за предлогъ слогъ *ot*: ибо древнѣйшіе кодексы, равно какъ и Остромировъ, не отдѣляютъ этого слога еромъ: если бы это слово происходило отъ реку, то писалось бы: отърокъ. Но и производство отъ слова *ot*, т. е. отецъ ***), черезъ суффиксъ *p*,

*) *Radic. lingu. Slov.* 74.

**) Юнгм. чеш. слов. 2, 1019.

***) *Ibid.*

т. е. *отр.* подобно словамъ братр, кмотр, и потомъ съ окончаніемъ -окъ, — весьма натянуто. Всѣхъ ближе къ дѣлу кажется Линдево *) сближеніе слова отрокъ съ глаголомъ *trószus'* вязать, и съ сущ. *tróki*, чешск., *trůku*, т. е. наше народное торока: „отца-то вашего въ торокахъ везетъ“ говорила жена Соловья разбойника, Др. р. ст. 355. Какъ жжика происходитъ отъ жже, жза, и отъ понятія о родствѣ спускается до понятія объ узникѣ: такъ и отрокъ, происходя отъ трокн узы, содержитъ въ себѣ понятіе и связаннаго узами родства, и принужденнаго служить и повинаться.

2. какъ аггі, сынъ Ярма, собственно значить наследникъ, гот. *agbjā*: такъ и общеславянское названіе наследника дѣдичь, стоитъ въ родственной связи съ дѣдъ; хотя въ О. Е. попадается только отвлеченное названіе: наследъникъ, Мат. 21, 38; равно какъ и въ Русск. Правдѣ: задница, собственно въ смыслѣ остатка, какъ объясняютъ и самыя глоссы: „о задници, сирѣчь о сстаткѣхъ“. Самый же предметъ наследства есть дѣдина, уже въ Судѣ Любуши употребляющаяся въ смыслѣ наследства, — и значить вмѣстѣ съ тѣмъ и поле, и имѣніе вообще, и домъ, и мѣсто жительства, или родину. Ульфила для *κληρονομος* въ своемъ переводѣ употребляетъ слово, имѣющее, подобно дѣдинѣ, значеніе болѣе реальное, не-

*) Польск. слов. 3, 584.

жели наследникъ: именно agbja, въ агс. являющееся въ формѣ uŕfe въ значеніи не только hereditas, но и recus, отъ ogf recus, opes: это послѣднее слово сохранилось и въ др. швед. обычной формулѣ: agf ok uŕf, для означенія недвижимаго и движимаго имѣнія. Но славянскіе переводчики не хотѣли воспользоваться народнымъ понятіемъ о владѣніи, вѣроятно потому, что дѣдина и дѣдичь, заключая въ себѣ память о древнеславянскомъ преданіи, могли нарушить чистоту слова Евангельскаго: нѣтъ сомнѣнія, что права на владѣніе дѣдиной были освящены древнимъ вѣрованіемъ: дѣды чтились, какъ существа высшія, божественныя; и потому названіемъ внука весьма естественно могло выразиться отношеніе современности къ темной, мифологической старинѣ. Этимъ объясняются въ Сл. о П. И.: жизнь Дажь-Божа внука, въ силахъ Дажь-Божа внука, и друг. По-чешски dědicowé—пенаты. Слѣдственно коренное славянское понятіе о наследствѣ, выраженное словами: дѣдичь, дѣдина, основанное на родственномъ отношеніи, а не на одномъ только понятіи о имуществѣ, какъ нѣм. agbja, — не могло войти въ священный языкъ, потому что напоминало періодъ мифологическій: Памва Берында съ намѣреніемъ отличаетъ дядро отъ дѣдро: „сице бо нѣцѣи обыкоша діавола именовати.“

3. сынъ Ярла konr, собственно nobilis, rex, является въ др. нѣм. chüninc, др. сак. kuning, агс. cuning, скн. konünger, сокращенно kôngr; женская

форма слову konr : ски. kona femina nobilis, domina, гот. quēns, quīnô только жена, агс. же 'cven regina, др. нѣм. quena, chena жена. Черезъ санскритъ мы узнаемъ рядъ, этихъ словъ въ нашемъ жена. Скр-у дж соответствуетъ нѣм. к или qu, напр.:

скр. джûв	жить	гот. quivs	живой
джнâ	знать	kan	
джâну		kniu	(колено)
джâти		kuni	(родъ)

Въ этомъ случаѣ въ классическихъ языкахъ является г, а именно: γῶμι, gnosco; γόνυ, genu; γένος, genus. Въ слав. или измѣняется въ з, какъ въ знать, или же остается въ ближайшей къ скр-у формѣ ж: живой, скр. джûв; жена, скр. джанû, по закону измѣнившееся въ гот. quēns, и друг. Это послѣднее слово имѣетъ корнемъ скр. глаголь джан рождать, удержавшій г въ гр. γῆνομαι и въ лат. gigno. Рядъ словъ этого корня является намъ переходъ понятій отъ родителя и жены къ племени и царю; и что весьма замѣчательно: въ языкѣ скр-мъ, какъ-бы на первой ступени, въ періодѣ первобытномъ, удерживается понятіе только родителя, родительницы и рода: джанака рождающей, джанû рождающая, джâти родъ; въ нѣм. же нарѣчіяхъ родовыя понятія этого порядка словъ восходятъ до понятія о власти государственной: и отъ kuni, chunni, родъ, происходитъ chuninc точно также, какъ piudans отъ piuda, truhtin отъ truht, fylkir отъ folk или fylki; а скр. джамû и наша жена получаютъ титулы госпожи и цари-

цы въ скн. kopa и агс. svep. И къ этому-то періоду относится нашъ князь, слово, столь удалившееся отъ первоначальнаго понятія о родѣ, сохранившагося въ словѣ жена, и только въ связи съ нѣм. kuning, kōnūng, нисходящее до значенія рода въ гот. kuni и въ скн. miēf о сынѣ Ярла, копг. Какъ въ нѣм. нарѣчіяхъ, такъ и у Славянъ князь значитъ и господинъ вообще, напр. у Лужичанъ: knjez то же, что скн. копг, а knjenі или knini, что скн. kopa. Только сила народнаго преданія могла удержать въ словахъ князь и княгиня память о древнѣйшемъ ихъ значеніи, придавъ имъ смыслъ жениха и невѣсты, о чемъ было сказано выше. Исторически же позднѣйшее значеніе слова князь опредѣляется суффиксомъ азъ, или аг, т. е. енг или нѣм. ing. Этотъ суффиксъ, хотя не чуждый и намъ, и особенно соседнимъ намъ Литовцамъ, у которыхъ -ingas суф. прилагательныхъ, напр. darb-ingas отъ darbas работа, — преимущественно у Нѣмцевъ получилъ свое развитіе и смыслъ: онъ означаетъ происхождение и родство; сила этого значенія заключена въ звукахъ ng, изъ коихъ развиваются -ing и -ung: первый преимуществуетъ передъ вторымъ для означенія лицъ *). Названія народовъ по преимуществу пользуются сими суффиксами для того, чтобы выразить понятіе о происхожденіи и родѣ, напр. asd-ingi, oth-ingi, thuringi у Иорнанда; theru-ingi у Аммиан. Марц. Въ

*) Grimm, D. G. 2, стр. 348 — 365.

древн. нѣм. памятникахъ IX в. собственныя имена: *dir-inc, halb-inc, ir-inc, min-inc*, и мног. друг. Въ агс-мъ языкѣ особенно живо сохранилось производство на *-ing* отечественныхъ именъ, такъ что къ каждому собственному имени можно приложить этотъ суффиксъ, для того чтобы составить имя сына или потомка того, кто носитъ собственное имя: такъ въ Библии *filius Elisae* переводится: *elis-ing*. Для уразумѣнія силы суффикса *-ing* любопытно обратить вниманіе на слѣдующее кратко обозначенное этимъ суффиксомъ агс-е родословіе предковъ: *ida vās ēopp-ing, ēoppa ēs-ing, ēsa ing-ing, inga angenvit-ing, angenvit aloc-ing, aloc bēonoc-ing, bēonoc brand-ing, brand baeldäg-ing, baeldäg vōden-ing, vōden fridovulf-ing, fridovulf finn-ing, finn godvulf-ing, godvulf geát-ing, geát же, или geáta* есть родоначальникъ имъ всѣмъ. Слѣдовательно *-ing* соответствуетъ нашему *-ичъ*, означающему не только отношеніе сына къ отцу, но и народа къ его родоначальнику, напр. Радим-ичи. И такъ въ словѣ князь суффиксъ *азь*, аг (*-ing*) выражаетъ родовое и родственное отношеніе; точно также, какъ и коренные звуки *кн, кон, кун* (въ Остромировѣ князь, ѣ предполагаетъ звуки *о* и *у*) ведутъ свое происхожденіе отъ джан рождать, и какъ пати господинъ родственно съ словомъ *pater*, такъ и князь въ скр. имѣетъ себѣ соответственныя: *джанакъ, джанитри*, откуда лат. *genitor*. Во время перевода Св. Писанія на славянскій языкъ слово князь имѣло смысль болѣе общій, такъ что въ О. Е. князь означаетъ не только властителя, но и всякаго

сильнаго челоуѣка. Это особенно явствуетъ изъ сличенія нашего перевода съ переводомъ Ульфила: Славяне всякую власть и силу называютъ однимъ общимъ именемъ князя, тогда какъ Ульфила еще колеблется между многими наименованіями, соответствующими Остромирову кѣназь, какъ бы тѣмъ показывая, что понятіе о власти еще не опредѣлилось окончательно, не отдѣлилось отъ частныхъ представлений и не обозначило себя однимъ общимъ словомъ: а именно: 1) кѣназемъ своимъ, τοῖς μεγίσταις, Мр. 6, 21, у Ул. raīm maistam—надстрочный переводъ съ греческаго; слав. же переводчики подъ большимъ или наибольшимъ разумѣли князя. 2) въ домъ кѣнажь, εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ ἀρχόντος, Мат. 9, 23, у Ул. in gārda riš reikis. 3) о кѣнази бѣсъ, ἐν τῷ ἀρχοντὶ τῶν δαιμονίων, Мат. 9, 34, у Ул. in fauramaṛlja unhulṛono. Здѣсь понятіе о власти и князь Ул. выражаетъ представлениемъ глашатая суда и правды, или председателя собранія: fauga предъ и maṛl собраніе а҃урѣ. — Единство, соблюдаемое нашими переводчиками въ употребленіи слова князь ясно указываетъ на болѣе опредѣленное понятіе о власти: тоже самое видимъ и въ нѣм. позднѣйшихъ переводахъ, не смотря на разнообразіе Ульфилова текста: такъ въ Tatian. Herm. Evang. IX в. Остромирову кѣназь соответствуетъ постоянно hēristo или hērōsto, т. е. превосходная степень отъ hēr, hēri, откуда hēriго и hērго — господинъ. Слѣдовательно наше кѣназь, хотя и общаго происхожденія съ нѣм. kuning, однако во время перевода Св. Писанія употребля-

лось Славянами совершенно самостоятельно и выражало самое определенное понятие: переводы Св. Писанія и готескій и нѣмецкій IX в. пользуются словами вовсе другаго происхожденія для означенія князя.

Такимъ образомъ сличивъ основанія скандинавскаго мѣа о переходѣ понятій семейныхъ въ общественныя, видимъ, что въ сущности онъ столько же могъ бы принадлежать и Славянамъ: только у Нѣмцевъ онъ принялъ определенную эпическую форму, у насъ же ясно сознавался только въ формахъ языка.

Судя по переводу Св. Писанія можно заключить, что Славяне до позднѣйшаго времени удержали семейныя понятія для определенія общественныхъ отношеній. Это видно въ О. Е. изъ словъ: владыка и старѣйшина, которыя получивъ значеніе въ быту семейномъ распространились для выраженія власти не только гражданской, но и церковной: въ старину власть начальника освящалась властію церковною, и служитель церкви былъ вмѣстѣ и начальникомъ. Гот. и др. нѣм. переводы являютъ большее развитіе общественности: въ слав. же очевидны слѣды патриархальнаго быта. Славянскіе переводчики, хотя и стараются передать грецизмами понятія жизни государственной, напр. игемонъ—владыка, но славянизмы невольно проскользаютъ, и даютъ намъ разумѣть, какъ необходимо было замѣнять ихъ грецизмами. Текстъ слав. Евангелія являетъ намъ періодъ бро-

женія, когда еще не могли выработаться идеи общественныя, въ отвлеченіи отъ понятій семейныхъ.

1. замѣчательно смѣшеніе словъ владыки и власти въ О. Е.: изъ чего явствуетъ, что переводчики затруднялись въ отличеніи этихъ словъ. А именно: ὑπὸ ἐξουσίᾳν Мат. 8, 9 переведено: под владыкою^ж, въ испр. под властію; а Лук. 7, 8 подъ властели, въ испр.: под владыкою: у Ул. же въ обоихъ случаяхъ соотвѣтственно оригиналу: uf valdufnja. Изъ сближенія этихъ двухъ мѣстъ О-а Е-я видно, что отвлеченное понятіе ἐξουσία, въ другихъ мѣстахъ переводимое впрочемъ словомъ власть, понято было переводчиками болѣе конкретно, какъ лицо властвующее, или владыка. Владыка же ἡγεμόν въ О. Е. соотвѣтствуетъ гот-мъ kindins и riudans, что видно изъ слѣдующихъ мѣстъ: Лук. 2, 2 владыцу, у Ул. visandin kindina; Лук. 3, 1: владычествія, у Ул.: riudinassaus. Славянскіе переводчики прибѣгаютъ къ производнымъ формамъ отъ одного и того же корня, тогда какъ Ул. богатъ разнообразными выраженіями понятій государственныхъ. Такое же разнообразіе видимъ въ др. нѣм. Harm. Evang. Tat., гдѣ первому мѣсту соотвѣтствуетъ grauen *), а второму rihtuomes, а въ Ев. Мат. 2, 6 еще новое слово: heriston, въ О. Е. въ влѣкахъ. — Собственное значеніе владыки открывается въ исторіи древнеславян-

*) Значеніе этого слова смотр. Gr. D. R. A. 753.

скаго семейнаго управленія. Въ Судѣ Любуши читаемъ: „i umče li glaua celedina, „deti use tu sbo-siem u iedno uladu, „uladicu si z roda uiberuce.“ — И такъ владыка управлялъ у Славянъ родомъ и семьею, по свидѣтельству памятника IX в; следовательно весьма вѣроятно вліяніе такого значенія владыки и на текстъ Св. Писанія того же вѣка. Хотя у Готевъ уже IV в. мы видимъ уклоненіе отъ семейнаго начала: однако по нѣкоторымъ выраженіямъ Ульфилова перевода можемъ заключить, что и Готевъ не чуждо было понятіе владыки, въ смыслѣ домовладѣтеля: ибо Ул. *oixodestopteiv, oixodestoptis* переводитъ *garda valdan, garda valdands*, а *valdan* и владычи совершенно между собою родственны.

2. старѣйшина у Славянъ есть синонимъ владыки. Остромирову влдѣка въ Реймск. Ев. соответствуетъ: старѣйшина, Мат. 2, 6, Какъ у Иллирійцевъ латинскаго исповѣданія, въ Далмаціи, *pater familias* называется владыка, словомъ, въ томъ же значенія употребляющемся еще въ законахъ Стефана Душана; такъ соответственно тому у Сербовъ греческаго исповѣданія глава семьи называется старѣйшина, который, подобно древнеславянскому владыкѣ, избирается, даже и не старшій, но лучший изъ челядинцевъ, и управляетъ всѣмъ домомъ *). По значенію слова надобно полагать, что старѣйшина имѣло смыслъ

*) Вук, српски рјечник, ст. 792.

родоначальника, праотца, старшаго члена семейства. У сосѣдовъ нашихъ, Литовцевъ, употребляются *senutis* дѣдъ, *senutté* бабка отъ *sénas* старый: это слово, значенія семейнаго, у Бургундовъ получило уже смыслъ жреца и начальника: sacerdos apud Burgundios omnium maximus vocatur sinister, et est perpetuus, obnoxius discriminibus nullis, ut reges, Ammian. Marcell. 28, 5. И дѣйствительно у Ул. мы находимъ *sinista* для *πρεσβύτερος*, въ О. Е. соответственно тому: старецъ, напр. Мат. 27, 1, 3; Мр. 8, 31. Презвутерь же встречается только въ мѣсяцесловѣ, а не въ текстѣ. При всемъ согласіи текстовъ славянскаго и готскаго въ этомъ случаѣ, нельзя однако же не замѣтить, что въ славянскомъ текстѣ съ очевидною ясностію дается большее значеніе старѣйшинству, нежели въ готскомъ: старѣйшинствомъ у насъ началась всякая власть и первенство: Константинъ Багрянородный начальниковъ славянскихъ называетъ *χοιτάνους ἑρόντας*, de adm. imp. гл. 29. Тамъ гдѣ Ул. употребляетъ первый, лучший, тамъ у насъ старый, старѣйшина: аще кѣто хоцетъ старѣи быти. да бѣдетъ вьсѣхъ мѣнии, Мр. 9, 35; у Ул. *jabai vas vili frumists visan. sijai allaize aftumists*: *frumists* превосходная стѣпень отъ *frums* первый, и совершенно соответствуетъ въ греч. текстѣ слову *πρῶτος*. Точно также Мр. 6, 21: старѣйшинамъ галилеескамъ, *τοῖς πρῶτοις τῆς Γαλιλαίας*, у Ул. опять *paím frumistam galeilaias*, у Tatian. Harm. Ev: *furiston Galileae*. Въ О. Е. старѣи людьстини, въ др. нем. Ев. VIII в. *furistun dero liuteo*, Мат. 26, 3.

Отсюда мы убеждаемся, что во время перевода Св. Писанія понятія о бытѣ семейномъ были свѣжѣ въ памяти Славянъ, нежели Нѣмцевъ, и даже Готеовъ IV в. Владыка семьи и старѣйшина имѣли самостоятельное значеніе и только применялись къ понятіямъ власти общественной и религиозной. Даже самое слово князь, столь роднящее насъ съ Нѣмцами, въ славянскихъ переводахъ, подобно владыкѣ и старѣйшинѣ, имѣетъ значеніе, не только гражданское, но и религиозное: такъ архiereи въ О. Е. Іо. 12, 10, въ чешск. отрывкѣ X в. переводится: *spaezi popstí*, а въ чешск. Ев. XIV в. *kniežata porowá*. Слѣдовательно отъ древнихъ временъ у Поляковъ и Чеховъ князь получаетъ значеніе и священника, и мірскаго владѣтеля. По-лит. *kunig's* не только господинъ вообще, но и духовный сановникъ, а *kunigene* поподья; латышс. *basnizas kungs* или *basnizkungs* священникъ. Очевидно, что у Славянъ и Литвы самостоятельно опредѣлилось значеніе князя.

Старѣйшина отличался умомъ и познаніями: потому уже въ глубокой древности нравственная сила челоуѣка облеклась властію политической. Уже самое соединеніе власти духовной и свѣтской въ одномъ лицѣ предполагало въ немъ власть, зависящую отъ силы нравственной. И если еще припомнимъ, что всякое искусство и знаніе приписывались силѣ высшей, божественной: то нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ властителя соединялись и жрецъ, и судья, и поэтъ, и предводитель, и мудрецъ: по древ-

нечешскому преданію у героя и властителя Чеховъ, Крока, были три дочери: одна была княжною, и управляла народомъ послѣ отца, другая знала силы природы и обладала тайнами врачебнаго искусства, а третья была жрица, хранительница религіозныхъ обрядовъ. Такъ выразилось въ эпическомъ преданіи сознание народа о родствѣ власти политической съ властію нравственной. И какъ съ одной стороны, по нисходящей линіи, герои были родоначальниками рода и старѣйшинами семьи, такъ, съ другой стороны, по восходящей линіи, они восходили своимъ происхожденіемъ къ темнымъ временамъ миеологическимъ, были потомками боговъ: такъ что въ преданіи о герояхъ народъ выразилъ сознание о родствѣ чловѣка съ богами. И какъ сынъ есть подобіе отца (слич. др. нѣм. авагá образъ и аваго дитя), такъ и въ героѣ являлось божество воплощеннымъ.

Обратимся къ языку. Древнѣйшее понятіе о героѣ, соединившемъ въ себѣ власть политическую со всякимъ нравственнымъ авторитетомъ, выразилось въ словѣ *витазъ*, *witěz*. Понятіе о старѣйшинѣ и предкѣ является въ агс. *vita* *), не только *sapiens*, но и *procer*, *optimas*: *on gemôte vitena—in conventu seniorum*, въ переводѣ *hist. eccl. Bed.*, 3 5. Какъ скр. *сѹрас* перешло въ русское *суръ*—молодецъ, си-

*) R. D. A. 266.

лачь, и какъ скр. *vîra* герой имѣеть при себѣ глаголѣ *vîr fortem esse*, откуда лат. *vir*, гот. *vair*, лит. *wyras*, т. е. *vir fortis*, и какъ гр. *ἥρως* имѣеть при себѣ *Ἠρακλῆς* и даже *Ἄρης*: такъ и витязь, по преимуществу у западныхъ Славянъ, получилъ смыслъ сильного челоуька, побѣдителя *), богатыря. Въ этомъ смыслѣ извѣстны были витязи Адаму Бременскому подѣ формою *Withingi*: „*ipsi enim piratae, quos illi Withingos appellant, nostri Ascomannos, regi Danico tributum solvunt, ut liceat eis praedam exercere a barbaris, qui circa hoc mare plurimi abundant.*“ Въ этомъ же значеніи встрѣчаемъ мы и у Византійцевъ *βιτέριδες* **). Значеніе суффикса *-льз*, *-ing* указываетъ намъ, почему *withingi* есть уже названіе народа. Какъ гр. *ἀρετή* (еще неизвѣстное Гомеру въ смыслѣ нравственнаго понятія добродѣтели) и лат. *virtus* соединяють въ себѣ значенія силы физической и достоинства нравственнаго: такъ у всѣхъ Славянъ, равно какъ и Нѣмцевъ, звукъ *vit-* производитъ отъ себя слова, означающія силу духа челоуьческаго, проявляющуюся въ высшихъ нравственныхъ подвигахъ, какъ: поэтическое творчество, гаданіе и чародѣйство, знаніе и врачеваніе, судъ и расправа:—а именно:

1. *вѣтъскъи* въ *Glag. Cloz.* употребляется для гр. *μυθικῶς*: „аште лі *вѣтъскъи* се а не вѣрно слыши-

*) Шафар. *Slow. Starož.* 349 — 359.

**) *Ducange, Glos. med. graec.*

ши,“ si vero fabulose hoc, et non fidei-gratia audis. Отсюда предполагается, что корень *вѣтъ* будетъ соотвѣтствовать гр-у *μῦθος*. Въ XII в. поэтъ у насъ назывался *вѣтія*: „якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописьци и пѣснотворци“—говоритъ Кирилль Туровск. Пам. XII в. 74. Отсюда объясняется эпитетъ Бояну въ Слово о П. И. — именно *вѣщій*. Такъ всегда въ старину эпитетъ былъ не одной только прикрасою: а находился въ ближайшемъ, внутреннемъ соотношеніи съ самимъ предметомъ.

2. такъ какъ поэтъ былъ и вообще мудрецомъ, то и эпитетъ *вѣщій* могъ имѣть значеніе обширнѣйшее: отсюда *вѣщій* Олегъ, т. е. мудрый, хитрый. Сск. *vitkr* значитъ *magus, vates*. Согласно съ этимъ *вѣщество* употреблялось у насъ въ старину въ смыслѣ колдовства, Карамз. И. Г. Р. 1. пр. 506. Въ глоссахъ Mat. verb.: *veschi* (*вѣщбы*) *vaticinia*, *poetatum saginina*. Отъ сербск. *vješt* *вѣщій*, т. е. умный, происходятъ: *vještina* знаніе, умѣніе, и *вѣщтац*, *вѣщтина* колдунъ и колдунья.

3. врачеваніе было не разлучно съ заговариваніемъ и колдовствомъ: и всѣ народы убѣждены въ силѣ слова человѣческаго, излѣчающаго недуги: потому весьма естественно употребленіе областнаго (въ Вологодск. губерціи) *вѣщетины* въ смыслѣ лѣкарства. И на оборотъ въ старину врачевать имѣло смыслъ колдовать: „мы *урачевахомъ*, яко твое одолѣніе будетъ. той же синклитъ со единомышленными

врачеваніемъ нача ложное царю глаголати“ *) Остромирову врачъ, *iatrós*, соответствуетъ у Ул. *leikeis*, т. е. наше лѣкаръ, переходящее въ нѣм. нарѣчіяхъ въ значеніе колдуна: равно какъ и врачъ у Славянъ ходить и въ смыслѣ колдуна. Власть и сила врача выражаются древнеславянскимъ словомъ *балій*, встречающимся уже въ Фрейзинг. рукописи: *balī telez passih*, *balouvanige*. Шафарикъ **) слово *балій* производитъ отъ *баять*, какъ врачъ отъ *вратъ*: послѣдняго производства держится и Шимкевичъ ***). Но отъ позднѣйшаго значенія глагола нѣтъ возможности объяснить древній смыслъ существительнаго врачъ, уже въ О. Е. употребляющагося. Еще Линде ****) указалъ на сродство звуковъ б и в, напр. въ словахъ бой и вой-на; отъ скр. *бала* сила образовались лат. *valor*, *valeo*, и наши *болій*, *велий*; въ самомъ санскритѣ б и в чередуются, напр. *балг* и *валг*. Следовательно нѣтъ препятствія возвести наше врачъ къ его первоначальному значенію въ скр. *бру* говорить, откуда въ кельт. нарѣчіяхъ *brī* слово, а *brudīwr* предсказатель, пророкъ: послѣднее значеніе приближается къ нашему врачъ. Касательно же слова *балій* надобно замѣтить, что если это слово происходитъ отъ ба-

*) Москвитян. 1844, N 1, стр. 247, 249.

**) Статья о гортанныхъ звукахъ въ *Časop. Česk. Mus.* 1847, N 1, стр. 48.

***) Корнесловъ 1, 33.

****) *Slowik. jęz. polsk.* 1, Этимол. прав. § 16.

ять, то предполагаетъ древнѣйшую форму ба-ти, какъ дѣ-ло, дѣ-ти, и будетъ относиться къ скр. б̄а ar-
ragere, теряющему придыханіе въ нашеть ба, и удерживающему его въ лат. *fagi* и гр. φάγι. Другая только по звуку близкая къ слову балій, скр. форма: бал *sustentare, nutrire*, черезъ б̄ала дитя, т. е. питаемое, подлежащее заботѣ, откуда б̄алья *infantia, pueritia, insania, stultitia*, — производитъ наше ба-ловать, смыслъ коего и въ дѣйств. значеніи и въ среднемъ согласуется съ этимъ производствомъ.

4. какъ готѣское *marl* означаетъ и рѣчь и ἀγορά, такъ и наше вѣче, совершенно соответствующее готѣскому *marl*, означаетъ и то и другое. И какъ гот. *fauga-marleis* собственно судья, такъ и слав. витязь могло имѣть это значеніе, что видно въ Судѣ Любуши, изъ словъ *vyučeně vĕščbam vitiezovym—edoc-tae scientias judiciales*. Тавтологія этого выраженія еще болѣе убѣждаетъ насъ, что Славяне корню вит, вѣт давали значеніе суда и правды. Точно также и у Нѣмцевъ *wetzig* значить *judex*. Такимъ образомъ находимъ и у насъ такую же связь поэзіи и знанія съ закономъ и судебнымъ изрѣченіемъ; какъ и въ лат. *carmen*, напр. у Ливія 1, 10 *lex horrendi carminis*; 1, 13 *verba carminis*; 3, 32 *rogationis carmen* *).

*) *Zeitschr. f. geschichtl. Rechtswis. herausg. v. Savigny, etc.* 1816, 2, статья Гримма: *von der Poesie im Recht.*

5. какъ у Нѣмцевъ *vita* былъ вообще человекъ разумный и почтенный, имѣвшій доступъ къ особѣ короля *): такъ и у насъ, вѣроятно, съ понятіемъ витскаго или вицкаго соединились не только нравственныя достоинства и даръ слова, но и нѣкоторыя почести: „въ то же лѣто присла король Угорьскій *вицкаго*, река: пойми дочерь ми за сына своего Лва.“ Ипат. 185.

Какъ разумъ и даръ слова атрибуты власти и силы, такъ соотвѣтствующій языку органъ, слухъ и оттуда послушаніе — принадлежность того, кто обязанъ повиноваться: отъ корня *слу*, скр. *сру*—слушать, съ суффиксомъ *-га* (идуцій), образуется наше слуга, т. е. спѣшацій, готовый исполнить, что слышитъ, что ему говорятъ **). Значеніе раба это слово не могло имѣть; но, подобно родственному съ нимъ и по значенію, и по звукамъ лат. слову *cliens* (*cliens*, *cliene*, *ἑκλον*: скр. *сру*, наше *слу=clu*), могло образоваться изъ понятій объ отношеніи челядинцевъ къ домовладыкѣ. Переводчики Св. Писанія употребляютъ слуга, служба служити, безъ различія, для выраженія всякой обязанности, не только религіозной, но и общественной; и такимъ образомъ этими словами сглаживаютъ въ славянскомъ текстѣ слѣды прежней жизни, какъ гражданской, такъ и рели-

*) D. R. A. 267.

**) Юнгманъ это слово почему-то сличаетъ съ нѣм. *Schalk*.

гюзной: между тѣмъ какъ у Ульфины имъ соответ-
 ствуютъ съ одной стороны слова, намекающія на
 устройство гражданское, а съ другой имѣющія смыслъ
 мнѳологическій; и, что еще замѣчательнѣе, въ древн.
 нѳм. переводахъ мнѳологическій намекъ Ульфины пе-
 реводится терминомъ значенія гражданского: равно
 какъ и у Ульфины иногда смѣшивается и то и дру-
 гое. Наши переводчики облегчили себѣ трудъ въ
 этомъ случаѣ, постоянно употребляя одно и тоже
 слово, получившее отъ того характеръ болѣе отвле-
 ченный. А именно:

1. πάντων δίακονος, всѣмъ слуга, Мр. 9, 35, у
 Ул. allaim andbahts. — ἀποδούς τῷ ὑπηρετή, въдавъ
 слузъ, Лук. 4, 20, у Ул. andbahta. Гот. andbahts
 извѣстно было и Римлянамъ въ формѣ ambactus за
 слово гальскаго происхожденія, хотя и производи-
 мое Скалигеромъ отъ лат. ambigere. См. Caesar
 de V. G. 6, 15. Въ салич. законахъ читаемъ:
 nam si in dominica ambasia (in jussione regis) fuerit
 occupatus, manñire non potest, 1, 4, ambasia вмѣсто
 ambascia. Не будемъ рѣшать спора, кому это слово
 принадлежитъ первоначально, Галламъ или Готамъ *).
 Для насъ гораздо важнѣе измѣненіе его между нѳ-
 мецкими племенами: др. нѳм. ampraht, ас. ambiht, скн.
 ambátt, дат. embede: такъ что послѣдовательный пе-

*) Diez, Gram. d. roman. spr. 1836, 1, 24—25. — Das alte
 Recht d. Salischen Franken, v. Waitz, 1846, стр. 279.

реходъ не представляет затрудненія въ нашемъ ябедникъ видѣть гот. *andbahts*, и тѣмъ болѣе въ Рус. Пр. *ябетникъ*, въ коемъ звукъ *m* еще свидѣтельствуеть о древнѣйшей формѣ; нынѣшній же ябедникъ ведетъ свою исторію уже отъ искаженной формы, ябеда, согласной по звуку *d* съ дат. *embede*. Какъ ябетникъ отъ слуги дошелъ до сана человека, облеченнаго властію судебною, такъ и древнерусскій *тиунъ* или *тивунъ* у Ул. является въ формѣ *rius* и въ значеніи *ὀκέτης*, въ О. Е. рабъ, Лук. 16, 13. Какъ ябетникъ перешелъ къ намъ не прямо отъ Готѣвъ, но черезъ племена сѣверныя, такъ и *тиунъ*, что доказывается ски-мъ *riou servus*, объясняющимъ и въ нашемъ *тиунъ*; касательно же формы *тивунъ*, слѣдуетъ замѣтить, что она хотя объясняется и языкомъ славянскимъ, однако для подкрѣпленія сродства обратимъ вниманіе на род. падежъ гот-го *rius*, *rivis*. Вотъ что Бутковъ *) говоритъ о *тивунъ*: „если и теперъ въ финскомъ языкѣ *tuomio* означаетъ публичное судилище, *tuomagi* — публичнаго земскаго судью; то же, что у Шведовъ *dom*, *domare*; то изъ самаго русскаго произношенія явствуетъ, что имя *тиуна*, *тивуна*, *тивона*, ближе согласуется съ туоме-номъ чудскимъ.“ Но слово родственное финскому *tuomio* у насъ существуетъ, и притомъ въ формѣ болѣе чистой, именно *дум-ать*, *дума*, которое еще въ гот. языкѣ находитъ себѣ родное *dōmjān dīkaiōv*,

*) О финск. слов. въ рус. яз. стр. 47.

арс. *dōm* и скн. *dōmŕ judicium*, и потомъ уже др. нѣм. *tuom*, стоящее на одной ступени съ фин. *tuonio*. Чтобы изъ этихъ словъ вывести нашего тивуна, надобно предположить трудный переломъ звуковъ *uo* въ *i*, своевольное образованіе окончанія, и даже случайное удержаніе *t* вмѣсто *d*. Родство нашей думы съ *dōm*, *dōmŕ* подкрѣпляется сближеніемъ другаго слова, близкаго къ нему по значенію: ставить въ смыслъ утверждать, судить и рядить, откуда у-ставъ: является въ гот. *staua xriŕa* и *staujan xriŕein*, ср. нѣм. *süowen*. Гриммъ *) предполагаетъ др. нѣм. форму *stuowa*. И такъ отвлеченныя понятія, выражаемыя въ переводѣ Св. Писанія словами *слуга* и *служба*, могли легко принять форму болѣе определенную въ словахъ *ябетникъ* и *тиунъ*.

2. особенно явствуется единство употребленія въ слав. текстѣ словъ *служба*, *служить*, тамъ, гдѣ у Ульфиллы являются разнообразныя намеки на язычество: а именно: а) *λατρείαν προσφέρειν*, *службѣ* приносити, Ио. 16, 2; у Ул: *hunsla saljan*. Языческое понятіе слова *hunsl* объяснено выше. б) *ἐγένετο δὲ ἐν τῷ ἱερατεῦσιν αὐτὸν*, бысть же служащу ему, Лук. 1, 8, у Ул: *varþ þan miþþanei gudjinoda is*. — Гот. *gudjinon ἱερατεῦσιν*, *gudjinassus ἱερατεία* происходитъ отъ *gudja* жрецъ, имѣющаго корень въ словѣ *guf* богъ, точно также какъ латыш. *deewaredsis* ворожея, га-

*) D. R. A. 748—749.

датель, колдунъ, происходитъ отъ ðeews богъ. в) λα-
 τρείαν, служеніе, Посл. къ Рим. 12, 1, у Ул bloti-
 passu. Для объясненія этого мѣста слѣдуетъ взять
 въ соображеніе въ О. Е. Іо. 9, 31 богочытьць, θεο-
 σεβής, у Ул. gudblöstreis, откуда предполагается сун.
 blöstr (cultus, oblatio), соответствующее нашему слу-
 женію, въ смыслъ почитанія; языческое значеніе это-
 го слова видно въ Еддѣ: Thór blöta, mik blöta, blö-
 tadi Odín, въ древн. шв. blötkarl языческій жрецъ.

3. какъ Ульфила, такъ и др. нѣм. переводы смѣ-
 шиваютъ термины миеологическіе съ понятіями жи-
 зни общественной, тамъ, гдѣ въ О. Е. мысль выра-
 жена отвлеченнымъ понятіемъ службы: αἱ ἡμέραι
 τῆς λειτουργίας αὐτοῦ, дѣнии службы его, Лук. 1,
 23. Ул. довольствуется словомъ andbahteis, тогда какъ
 выше, о томъ же самомъ предметѣ выражается ми-
 еологическимъ терминомъ gudjinoda, gudjinassus, Лук.
 1. 8, 9. Точно такую же замѣну находимъ мы въ
 Tat. Harin. Ev.: ambaht bringan соответствуетъ миео-
 логическому выраженію Ульфилы: hunsla saljan, т. е.
 служба приносить, какъ въ О. Е. Іо. 16, 2. Такъ
 сталкивались разнородныя понятія, утрачивая свою
 прежнюю цѣнность, и какъ бы сглаживали съ себя
 слѣды впечатлѣній дѣйствительности, равнодушно
 замѣняя другъ друга. Такой борьбы понятій слав.
 переводъ Св. Писанія не предлагаетъ, возводя раз-
 нообразіе жизни къ общему понятію о служеніи.

4. въ слѣдствіе того служеніе и служба легко
 могли замѣняться грецизмомъ: ибо сочувствіе съ дѣй-

ствительностию было уже нарушено и безъ того, а отвлеченность легко выражается и чужеземнымъ словомъ: *χατὰ τὸ ἔθος τῆς ἱερατείας*, по обычаю перенескууму, Лук. 1, 9, у Ул. *gudjinassaus*, Tat. Harm. Ev. *ester giuonou thes biscofheites*.

8. РАЗШИРЕНИЕ ДОМАШНЯГО КРУГА ВОЗВРЪННІЙ ВЪ ЯЗЫКЪ.

Вторженіе чуждаго племени нарушаетъ тишину и порядокъ семейныхъ и родовыхъ отношеній. Столкновеніе народовъ въ доисторическую эпоху остается памятно народу только въ эническихъ преданіяхъ и въ языкъ: къ порядку же общественному, выработавшемуся въ слѣдствіе борьбы съ чуждыми племенами, народъ привыкаетъ, какъ къ своей наследственной собственности. Понятіе о жизни государственной и народъ, какъ собраніи лицъ одного рода и племени, не могло образоваться мимо вліянія чуждыхъ племенъ и народовъ. Исторія славянскаго языка положительно указываетъ, что прямо изъ жизни семейной и отношеній, ея опредѣляемыхъ, нельзя вывести всего многосложнаго устройства государственнаго, не предпославъ чуждаго вліянія въ образованіи понятій общежительныхъ и государственныхъ въ языкъ Св. Писанія. Древнѣйшимъ слоємъ языка конечно должно признать слова, выражающія бытъ семейный и родовой: потому онѣ и стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ санскритомъ. Но за нимъ надобно признать вторымъ, позднѣйшимъ, образовавшимся въ періодъ доисторическаго сближенія племенъ: слой

племенной. Воспоминанія о древнѣйшихъ врагахъ одѣваетъ фантазія народа мифическими красками. Все стародавнее будто уходитъ въ какой-то сумракъ, и раздражаетъ воображеніе чудесными очертаніями. И какъ прадѣды кажутся героями полубогами, такъ и стародавніе враги, сохранившіе по себѣ темные слѣды въ памяти народной, по мѣрѣ своего удаленія въ вѣка прошедшіе, все болѣе и болѣе вырастаютъ въ фантазіи народа, и становятся гигантами, хотя и людьми, но необычайными для людей обыкновенныхъ. Темная старина становится содержаніемъ народнаго эпоса, и тѣмъ уже опредѣляетъ въ немъ необходимость чудеснаго: старина въ особенности своими чудесами и живетъ въ памяти народа. Слово еще глубже проникаетъ въ отдаленныя времена, и, служа оболочкою мифа, носитъ на себѣ слѣды эпическаго представленія. Великанъ, существо сверхъестественное, носитъ названіе чуждаго народа, съ которымъ во времена доисторическія входилъ языкъ въ соотношеніе. Наши Венды были уже врагами Оди́ну, съ которымъ вели долгую войну: память о нихъ сохранилась въ Эддѣ, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Вановъ, полубожественныхъ существъ.

Славяне Анты были уже извѣстны Англосаксамъ какъ великаны: агс. ent великанъ: Ercol se ent, Hercules gigas, Алфр. переводъ Орозія. Такъ и у насъ чужіе народы дали свое названіе великанамъ: 1) Обръ, чеш. obr, др. пол. obrzym, луж. ho-bog, какъ названіе великана, совершенно согласуется съ эпическимъ преданіемъ у Нестора о сильныхъ и

гордыхъ Обрахъ, творившихъ насмѣхъ Славянамъ: такъ что слова его могутъ служить попененіемъ тому, какъ и въ языкѣ, и въ народныхъ мнѣяхъ враги являются въ видѣ великановъ: „быша бо Обръ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остана ни единъ Обръинъ; есть притѣча въ Руси и до сего дня: погибоша аки Обръ. ихъ же нѣсть племени, ни наследка.“ Лавр. 5. Народъ погибъ, но притча, т. е. преданіе эпическое, запечатлѣнное въ языкѣ словомъ Обръ-великанъ, осталась въ народѣ. — Отсутствіе носоваго звука и особенно въ древн. польскомъ, именно въ Псалт. Королевы Маргариты: obgzim (а не abg-) препятствуетъ сближать это слово съ кельтскимъ ambro (воинъ), какъ это сдѣлалъ Шафарикъ *). Въ одномъ древнемъ преданіи упоминается авар-великанъ **) Скорѣе сближается обръ съ гот. abrg сильный, агс. abal сила: переходъ нѣм-го а въ слав. о случается, напр. гот. ага, ски. агі, др. нѣм. аг—орель. 2) Исполнѣнь, и безъ приставнаго и: сполнѣнь, какъ въ др. сербск. 1495 года, и въ др. булг. Псалт. 1577 г. възрадуѣет се яко сполнѣнь теши путь, Пс. 18, 6. Въ словѣ сполнѣнь сохранилась память о воинственномъ народѣ, именемъ *Спалеи* или *Спали*, племени скийскаго или чудскаго, жившемъ между Дономъ и Волгою, и въ концѣ II-го вѣка столкнувшемся съ

*) Slov. Starož. 316 — 318.

**) D. M. 269.

Готами при Черномъ морѣ *). 3) Шудъ, въ смыслѣ великана и чудовища: Бздр. 5, 8: жены болѣзливья породятъ шуда. Если взять въ соображеніе переходъ ск въ щ и ч, напр. skig, ширь, чирь; scitum щить: то шудъ окажется неизмѣнною славянскойю формою имени народа *Συθης*, *Skytha*; и какъ щ сокращается въ ч, такъ и шудъ переходитъ въ чудъ, имя народа Чуди, откуда чудо, чудитиса. Отсутствіе этихъ словъ у Чеховъ, Лужичанъ и Полабцевъ, какъ племень отдаленнѣйшихъ отъ Чуди, служитъ немаловажнымъ свидѣтельствомъ происхожденію слова Шудъ. Въ О. Е. уже только въ общемъ понятіи *divinacum* чудитиса, чудо, чудеса. Но какъ щуръ освобождаетъ к изъ щ въ корь: свекоръ; такъ и шудъ, чудес-а является въ формѣ древнѣйшей, въ словѣ кудес-никъ, и въ значеніи чисто миеологическомъ **). Для объясненія миеологическаго смысла въ словахъ: шудъ, чудитиса, обратимъ вниманіе на миеологическое существо дивъ, напр. въ Сл. а П. И. „дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемъ,“—и въ сербск. пѣснѣ, Іован и дивски старѣшина, собр. Вук. Стеф. Кар. изд. 2, кн. 2, N 8, гдѣ дивы являются сверхъестественными чудовищами, можетъ быть великанами. Какъ дивъ имѣетъ при себѣ диво и дивиться, такъ и шудъ—чу-

*) Шафар. Slov. Staroj. 263 — 264.

***) Шафарика статья о германскихъ звукахъ въ *Časop. Česk. mus.* 1847, 1, стр. 54.

до и чудится: съ тѣмъ только различіемъ, что послѣднее образовалось исторически, въ слѣдствіе сближенія Славянъ съ племенами скандинавскими; первое же искони принадлежало Славянамъ, какъ отрасли языковъ индоевропейскихъ: какъ скр. дивъ свѣтити, черезъ мнѣмологическое дивъ, переходитъ къ дивитися: такъ и слав. зоръ, свѣтъ, по тому же соответствію ощущенія предмету ощущаемому, имѣетъ при себѣ зрѣть, т. е. видѣть.

Какъ народы, съ коими Славяне познакомились уже впоследствии и короче, не могли казаться существами необыкновенными, и не вошли въ народный мнѣ въ видѣ героев-великановъ; такъ и языкъ, согласно съ фантазією народа, созналъ ихъ только какъ нечто чуждое, народу не принадлежащее. Въ О. Е. ἀλλότριος переводится не только формою: шужь, шужди, но и древнѣйшею: тужди, л. 72. Это слово правильно проходитъ въ славянскія нарѣчія, по закону, измѣняя т въ щ, ч, ц, и д въ жд, ж, дз, з; а именно: сrb. тудъ, (хрв. туји) ц. с. шуждъ, р. чужой, пол. cudzy, луж. cuzi, др. чепъ cuzi. Этимъ словомъ Славяне сознали свое отношеніе къ Нѣмцамъ, ибо въ первичной своей формѣ, тудъ, оно прямо происходитъ отъ гот. riuda народъ, ски. riud, агс. reod, др. нѣм. diot: откуда г. riudiskō ἑθνηκός, въ памятникахъ IX в. theodiscus не только въ смыслѣ нѣмецкаго, но и варварскаго. Литовцы нѣмецкую землю называютъ tautà. Вѣроятно въ

нѣм. *riuda* надобно искать происхожденіе слову *tot*,
 коимъ Венгры называютъ Славянъ *).

Память о другомъ древнѣйшемъ народѣ, именно Волохахъ, сохранилась въ глаголь вльснати (*balbitire ψαλλίζειν*), въ *Glaz. Cloz.*: и мѣзици вльснати научатся глѣти миръ, *Исаи 29, 24*; въ испр.: и языцы вѣмотствующи научатся глѣти миръ. А Готѣи и Англосаксы наоборотъ отъ Славянина образовали глаголы *slavan*, *slavian* для означенія молчанія, *swakān*, и съ приставками: *apa-slavan*, *ga-slavan*. Такъ негостеприимно отразились въ языкѣ первыя встрѣчи народовъ и племенъ другъ съ другомъ **).

По мѣрѣ знакомства съ другими народами, расширяется понятие о вселенной. Это особенно явствуетъ въ лит. языкѣ, въ коемъ понятие о свѣтѣ, т. е. мѣрѣ, соединяется съ понятіемъ чужестраннаго, чужаго, а именно: *swētas* мѣрѣ, сборище; *swētimas* чужестранецъ, *sweczias* гость, *swettur* чужая страна. Такъ трудно отдѣлится языку отъ своихъ домашнихъ впечатлѣній, что онъ иногда всеобщее охотнѣе приметъ за чуждое своему домашнему, нежели распространить свое домашнее, семейное до необъятнаго круга всечеловѣческаго. Такъ въ О. Е. употребляетъ

*) Третье издан. Грим. *Deutsch. Gram.* I, 12 — 20.

**) С. П. Шевыр. *Ист. Рус. Слов.* выпускъ I, стр. 109.

ся слово *страна*, отъ скр. *стри* и нашего *стер-ти*, и притомъ слово древнѣйшаго образованія, о чемъ свидѣтельствуесть форма причастія *-на*, такъ что звукъ *н* уже въ лат. *sternere* вошелъ въ самый глаголъ, подобно нашему глаголу *стану* отъ *стать*, откуда причастная форма *станъ*. Наша совершенная форма глагола въ образованіи словъ равнозначительна формѣ прошедшаго времени; такъ что нашему *сн-уть*, *сп-н-уть* соответствуютъ существительныя, какъ бы въ формѣ причастій: скр. *swan-na* сонъ отъ *swan* спать, гр. *ὕπνος*, л. *son-nus*, лит. *sár-pas*, скн. *svēf-n*: и такъ древнѣйшему и по корню, и по суффиксу слову *страна* въ греч. тексѣ соответствуетъ *χώρα*, у Ул. не только *land*, но и *gavi*, напр. бысть гладь крѣпкъ на странѣ той, Лук. 15, 14. у Ул. *varþ huhgus abgs and gavi jainata*. Гот. *gavi* стольже глубоко коренится въ языкахъ индоевропейской отрасли, какъ и наше *страна*. Скр. *gò* имѣеть два значенія: земля и быкъ; откуда въ келт. образуются два сродныя слова: *ge* земля и *gath* быкъ; въ гот. только въ смыслѣ земли *gavi* (сл. гр. *γαῖα*), коему соответствуетъ скр. *гава* быкъ, употребляющееся только въ сложениі, напр. *пун-гава* быкъ, отсюда наше старинное *говъ-до*, у Литовцевъ уже потерявшее свой первобытный смыслъ: *gowedà* по-лит. значить множество, толпа, и весьма мало уже употребляется, только въ нѣкоторыхъ обычныхъ выраженіяхъ. Шафарикъ *)

*) *Časop. Česk. Mus.* 1847, I, стр. 42.

говядо производтъ отъ гонти (zapage) черезъ говѣти, сближая гонти, говѣти, говядо съ жити (ниж. луж. žisch zapagi), живити, живиче (pecus), или наше животы въ смыслѣ скота. Но скр., кельт., гот. формы исторгають это слово изъ предѣловъ домашняго его образованія. — Тогда какъ гот. gavi означаетъ домашнюю собственность, наше страна, уже въ О. Е. употребляющееся и въ смыслѣ посторонняго напр. одесннхъ страна *εις τὰ δεξιά μέρη*, л. 209, производтъ отъ себя прилаг. странннхъ *ξένος*, которое стоитъ къ страна въ такомъ же отношеніи, какъ лит. *swėitnas* къ *swėtas*. (Такъ неподатливъ языкъ къ составленію словъ, имѣющихъ смыслъ общечеловѣческаго, что даже названіе области или страны, въ противоположность дому и семьѣ, производтъ отъ себя значеніе странника, сторонняго.)

Если же языкъ образуетъ въ древнѣйшую пору своей исторіи слова для понятія о всемъ мірѣ; то въ этомъ случаѣ руководствуется тѣмъ же ограниченнымъ кругомъ зрѣнія, какой заставляетъ дѣтей ограничивать весь міръ небосклономъ, окружающимъ ихъ родину. Скр. мадѣямалока, состоящее изъ мадѣяма *medius* и лока *mundus*, т. е. земля, едвали потому только такъ называется, что находится, по вѣрованію, между небомъ и адомъ, какъ объясняетъ Боппъ; но, вѣроятно, вмѣстѣ съ гот. *midjan-gards* т. е. *media domus, medius hortus*, коему въ О. Е. соответствуетъ вселенная, *οἰκουμένη*, скн. *midgardr*, — это скр. слово вполнѣ выражаетъ наивное впечатлѣніе чловѣка, смотрящаго на весь міръ съ порога сво-

его родного дома. Самый языкъ могъ дать въ послѣдствіи поводъ къ мнѳологическимъ образамъ и толкованію, имъ соответствующему. Следовательно если названіе домашняго порядка или даже самаго дома возвышается до понятія о вселенной: то не надобно думать, чтобы этимъ народъ равнодушно мѣнялъ свой родной кровъ на чужое жилище и становился безпристрастенъ къ родинѣ, находя ее вездѣ: напротивъ того онъ только ограничивалъ для себя весь міръ тѣснымъ крутомъ своихъ домашнихъ отношеній. Это ясно свидѣтельствуетъ намъ скн. heimr, собственно означающее родину, домашній кровъ, что видно изъ словъ heiman изъ дому, heim домой, heima взять кого въ домъ, heimskr глупый, т. е. домосѣдъ: и потомъ разширяющее свое значеніе до вселенной, и heimskringla эк. orbis terrarum. Скн. heimr одного происхожденія съ himinn, himil, точно также какъ наше свѣтъ означаетъ вселенную и вмѣстѣ прозрачную атмосферу. Любовь къ родинѣ, одно изъ первоначальныхъ благороднѣйшихъ чувствъ возникающаго народа, со всею теплотою и воодушевленіемъ выражается въ языкѣ, что особенно видно въ слѣд. скн. формахъ *): minnr собственно значить радость, а потомъ жилище, домъ; также upa первоначально радеваться, а потомъ жить: minnarheimr, uparheimr (minnenheim) собственно значить жилище радости и веселья, но употребляются въ смыслѣ дома, родины, домашняго крова.

*) Lieder d. alt. Edda, стр. 182—184.

Въ О. Е. миръ имѣеть два значенія: *áirŭnŭ* и *xá-
 цоc*; первое есть собственное, всѣми славянскими пле-
 менами признанное значеніе; второе вышло изъ пер-
 ваго, какъ распространеніе его, можетъ быть выз-
 ванное переводомъ Св. Писанія, и невошедшее во
 всеобщее, единоголасное употребленіе между Сла-
 вянами: не нужно и доказывать, что различное на-
 чертаніе этого слова для двухъ различныхъ значе-
 ній есть случайное дѣло позднѣйшихъ грамотниковъ.
 Происхожденіе слову и начальное его употребленіе
 слѣдуетъ открыть въ первомъ его значеніи. Какъ
 пиръ происходитъ отъ *ни-ть*, и сознаніе этого про-
 исхожденія мы находимъ уже въ древнѣйшемъ языкѣ;
 напр. въ пск. грам. *) лица на пиру именуется
пльцами, а глава пира, староста пировой, государь
 пировой: такъ и миръ предполагаетъ себѣ корень
ми, который дѣйствительно и находимъ въ скр. *mŭ*
идти, по Боппу, сродный съ *má* не только мѣрять,
 но и идти, слѣдовательно ходомъ, движеніемъ из-
 мѣрять. Отъ первоначальнаго *ми* образуется наша
 совершенная форма на *-ну*: *ми-ну*: слѣдовательно миръ,
 мимо санскрита, въ недрахъ своего языка находитъ
 сознаніе своему происхожденію. Гот. языкъ сочув-
 ствуетъ основному значенію нашего миръ: у Ул. ему
 соответствуетъ, въ первоначальномъ значеніи, то
 есть, какъ *áirŭnŭ*, — *gawairŭi*, во всей ясности про-
 изводная форма отъ глагола *wairŭan* идти, бывать,

*) Изд. Мурзакевичемъ, стр. 6.

случаться. Следовательно г. gawaiŕi, по своему происхождению, выражает ту же мысль, что и наше миръ, и объясняет его производство: одно и то же воззрѣніе вызвало и то и другое слово: понятіе о *сходкѣ*, о сборищѣ, весьма естественно вытекаетъ изъ основнаго значенія слова *миръ*, предполагая коренной глаголъ ми-идти. Какъ скр. *mā* заключаетъ въ себѣ значеніе мѣры, такъ и у Славянъ миръ сближается своею формою съ мѣра, напр. у Лужичанъ: *mĕr* *рах*, *mĕra modus*, соединяющіяся, или смѣшивающіяся въ прилаг. *mĕrny*. Какъ лит. *mė-tas* годъ родственно по происхожденію съ нашимъ миръ, ибо время измѣряется движеніемъ: такъ въ др. нѣм. памятникахъ въ значеніи міра или вселенной употребляется *wĕralt*, т. е. *wergō alt—virogum aetas*. — Для точнѣйшаго опредѣленія значенія слова миръ, слѣдуетъ обратить вниманіе на соответствующій ему порядокъ словъ, хотя сходныхъ по воззрѣнію, но значенія болѣе матеріальнаго, именно: тварь, творъ, створеніе. Какъ миръ происходитъ отъ ми—иду, такъ и тварь, творити, первоначально имѣетъ тоже значеніе въ скр. *твар* *идти*, *поспѣшать*; какъ понятіе о ходѣ и движеніи опредѣляетъ смыслъ мѣры, такъ и тварь употребляется въ значеніи фигуры, очертанія, и потомъ лица, животнаго, и т. д.; и наконецъ луж. *stworéne* значить міръ, вселенная. Родство воззрѣній санскрита въ образованіи словъ миръ, мѣра, творъ, тварь, створеніе—снова возникаетъ въ эпической формѣ Эдды: *miötudr creator*, собственно же *mensor*, *moderator*, измѣритель, примиритель. Это воз-

звѣніе перешло и къ др. нѣм. поэтамъ, употребляющимъ *mezzep* для означенія мѣры и согласія въ твореніи.

MS / Нравственное понятіе мира выступаетъ въ его юридическомъ значеніи *). Единогласіе въ общественныхъ дѣлахъ рода и племени зависитъ отъ мира: потому и судятъ и рядятъ миромъ. Въ XIII в. миръ имѣетъ уже значеніе пошлины, какъ дѣла мирскаго, общественнаго: *tributum quod mir vocatur et alias exactiones que terre incolis inferri consueuerunt* **). Понятіе общенія, заключающееся въ словѣ миръ, да- ло возможность переводчикамъ Св. Писанія употребить его въ смыслѣ *xóσμoς*. Ул. для этого значенія употребляетъ иныя слова, нежели для *ἰρῆνῃ*, а именно: *mapasépa*, состоящее изъ *mapa* *vig* и *sépa* *satus*, сѣмя, следовательно собственно *vigogum satus*, что можно перевести нашимъ племя; и другое слово: *fairhvus*, сохранившееся въ агс. *fēogh* жизнь и въ др. н. *fērah*, *ferh* душа. Любопытно обратить вниманіе на то, какъ Ул. тремя различными понятіями выразилъ значеніе нашего слова миръ, восходя отъ понятія о бытіи и движеніи до нравственнаго понятія о чело- вѣкѣ. Переводчикамъ Св. Писанія предстояло возвести домашнее и общежительное понятіе мира или міра до общечеловѣческаго *xóσμoς*; и это послѣднее зна-

*) С. П. Шевырева Истор. Рус. слов. выпускъ I, стр. 62—63.

**) *Hanky zbirca neydewn. slown.* стр. 328.

чнiе; какъ литературное, не могло распространить-
ся по всемъ славянскимъ племенамъ. Изъ перевода
 Св. Писанiя слѣдуетъ заключить, что κόσμος не пря-
 мо былъ переведенъ мiромъ, но описательнымъ вы-
 раженiемъ: весь мiръ, т. е. все сборище, весь со-
боръ людей: что явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ
 О-а Е-я τοῦ κόσμου, всего, мира; а въ испр. уже
 просто: мiра, Io. 6, 51. καὶ ἠρτάλα αὐτοὺς ἐς τὸν
 κόσμον, и азъ послахъ м въ весь мiръ; въ испр.
 тоже просто: въ мiръ, Io. 17, 18. ζωὴν διδοὺς τῷ
 κόσμῳ, дали животь всему миру, къ испр. опять:
 животь мiру, Io. 6, 33. ἐν τῷ κόσμῳ, въ всемиръ
 (sic), въ испр.: въ мiръ, Io. 17, 13. ταῦτα λέγω ἐκ
 τοῦ κόσμου, си глаголю въ всемь мiръ, въ испр.:
 въ мiръ. Слѣдовательно эта древнѣйшая, описатель-
 ная форма служитъ какъ бы переходомъ отъ соб-
 ственнаго значенiя слова мiръ, мiръ, къ значенiю ли-
 тературному κόσμος. Смысль прилагательнаго мирской,
 уже въ XI в. напр.: какъ нарѣчiе, употребляющагося
 въ припискѣ къ О. Е: „въ крѣщенiи Иосифъ. а мирь-
 ски Остромирь“—ясно указываетъ, что у насъ слово
 мiръ въ своемъ прилагательномъ удержало только
 понятiе общества, въ противоположность церкви.

Враждебныя отношенiя племень не могли не на-
 бросить нѣкоторой тѣни на древнѣйшiя понятiя о
 челоувѣчествѣ. Негостепрiимная встрѣча съ чужимъ
 укрѣпляла любовь къ домашнему крову и семьѣ.
 Защита своего и нападенiе на чужое вызывали вой-
 ну, которая первоначально могла быть единствен-

нымъ поприщемъ для развитія идей о народахъ и
человѣчествѣ. Потому и въ языкѣ понятія о толпѣ,
множествѣ, сборищѣ, соединяются съ понятіемъ о
войнѣ. А именно :

1. отъ другъ (отъ скр. дру иду, слѣдую; точно так-
же какъ суфф. тара въ словѣ втор-ой сродень съ три
переходить,—съ суфф. га идущій; слич. чеш. dráha въ
смыслѣ свиты) происходитъ дружина, употребляю-
щеся въ О. Е., согласно съ своимъ происхожде-
ніемъ, какъ *itineris socii*, *солодіа* : Лук. 9, 44 въ
дружинѣ смѣхъ, *ἐν τῇ σολοδίᾳ ἴσχυι*, (*in comitatu*);
тоже понятіе, согласно съ начальнымъ смысломъ на-
шей дружины, и у Ул: *in gasinþjan*, отъ *sinþan* ид-
ти, странствовать; наконецъ подтвержденіе тому же
находимъ и въ *Tat. Nar. Ev. in therō samantfertī*.—

Наша дружина между народами европейскими искони
имѣла смыслъ воинственный: что свидѣлствуютъ
не только нарѣчія нѣмецкія, но и средневѣковая ла-
тинь и языкъ византійскій. А именно: дружина на
средневѣковой латини *drungus*, напр.: *scire dux de-
bet contra quos drungos, hoc est, globos hostium,*
quos equites oporteat poni; *Veget. 3, 16. aut a*
vagantibus globis, quos vocant drungos, ibid. cap.
19. Греческое *δρουγγος*, по мнѣнію Дюканжа, заим-
ствована уже изъ латини; однако большее развитіе
этого слова въ производствѣ у Византійцевъ свидѣ-
тельствуешь, что имъ оно было, можетъ быть, еще
болѣе извѣстно, напр. отъ *δρουγγος* истрѣмается на-
рѣчіе: *δρουγγιστή*, т. е. дружинно, дружески; тогда

какъ въ латинцъ соотвѣтственнаго ему не находимъ. Къ греческимъ и латинскимъ писателямъ сред. вѣковъ это слово могло войти постольку же отъ Славянъ, какъ и отъ Нѣмцевъ, хотя издатели Ульфилова текста, Габеленцъ и Лёбе *), и приурочиваютъ его происхожденіе только Нѣмцамъ. Касательно носоваго звука въ греческомъ и среднелатинскомъ начертаніи этого слова тоже затрудненіе являетъ гот. *drauhts*, какъ и наше *другъ*: и въ томъ и въ другомъ случаѣ предполагается носовое произношеніе Византійцевъ, будетъ ли это слово нашего, будетъ ли нѣмецкаго происхожденія. Болгарское *дронгаръ* относится въ исторіи языка уже къ позднѣйшему періоду, будучи византійскаго происхожденія. Теперь обратимся къ исторіи нашего слова *другъ* у нѣмецкихъ племенъ. Замѣчательно, что у нихъ въ древнѣйшей формѣ это слово ближе къ славянскому *другъ*, именно у Готтовъ: *drīgan*—исправлять воинскую службу, быть въ дружинѣ, откуда *gadrauhts* солдатъ, *drauhtinassus* дружина, др. нѣм. *ga-drusci cohors*. Въ агс. еще не столь искажены формы: *drīht comitatus*, дружина, откуда *drīht-guma* дружинникъ и *drīhten* начальникъ дружины или *drungarius*, *δρουγάρως*, какъ называютъ его лат. и греч. писатели. Какъ Готы, ближайшіе къ Славянамъ, сохраняютъ и форму *drīgan*, ближайшую къ славянской; такъ Норманы, на отдаленномъ сѣверѣ, болѣе другихъ

*) Ulfilas, II, I, стр. 49.

Нѣмцевъ удалились формою этого слова отъ Славянъ: скн. drōtt толпа, слуги, дружина, drōttna владѣть, царствовать; drōttinn господинъ. Какъ у насъ начальное значеніе дружины заключаетъ въ себѣ понятіе о дружбѣ и согласіи, такъ и гот. draughts значить собственно мирная дружина, народъ, хотя и происходитъ отъ глагола driugan воевать: это противорѣчіе гот. языка разрѣшается просто, если мы примемъ за основу наше славянское дружина, и тѣмъ охотнѣе, что уже въ древнѣйшую пору это слово вошло у насъ въ кругъ семейныхъ понятій: въ припискѣ къ О. Е. читаемъ: „и подружью его. Теофанъ;“ такъ названа жена Остромира. Другое, еще важнѣйшее противорѣчіе въ значеніи этого слова въ нѣм. нарѣчіяхъ тѣмъ болѣе убѣждаетъ насъ въ славянскомъ его происхожденіи. А именно: въ Салич. зак. читаемъ: si quis puellam sponsatam, quae druchte ducitur ad maritum—moechatus fuerit; вариантъ: si quis puellam sponsatam, druchte ducente ad maritum, и проч. Для объясненія druchte въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно важна слѣд. древняя глосса, приводимая Муратори: truchte, id est, per nuptiatores. Слѣдовательно druchte, draughts означало въ старину нашего дружку: и потому только первоначальнымъ значеніемъ, въ славянскихъ нарѣчіяхъ сохранившимся, можетъ быть объяснено, какимъ образомъ одно и то же draughts, drucht могло означать и война, дружину, и дружку. Согласно съ формою Салич. зак.: drucht, находимъ др. нѣм. truhti-gumo и arc. dryht-

gimva, оба въ значеніи дружки *). Слѣдовательно въ нѣм. нарѣчіяхъ рядъ словъ, соответствующихъ нашимъ другъ, дружина, подружіе, дружка, — является ~~переходъ отъ значенія дружки и друга къ значенію толпы, воинства, народа.~~

2. подобное же явленіе представляетъ намъ и исторія слова полкъ, плѣкъ, чеш. pluk, пол. pulk, кр. ruk. Добровскій **) такъ обозначаетъ его исторію: castra veteribus, recentioribus agmen, legio. Въ переводѣ Св. Писанія дѣйствительно встрѣчаемъ его въ смыслѣ: *παρεμβολή*: повелѣ отвести его въ полкъ, Дѣян. Ап. 21, 34. Но у Чеховъ, уже въ IX в. находимъ и во второмъ значеніи: „roda stara tetui popeloua, „ien se p̄de s pleki s sehovimi „u se se sirne ulasti p̄tri geki — рода стара тетвы попелова, ен-же приде съ плѣкы съ чеховыми въ се-же жирне власти прѣсъ три рѣкы. — Слѣдовательно оба значенія имѣютъ одинаковое право на древность, судя по памятникамъ письменности. Въ отношеніи же смысла второе далѣе восходитъ въ старину. Въ Судѣ Любуши полкъ употребляется явно въ смыслѣ дружины, соединяющемъ въ себѣ значеніе не только Остромирова *συνδία*, но и нѣмецкихъ *draúhts*, *gadraúhts*, *gadrusci* и др. Понятіе о дружинѣ, слѣдующей за княземъ въ походъ, до XII в. удержалось въ словѣ полкъ,

*) Ducange, Gloss. med. et inf. lat. Grimm, D. G. 2, 452.

**) Inst. I. sl. 118—119.

что видно, напр., изъ заглавія: Слово о плыку Иго-
 ревь. Какъ дружина переходитъ у Готевъ и Нор-
 манновъ въ значеніе народа, такъ и полкъ, въ рг.
 рикъ, получаетъ значеніе рѣдь, въ бс. рисжаню граж-
 данинъ, мѣщанинъ; рисжанскі vulgaris. Въ этомъ толь-
 ко последнемъ значеніи, въ значеніи народа полкъ
 проходитъ всѣ нѣмецкія варіанты: др. н. volu, volo,
 ск. fôlk и друг.; за исключеніемъ готскаго, въ ко-
 торомъ этого слова вовсе нѣтъ, и агс-го, въ коемъ
 foic имѣетъ не только полный смыслъ славянскаго
 полкъ и нѣмецкаго volo, но и лит-го pilkas (сбори-
 ще, толпа, стадо); такъ что древнечешскаго героя,
 Тетву Попелова, приведшаго полки Чеховые, можно
 назвать агс-мъ именемъ folctoga, т. е. воевода, пре-
 дводитель полковъ. — Такъ въ движеніи племень
 полки проходимы, и устанавлились, получая зна-
 ченіе народовъ, и наоборотъ мирная дружина дѣ-
 лалась враждебнымъ воинствомъ, и, черезъ гор-
 нило войны, выработывалась въ цѣлый народъ*).
 Не родство уже было основою такого единенія, но
 сообщество, полюбовная сходка, а иногда и необходи-
 мость. Если славянскую форму плукъ, нулкъ мы
 примемъ за древнѣйшую и основную, ибо у замѣ-
 няется въ послѣдствіи краткимъ ѳ, и потомъ уже
 звукомъ серединнымъ о, который единогласно зву-
 чить въ нѣм. volc и др.; а нѣм. f, v соответствуетъ
 скр-у и нашему л, напр. г. fulls, др. нѣм. vol, скр.

*) С. П. Шевырева Ист. рус. слов. вып. I, стр. 65—66.

пурна, полный: то наше пулкъ будетъ происходить
 по прямой линіи отъ скр. пул coaservare, magnum
 esse, стоящаго въ родственномъ созвучіи съ прр
 iprere. Следовательно и по производству, также
 какъ и по употребленію, полкъ имѣеть значеніе
 сооршца, толпы, множества.

3. готскій переводъ Св. Писанія намъ свидѣ-
 тельствуетъ, что въ IV в. смѣшивали понятіе о мно-
 жествѣ или толпѣ съ понятіемъ о дружинѣ воин-
 ской: такъ у Ул. hansa соответствуетъ въ О. Е.
 двумъ словамъ: множество (πλήθος) и спира, т. е.
 σπῆρα, caterva militum; а именно: множество много
 люди, у Ул. hansa milika manageins, Лук. 6. 17.—
 и призываютъ всѣхъ спира, у Ул. jah gabaihaitum
 alla hansa, Мр. 15, 16. id. Io. 18, 3. — Следова-
 тельно толпа, множество, сборище, народъ—въ древ-
 нѣйшую эпоху были синонимами дружины, полка,
 воинскаго отряда. Гот. hansa едвали происхожденія
 нѣмецкаго, ноо кромѣ др. нѣм. въ другихъ старин-
 ныхъ нарѣчіяхъ нѣмецкихъ мы его не находимъ.
 Именно это обстоятельство благоприятствуетъ остро-
 умному, хотя и слишкомъ смѣлому сближенію Кол-
 лара *) нѣмецкой ганзы съ слав. жза, т. е. зназа, съ
 вридыханіемъ г: ганза или гза, какъ полаб. wupsal,
 слнчъ окно, гокно и вокно. Исторически извѣстное,
 древнѣйшее вридыханіе при словѣ жза, аже, было ъ,

(* Cestopis, 1843 г. стр. 108.

о чемъ свидѣтельствуеть Фрейз. ркпс: i u zelezneh vvosich, и въ жельзынхъ вжихъ, и Реймск. Еван., въ коемъ Остромирову: „раадръшити ремене сапогъ его“ соотвѣтствуетъ: „въвза сапогу.“ Если hanza есть наше вѣза, то надобно предпологать уже въ древнѣйшее время двойное произношеніе врьдыханія у Славянъ. — По крайней мѣрѣ исторія славянскихъ ~~другъ и дружина у Нанцевъ~~ — объясняетъ возможность перехода древнеславянскаго понятія о родствѣ, ~~заключеннаго въ словѣ вѣза,~~ вѣза (ажика) къ нѣмецкому употребленію этого слова въ смыслѣ сбора, толпы и даже воинства. Такимъ образомъ, чрезъ враждебныя отношенія, племена и языки восходили отъ осязательныхъ представлений семейнаго быта до отвлеченныхъ понятій о народѣ и целостности.

9. ГРЕЦИЗМЫ

Вѣрный своимъ началамъ, славянскій переводъ Св. Писанія предлагаетъ гораздо больше грецизмовъ въ сравненіи съ переводами нѣмецкими. Ульфила, придерживаясь народности, уже въ IV в. умѣлъ оградиться отъ вліянія греческаго, такъ что сличеніе его текста съ славянскимъ выказываетъ совершенно отличную отъ нашего перевода редакцію. Обиліе грецизмовъ и отстраненіе отъ выраженій, непосредственно изъ жизни народной почерпнутыхъ, свидѣтельствуютъ о греческомъ литературномъ происхожденіи нашего перевода Св. Писанія. Самая правиль-

ность и чистота грамматических форм Остромирова текста предполагают неприкосновенную сохранность языка славянского перевода Св. Писания от произвола и случайностей, которымъ текстъ непременно подвергся бы и въ древнѣйшую уже эпоху, если бы только на одной народной почвѣ получилъ свое начало, какъ онъ подвергался въ послѣдствіи.

Между словами иноязычными въ славянскомъ текстѣ Св. Писанія должно отличать грецизмы отъ латинизмовъ, вошедшихъ въ греческій текстъ. Очевидно, что сіи послѣдніе, какъ менѣе вразумительные переводчикамъ, или же, какъ термины техническіе, условные, остаются въ большей неприкосновенности: собственно же грецизмы иногда и переводятся въ нашѣмъ текстѣ. Такъ *κεντουρίων*, какъ слово латинскаго происхожденія, постоянно передается въ О. Е. словомъ кентурионъ, и только въ одномъ мѣстѣ, именно Мр. 15, 44, 45, переводится сотникомъ: но и здѣсь видимъ не твердое употребленіе слова сотникъ, ибо это Евангеліе, повторяясь въ О. Е. дважды, лист. 17, в, и лист. 194 в., въ одномъ мѣстѣ удерживаетъ слово сотникъ, а въ другомъ кентурионъ; у Ул. *hundra-fars*, т. е. господинъ, начальникъ сотни. Что же касается до *ἐκατόνταρχος*, то оно постоянно переводится сотникомъ. Тоже должно замѣтить и о *χιλίαρχος*, коему, какъ слову греческому, понятному переводчикамъ, соответствуетъ тысящникъ. Тѣмъ болѣе объясняется въ Евангеліи явленіе кентуриона, какъ латинизма, что дѣленіе

властей славянскихъ на десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ и тысяцкихъ было искони у Славянъ, равно какъ и у Готевъ, у комхъ, по древнѣйшимъ законамъ, были *millenarii*, *quingentenarii*, *septenarii*, *decani* *). Въ житіи Св. Симеона, мѣданомъ Дометіаномъ, 1264, значится: и призванъ все власти царства своего, великими и малыи, десетники и петидесетники и сътники и тьсумтнники. — Латинскаго же происхожденія *custodix* передано въ О. Е. кустодія, у Ул. свое, народное *vardjans*, т. е. стража, отъ *vardja* стражъ. Напротивъ того греческое слово *φυλαχῆ* не переводится стража: въ кнѣхъ стражъ тать придетъ, *πρὸς φυλαχῆ*, Мат. 24, 43; и темница: въ темници *ἐν φυλαχῆ*, Мат. 25, 39. Слово кустодія, какъ латинизмъ, до позднѣйшаго времени оставалось не понятнымъ: такъ въ Церковномъ Уставѣ, писан. въ 1608 г., осуждается ложное толкованіе этого слова: „што нарекуть кустодию. Пилатову девицу ключницу то есть ересь все то не было кустодія есть воиновъ полкъ рекше рать.“ Вост. опис. Рум. Муз. 717.—Отъ лат. *legio*, *λεγιών*, въ О. Е. легионъ, у Ул. не только *laigaion*, но и своеземное *harjis*, т. е. войско, толпа. — *senus*, *κῆνος*, въ О. Е. кнѣсь, у Ул. *kaisara-gild*,—*sudarium*, *συδάριον*, въ О. Е. сударь, у Ул. не только *aurali*, но и *fapa*, можетъ быть родственное лат-у *rappus*, но не чуж-

*) Шафар. *Slow. Starež*. стр. 52. Палацк. сравн. закон. царя Стеф. Душана съ древн. земск. постановл. Чеховъ, въ Чтен. общ. ист. и др. 1846, N 2.

дое и прочимъ нѣм. нарѣчямъ, и даже переходящее въ значеніе знамени, vexillum, въ нѣм. fahne.

Грецизмы въ О. Е. по преимуществу ограничиваются только названіемъ предметовъ, касающихся удобствъ жизни, ремесль, произведеній природы, для коихъ слова или вовсе не существовали въ языкѣ славянскомъ, или же были неизвѣстны переводчикамъ. Сими послѣднимъ даже выгодно было употреблять иностранныя реченія въ этомъ случаѣ для того, чтобы придать слогу величіе, не унизивъ его напоминаніемъ предметовъ жизни ежедневной. Иное дѣло съ понятіями нравственными: онѣ уже сами по себѣ возбуждали приличную высокому предмету мысль, и слѣдовательно не нуждались въ непонятномъ выраженіи посредствомъ грецизма, который въ этомъ случаѣ могъ бы вредить переводу. Нравственное же понятіе, переданное грецизмомъ, получало въ слав. текстѣ какъ бы значеніе собственнаго имени, какъ бы олицетворялось: таково напр. слово: мамона, вошедшее въ языкъ слав. перевода, вѣроятно, изъ устнаго употребленія этого слова, см. Мат. 6, 24, Лук. 16, 11 и 13. У Ул. не только шатинон, Мат. 6, 24, но и faihu-praihna, т. е. divitiis, Лук. 16, 11 и 13: faihu-praihns сложено изъ prei-han drängen, и faihu собственно скоть, а потомъ и богатство; въ Tat. harm. Ev: uweroltuolun, тоже сложное изъ werolt или weralt—mundus, seculum, и wolo, wola или wela divitiae, felicitas.

Изъ сличенія грецизмовъ нашего перевода съ текстами готт. и др. нѣм., увидимъ большее стремленіе къ національности въ выраженіи послѣднихъ.

ехидна: въ О. Е. ищадна ехидьнова, *γενηματα ἐχιδνῶν*, Лук. 3, 7; у Ул. *kuni padre*; др. нѣм. Ев. VIII в. *potrono chnosles*, Мат. 12, 34. Въ О. Е. змия, ищадна ехидьнова, Мат. 23, 33, въ др. нѣм. Ев. VIII в. *potrun*, *potrona cnosles*; Tat. harm. Ev. IX в. *berd potruno*.

сикеръ, *σίκερα*, т. е. вино изъ соку пальмовыхъ плодовъ: Лук. 1, 15 вина и сикера, у Ул. *veip jah leipri*, въ Tat. harm. Ev. *uipn poh lid*. Слово *leipus*, *lid*, *lit* было столь народно, что сохранилось въ названіи др. нѣм. юридическаго обычая, состоявшаго въ питьѣ вина при покупкѣ: *litkouf*. Этотъ юридическій символъ остался и у насъ въ обычаяхъ *спрыскивать виномъ* покупку и все новое.

кринь, *κρίνον*, собственно лилія: Ул. замѣнилъ грецизмъ народнымъ названіемъ, хотя и выражающимъ общее понятіе цвѣтка: *bloma*. Названія растений и благовоной южнаго климата, равно чуждыхъ и Славянамъ, и Нѣмцамъ, переводились и у тѣхъ и у другихъ словами чужестранными, чему доказательствомъ служить слѣдующее мѣсто Іо. 12, 3: *примыши литра мура нарда пистыкии*, у Ул. *patr pund balsanis pardaus pistikeinis*: въ подлинникѣ почти тѣже звуки, какъ и въ слав. текстѣ: *λίτραν μύρου νάρδου*

πῶτιχῆς: особенно силенъ грецизмъ *пистикии*, *pistikeins*, коимъ переводится πῶτιχός, собственно—чистый, несмѣшанный. Такой же грецизмъ находимъ Мр. 14, 3: алавастръ мѣра, нардопистикии, ἀλάβαστρον μέρου, ἄρδου πῶτιχῆς; въ испр. по крайней мѣрѣ установлена синтаксическая связь греческаго текста: алавастръ мѣра нарднаго пистикиа. Даже и здѣсь текстъ Tat. harm. Ev. стремится къ болѣе самостоятельности: salbfaz salbun fon parthu gitana diura, согласно съ лат. текстомъ: alabastrum unguenti paradi spicati praetiosi.

сукаминъ и сукоморня, *сухάμινος* и *сухомораία*, у Ул. *baina-bagms* и *smakka-bagms*; последнее соответствуетъ также гр-у *сухῆ*, въ О. Е. смолы.

карвана: въ О. Е. въ карванъ, ἐς τὸν χορβανᾶν, у Ул. *in kauḡbanaun*, Мат. 27, 6; но въ др. нѣм. Ев. VIII в. уже переводъ: *in geldfaze*; а въ Tat. harm. Ev. сложное съ *treso*, т. е. *thesaurus*: *tresofaz*.

пира, *πῆρα*, т. е. дорожная сума для хлѣба; у Ул. слово туземное: *mati-balgs*, сложное изъ *matz* лица и *balgs* мѣхъ, сума.

сандалии, *σανδάλιον*, у Ул. *sulja*, откуда нѣм. *sohle*.

Многіе изъ грецизмовъ славянскаго перевода Св. Писанія остались неприкосновеннымъ достояніемъ языка церковнаго, тогда какъ у Ул. имъ соответствуютъ выраженія народныя, напр. трапеза, *траѣѣца*, у Ул. *biuds*; скиннѣя, *σκήνος*, *σκηνή*: Лук. 9, 33:

скинимъ три, у Ул. народныя ; hleifra, hlíja ; впрочемъ и въ О. Е. въ другомъ мѣстѣ, именно Мат. 17, 4: три кровы.

Др. чешскіе тексты Св. Писанія, подобно др. нѣмецкимъ, являютъ бѣльшее отстраненіе отъ греческихъ. Такъ акридъ, ἀκρίς, род.-ιδος: у Ул. туземное gramstei, по Габеленцу и Лѣбе, отъ grimman salire; въ Реймск. Ев. въ одномъ мѣстѣ, Мат. 3, 4, это слово вовсе пропущено, въ другомъ же, именно Мр. 1, 6 замѣнено понятнымъ, славянскимъ: ѣды пржгы, въ О. Е. яды акридъ. Памва Берында объясняетъ: „прузи, пружіе: конички, кобылки, саранча. верхки дерева, зѣля. або трава, единоименна саранчи, бо на тую цвѣтъ еи подобен, але смаку вдячного и трвалого корень еи.“—лентии, λέυτιον, лат. linteum; въ Рейм. Ев. впрочемъ еще ближе, по грамматической формѣ, къ греческому тексту: лѣнтионъ, твор. лѣнтиономъ, тогда какъ въ О. Е.: лентимъ, Ио. 13, 5; но въ чеш. отрывкѣ Ев. X в. уже славянское *пашница*: uze razaiisu, Ио. 13, 4. Отступленія отъ греческаго текста въ этомъ последнемъ памятникѣ объясняются тѣмъ, что глоссаторъ имѣлъ намѣреніе каждое слово латинскаго текста пояснить: потому то онъ и osanna переводитъ: зраза, и даже amen—цегу; и позднѣйшіе чешскіе тексты Св. Писанія стремились сблизить переводъ съ славянскими понятіями: потому въ чеш. Ев. XIV в. мы находимъ вмѣсто осанна—chwála spasy (въ рук. spassy), а вмѣсто аминь—wěgně; точно также, какъ и въ др. нѣм. Ев. VIII в.

uuar iu zagem, въ О. Е. амин глѣж вамъ, Мат. 24,
 34. — Фуникъ: Ио. 12, 13, въ О. Е. вѣиъ отъ фу-
 никъ, βαίλα τῶν φονίχων; въ чеш. отр. X в. letorozli
 palmíni, соответственно латинскому ramos palmarum;
 въ чеш. Ев. XIV замѣнено palmíni словомъ тузем-
 нымъ: jehnědowé, т. е. тополевыя, отъ gahněda или
 gehněda populus alba; у Ул. также народное выра-
 жение: astans peikabagme: peik же не сокращенная фор-
 ма изъ peinika, но скорѣе соответствуетъ лат-у pi-
 cea и гр-у πεύχη, и сродно съ др. фр. pik, агс. pic,
 др. нѣм. pih, и др.: слѣд. peika-bagms fichtenbaum.—
 възлежати ἀνακλιθεῖσθαι, въ смыслѣ: быть вмѣстѣ, бе-
 съдовать, всть: въ О. Е.: Лазарь же идинъ бѣ отъ
 възлежацихъ съ нимъ, Ио. 12, 2; у Ул. тоже чуж-
 дое понятие: anakumbjandane mīp imma; въ чеш. же
 Ев. XIV в. уже просто: Lazař jeden bieše z jedúcich
 s nim; точно также и въ др. нѣм. Ев. VIII в. вмѣ-
 сто възлежацихъ встрѣчаемъ или kastuoli, отъ stuol
 sedes, triclinium, или же sizzentun, т. е. сидящихъ,
 Мат. 22, 10 и 11.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа.

2. Въ періодъ своего образованія языкъ носитъ на себѣ слѣды мифологіи народной.

3. Древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самого языка.

4. Родство языковъ индоевропейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ.

5. Мифологическія преданія Славянъ должны быть изучаемы въ связи съ преданіями другихъ средне-вѣковыхъ народовъ, и преимущественно съ преданіями нѣмецкихъ племенъ.

6. Готскій переводъ Библии предлагаетъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ IV вѣкѣ.

7. Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меодія подвергся вліянію Христіанскихъ идей.

8. Славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія Христіанскихъ понятій, происшедшею въ слѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ.

9. Готскій переводъ Библии, напротивъ того, являетъ рѣзкій переходъ отъ выраженной мифологическихъ къ Христіанскимъ, и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія Христіанскихъ идей.

10. По родству преданій славянскихъ съ нѣмецкими, не только готскій переводъ Библии, но и др. нѣм. переводы Евангелія, VIII и IX в., предлагаютъ намъ многіе общіе у Славянъ съ Нѣмцами древнѣйшіе обычаи и вѣрованія, ясно сохранившіеся въ нѣмецкихъ переводахъ Св. Писанія, но невошедшіе въ славянскій.

11. Переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда

въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ.

12. Напротивъ того, въ языкѣ не только др. нѣм. переводовъ Св. Писанія, но даже и готскаго, замѣчается бѣльшее развитіе государственныхъ понятій.

13. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго.

14. Столкновения съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаниемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго.

15. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумнія Христіанскихъ идей, очищеннаго отъ преданій дохристіанскихъ, усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо менѣе въ готскомъ.

16. По языку перевода Св. Писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія.

869074